

Брайан Толуэлл

Книга,
которую ждали
20 лет!

романы
из цикла
«Великая Душа»

ОБРЕЧЁННЫЕ
НА
БЕССМЕРТИЕ

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Брайан Толуэлл

**Обречённые на бессмертие.
Освобождение. Книга, которую
ждали 20 лет! Романы из
цикла «Великая Душа»**

«Издательские решения»

Толуэлл Б.

Обречённые на бессмертие. Освобождение. Книга, которую ждали 20 лет! Романы из цикла «Великая Душа» / Б. Толуэлл — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830581-8

Меч и мужество против звёздной магии в продолжении легендарного романа Брайана Толуэлла «Раб Змеиной Королевы»! Реки крови смывают целые города хайборийских стран. Тхутмертари, владычица мрачной Стигии, опираясь на мощь своего раба, продолжает кровавый поход против всего мира. Зло, воплощённое в новоявленной богине, угрожает скорой гибелью всему человечеству. Чтобы исправить свою роковую ошибку, Конан, король, лишённый трона, решается на невозможное. Его ждут великие битвы за свободу Хайбории.

ISBN 978-5-44-830581-8

© Толуэлл Б.
© Издательские решения

Содержание

Толуэлл: возрождение	6
Краткое содержание предыдущих книг	11
Книга I. Неподвластный богам	12
Книга II. Огни будущего	14
Книга III. Амулет Небесного Народа	16
Книга IV. Раб Змеиной Королевы	19
Книга V.	21
Действующие лица	21
Пролог	23
1. Благородный дом Хосе, маркиз дель Сантос	25
2. Послание Великому Шу	34
3. Слуга Нергала	43
4. Шпион, кутруб и Железная Башня	51
5. Ты сгинешь в неведанной Тьме!	59
6. Вибий Латро, герцог Тарантийский	74
7. Падение Эрука	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

**Обречённые на бессмертие.
Освобождение
Книга, которую ждали 20 лет!
Романы из цикла «Великая Душа»**

Брайан Толуэлл

Дизайн обложки и карты — Алекс Лакедра

© Брайан Толуэлл, 2017

ISBN 978-5-4483-0581-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Толуэлл: возрождение

Приветствую, друзья!

Вы держите в руках книгу, которую её автор ждал 20 лет. И почти столько же эту книгу ждали мои верные читатели.

А началась эта история в далёком 1994 году. В ту пору я был молодым учёным, только-только защитившим кандидатскую диссертацию. Однажды после жаркого научного диспута я вышел на улицу и увидел поблизости книжный лоток. В глаза мне сразу бросилась обложка, а на ней – Арнольд Шварценеггер в образе Конана с огромным двуручным мечом. Актёр уже был знаменит на весь мир ролью Терминатора. Но именно Конан принёс ему первую славу. Фильмы «Конан-варвар» (1982) и «Конан-разрушитель» (1984) показывали у нас ещё в советских видеосалонах, с них и началось моё знакомство с киммерийцем.

Сейчас мне самому не верится, но я тогда и не подозревал, что об этом герое есть не только фильмы, но и книги, что книг на самом деле очень много. У нас во времена СССР их не было вообще. Тем более, я не подозревал, что и сам стану писать их!

Под обложкой со Шварценеггером оказался сборник рассказов Роберта Говарда, американского писателя, которого мы, поклонники его таланта, называем Мастером, по аналогии с тем, как толкиенисты называют творца «Властелина Колец» Профессором. В отличие от Профессора, Мастер прожил в нашем мире недолго, всего 30 лет, но обессмертил своё имя, создав Конана и его мир.

Я прочитал рассказы Говарда о Конане и был ими покорён – не столько самим Конаном (огромный мускулистый варвар, мы уже таких видали!), сколько потрясающим, феерическим и, в то же время, очень слаженным, продуманным, гениально вылепленным миром псевдоисторической Хайборийской эры.

В те годы я активно занимался «книгообменом», так что отлавливал новинки на лету и составлял свою библиотеку. Стал собирать Сагу о Конане, читал каждую книгу, которая попадала мне в руки, и ни одну из них не упускал. Те старые тома (1992—1997) и теперь лежат в двух больших коробках. Продать или отдать не поднимается рука.

В ту пору, когда я впервые встретил говардовского Конана, было мне почти вдвое меньше, чем теперь. Оглядываясь назад, хочу сказать: с книгами о Конане и мире Хайборийской эры связаны лучшие годы моей творческой жизни – никакие другие не читал так много и взахлёб, ни в какие иные миры не погружался так надолго и с таким восторгом.

Но Сет, Змей Вечной Ночи, послал мне новое опасное искушение. Кто, кроме Сета, в самом деле, мог внушить соблазн не только читать, но также самому писать о Конане и о Хайбории? Ещё раз: я в то время – молодой учёный и преподаватель вуза, кандидат наук, сфера моих научных интересов страшно далека от «фэнтези меча и колдовства».

И всё же я поддался этим искушениям, о чём теперь отчаянно жалею и – одновременно – горжусь, что сделал это, всё-таки решился. Лишь много лет спустя смог в полной мере осознать, что натворил: я написал апокриф к знаменитой Саге. Но сейчас, в наши дни, это самое объёмное произведение «конанианы» не только среди отечественных авторов, но и, насколько мне известно, в мире вообще. На русском языке – одно из самых обсуждаемых и популярных. Речь, конечно, идёт о цикле романов «Великая Душа».

Первая собственная книга, впрочем, появилась как «фанфик». Весь текст писался от руки, у него даже названия тогда не было. «Неподвластным богам» я его назвал потом, ближе к изданию. Но сначала и не думал ничего публиковать! Писал для себя, для родителей, для друзей, кто увлекался новомодным в то время жанром *fantasy*. Я и не представлял тогда, в какую эпопею, во всех смыслах, это выльется, сколько томов будет написано и сколько копий сломано вокруг «скандальных, поражающих воображение» романов Толуэлла. Я был

неопытен, горяч, почти без тормозов. Сегодня я бы написал иначе. Сегодня сам с недоумением смотрю на первые две книги цикла, на «Неподвластного богам» и «Огни Будущего». Следующие два романа, «Амулет Небесного Народа» и «Раб Змеиной Королевы», показали моим читателям, издателям, мне самому, что автор, даже совершив отчаянную, с точки зрения фанатов-ортодоксов, дерзость, способен взять какой-то новый, обоюдоострый, неожиданный для Саги уровень. И, наконец, следующими двумя романами цикла я по-настоящему горжусь. Но их-то и пришлось ждать целых 20 лет! Они вошли в книгу, которую вы держите сейчас в руках. Эта книга – первое нормальное издание романов Толуэлла с 1997 года.

Похоже, верно: чтобы увидеть свет, нужно сначала познать тьму. Похоже, древним богам Хайбории было угодно, чтобы автор, подобно его героям и антигероям, сполна расплатился за свою дерзость. Похоже, моему апокрифу необходимо было время, чтобы отстоять свои права на жизнь. А отстояв, найти и обрести второе дыхание.

Итак, долгие годы я дремал, скованный тяжким закланием, в мрачной темнице своего писательского рока. Долгие годы я проклинал Судьбу и, вместе с тем, благодарил её за моих читателей, которые всё это время не давали мне покоя, обсуждали мои романы, требовали продолжения. Долгие годы, изо дня в день, я задавал себе один вопрос: вправе ли я уносить с собой на Серые Равнины книги, которые столько людей так долго и упорно ждут?..

Наконец, настал тот миг, когда магия моих читателей развеяла злые чары рока и пробудила Толуэлла к возрождению.

Осенью 2014 года я вернулся к моим книгам, к «Великой Душе», и принялся писать цикл заново, с того самого места, где был вынужден его оставить почти 20 лет тому назад.

Скажу вам по секрету – делать это в наши дни оказалось сложнее, но и интереснее, чем в те времена. Тогда интернета не было, писатель не знал своих читателей, для него они были безымянной публикой, среди которой расходится книжный тираж. Но теперь есть мировая сеть, с ней появилась живая обратная связь, в наше время автор знает своих читателей по именам, уж точно – по никам на форумах и в соцсетях, по чатам и по старой доброй электронной переписке. Я с удовольствием общаюсь с читателями, получаю отзывы и критику.

Из старых набросков и когда-то намеченных планов рождаются совершенно новые идеи, персонажи, тексты. Сам с некоторым недоумением замечая, как мои произведения, не спрашивая автора, живут своей странной жизнью, обрастают собственной мифологией, а у их героев развивается собственная, обособленная от событий «Великой Души» история, которая уже пустила корни в говардовский канон.

В настоящее время цикл «Великая Душа» состоит из двух трилогий, их можно читать по отдельности или как один большой роман-эпопею со сквозным, непрерывным сюжетом и общими персонажами.

Первая трилогия объединяет романы «Неподвластный богам» (1994), «Огни Будущего» (1994—1995) и «Амулет Небесного Народа» (1995), в них главным антагонистом Конана-варвара, короля Аквилонии, и всего Хайборийского мира предстаёт карлик Тезиас, учёный, волшебник, самозванный бог по прозвищу «Великая Душа».

Вторая трилогия начинается романом «Раб Змеиной Королевы» (1995—1996), в котором Тезиас, собственно, и становится этим рабом, а Тхутмертари, злая волшебница из Стигии, дочь человека и змеи, его владычицей. Конан сражается за свой трон со злодеем-двойником и наёмниками, призванными в Хайборию из нашего времени. В этом же романе Тхутмертари начинает кровавый поход против остального мира.

Новые романы «Обречённые на Бессмертие» (2015) и «Освобождение» (2016), публикуемые в настоящем томе, являются, соответственно, второй и третьей частями трилогии, начатой «Рабом Змеиной Королевы». Они продолжают и завершают историю кровавого похода Тхутмертари. Здесь также завершается противостояние между Конаном-варваром

и его «современным» двойником-антагонистом. Одновременно развиваются новые сюжетные линии и действуют персонажи, которые сыграют ключевую роль в следующих книгах цикла.

В качестве бонуса моим читателям публикуются и четыре главы из следующего за «Освобождением» романа «Похитители Победы», я написал их специально для этой книги. Надеюсь, они дадут внятное представление о том, каким будет очередной, уже седьмой, роман цикла «Великая Душа», какие приключения ждут наших героев.

А в конце тома вы найдёте краткий обзор нового (с 2015) цикла «Изгои», который является своеобразным приквелом «Великой Души». Цикл «Изгои» рассказывает о приключениях Джосера и Камии, молодых принцев-авантюристов, и их столкновениях с Конаном-варваром.

Я очень признателен коллегам и читателям, кто способствовал появлению этой книги, всем, оставляющим свои конструктивные замечания, предложения и просто добрые пожелания. Отдельно благодарю администрацию форума Киммерия.Ру, предоставившую отличную площадку для публикации моих произведений, а также активных участников этого форума, за конструктивную критику, заинтересованные обсуждения и ценные советы. Моя глубокая благодарность коллеге Алексу Лакедре, отличному переводчику и замечательному человеку, за дизайн обложки этой книги и новую карту Хайбории.

Брайан Толуэлл, 2016.

Связаться со мной, а также заказать эту книгу в твёрдом переплёте можно по электронной почте Tolwell@gmail.com, мои авторские страницы: [битая ссылка] <https://vk.com/tolwell>, [битая ссылка] <http://tolwell.livejournal.com>, [битая ссылка] http://samlib.ru/t/toluell_b, [битая ссылка] <https://fantlab.ru/autor9688>, страница малотиражного клубного издания в твёрдом переплёте – [битая ссылка] <https://fantlab.ru/edition180277>.

Для тех, кто хотел бы поддержать автора материально:

Карта Сбербанка 4854630147170164;

Яндекс-кошелёк 41001451798774;

Яндекс-карта 5106218034942805.

Краткое содержание предыдущих книг цикла «Великая Душа»

Первые три книги цикла «Великая Душа» повествуют о борьбе Конана-варвара с карликом Тезиасом по прозвищу Великая Душа.

Конану-киммерийцу около 50 лет, он король Аквилонии, самой могущественной державы Хайборийского Запада.

Тезиас – волшебник, сумевший овладеть тайнами звездной магии, мечтающий о власти над миром, его главная сила – в умении внушать людям то, чего в действительности не происходит.

Книга I. Неподвластный богам

В начале романа Тезиас появляется при дворе немедийского короля Тараска, давнего врага Конана, и предлагает свою помощь в борьбе с киммерийцем. Тараск, возмущенный наглостью карлика, отдаёт его на растерзание свирепому демону по имени Сур, живущему в подземелье королевского дворца. Тезиас умирляет демона. Тараск вынужден принять «помощь» Тезиаса. Вскоре он сам становится марионеткой амбициозного карлика.

Тем временем волшебник Пелиас прилетает в Тарантию, столицу Аквилонии, чтобы предупредить своего друга Конана об опасности, которая исходит от Тезиаса. Пелиас знает Тезиаса как своего ученика, недавно он сбежал, похитив у учителя Книгу Судеб, сокровищницу тайных знаний, которую никому еще не удавалось открыть; Тезиасу это удалось.

Впечатленный рассказом Пелиаса, Конан вместе с ним отправляется в Бельверус, столицу Немедии, где видит, как Тезиас выпивает жизненную силу у тысяч обманутых им и Тараском людей. Их жизненная сила нужна Тезиасу, чтобы совершить путешествие к тайной пирамиде Стража Земли, на которую имеются указания в Книге Судеб. Этот Страж оставлен здесь в незапамятные времена шестнадцатью могущественными пришельцами, чтобы охранять саму жизнь на Земле. Освободив свой дух из тела и превратившись в фантома, Тезиас проникает в обитель Стража и насыщает себя звездной магией. Теперь его сила сравнима с мощью самих богов. По возвращении от Стража Тезиас объявляет себя новым богом под именем Великая Душа и приступает к покорению хайборийских народов.

Конан и Пелиас обращаются к древним богам Хайбории, которые унижены Тезиасом, с тем чтобы они указали способ его уничтожить. Великий Змей Сет, повелитель сил Тьмы, сообщает им, что в Стигии живет таинственное существо Хьяхья, которое знает этот способ. Конану нелегко смириться с тем, что его союзниками в борьбе с Великой Душой оказываются злые стигийские колдуны, слуги Сета.

Тем временем Тезиас, используя свою силу, внушает подданным Конана, что их король предался Тьме, а единственный защитник – это он, новый защитник Аквилонии бог Великая Душа. Конан вынужден ретироваться. Вместе с Пелиасом и жрецом Асуры Хадратом он отправляется в Стигию на поиски Хьяхьи. После приключений со стигийскими жрецами Конан наконец находит его.

Хьяхья оказывается огромным мыслящим озером. Но он не всегда был таким. В давние времена, когда Землей правили люди-змеи, могучий пришелец Хьяхья поедая их, взамен давал кислород, очищал от нечисти Землю. Когда змеелюдей осталось совсем мало, вмешался Страж Земли. Страж сказал, что Хьяхья угрожает туземной жизни, и превратил пришельца в это неподвижное озеро. С тех пор Хьяхья лелеет мечту отомстить Стражу Земли. Теперь он может отомстить, покончив с Тезиасом, который получил свое могущество от Стража. Хьяхья передает Конану кристалл с далекой планеты, где живут существа без тел. Этот кристалл, Ромб Яхкунга, служит там темницей для души. Любая душа, попав в Ромб Яхкунга, не может вырваться обратно.

Жрецы и демоны, посланные Сетом, пытаются отнять у Конана Ромб Яхкунга. Они не хотят допустить новой великой победы лучшего воина Света, которого так ненавидят. С помощью Хьяхьи и своих друзей Пелиаса и Хадрата Конан одерживает верх. Он возвращается в Бельверус, чтобы сразиться с Великой Душой.

Но первым на его пути попадает тот самый демон, Сур. Конан вынужден защищаться. Будучи на волосок от гибели, Конан использует против демона Ромб Яхкунга, а затем продолжает путь к логову Тезиаса.

В это время Тезиас проводит сложный обряд воссоединения души и тела. Конан застаёт своего противника врасплох. Конан поражает человеческое тело карлика мечом, а бога-фантома пленяет Ромбом Яхкунга. Победа над Великой Душой одержана.

В эпилоге романа «Неподвластный богам» Конан выбрасывает кристалл, пленивший самозванного бога, в глубины моря Вилайет. Где его и находят таинственные пилигримы в синих плащах.

Книга II. Огни будущего

В своем замке в Карпашских горах Синие Монахи воскрешают Тезиаса, Великую Душу. Брахо, их магистр, рассказывает воскрешенному карлику, что много столетий тому назад бог Великая Душа явился в мир, создал это братство могучих волшебников и наложил на него заклятие служить Великой Душе, а затем исчез – так же внезапно, как и появился.

Возродившись к жизни в своем прежнем теле, но с Ромбом Яхкунга вместо человеческого сердца, Тезиас полон решимости вернуть себе власть над миром и жестоко отомстить Конану-победителю. Но пока карлик еще слишком слаб.

В это время стигийский маг Тот-Амон, верховный жрец Сета и глава Черного Круга, выпускает из магической темницы принцессу Тхутмертари, злую волшебницу, дочь прежнего короля Стигии Ментуфера и женщины-змеи. Тот-Амон поручает ей доставить Конанаварвара в Стигию, где, по замыслу верховного жреца, он должен послужить приманкой для алчущего мести Тезиаса. Тот-Амон мечтает угодить своему темному богу Сету, погубив одним махом обоих его врагов – Тезиаса и Конана. В обмен на свободу Тхутмертари берется исполнить этот план.

Нежити, рабы Тхутмертари, похищают Конана прямо из королевского дворца в Тарантии. Они влекут киммерийца в Стигию самым коротким путем – через Преисподние Миры. Неожиданно на помощь Конану приходит Брахо. По повелению его хозяина, Конан должен быть превращен из короля-воина в изнеженного и самовлюбленного царька – такой Конан более не будет опасен Великой Душе. Брахо пытается отнять у Конана волю к борьбе – Конан сопротивляется. Чувствуя, что его силы на исходе, он взывает к своему богу Крому. Отец Киммерии откликается на его зов и сам вступает в схватку с Брахо. Тезиасу едва удаётся вытащить своего верного слугу. Самозванный бог понимает, что ему не справиться с Конаном, пока того хранят истинные боги Хайбории. С тем, чтобы навсегда избавиться от киммерийца, Тезиас решает отправить Конана в далекое будущее и приступает к переводу необходимого для такого волшебства заклинания из Книги Судеб.

Однако этот перевод оказывается неверным, и вместо того, чтобы отправить в будущее Конана, Тезиас невольно призывает из будущего, из нашего XX века, его точную копию. Так в Хайборийском мире появляется американец Джейк Митчелл, бывший рейнджер, а в конце 90-х – капитан наемников, военных пилотов. Но Тезиас недолго грустит о своей неудаче. У него созревает новый коварный план: подменить Конана Джейком на престоле Аквилонии.

Тем временем сам Конан с верным войском спешит к новому логову карлика. Тхутмертари навязывается ему в попутчицы. Сначала Конан не желает принимать помощь волшебницы, об ужасных злодеяниях которой был наслышан еще в свою бытность пиратом Барахских островов. Однако Тхутмертари спасает ему жизнь, и Конан принимает ее помощь: слуги Сета – старые, известные враги, сейчас главное – уничтожить Тезиаса, а с Тот-Амоном и Тхутмертари он потом разберется. Сама Тхутмертари надеется с помощью Конана победить Великую Душу, после чего принести великого киммерийца в жертву своему злобному богу и тем снискать его милость.

Тезиас считывает из мозга Джейка сведения о мире будущего (XX века). Великую Душу восхищает этот мир. Используя то же заклинание, каким был призван Джейк, Тезиас призывает в свой мир и его компаньона – дока Луиджи Фонтанелли, сумасшедшего гения, а затем, уже с помощью Фонтанелли, – созданный этим гением могучий вертолёт «Черный коршун». Так у Тезиаса появляется оружие, какого никогда не видел Хайборийский мир.

На пути армии Конана к Замку Синих Монахов Тезиас воздвигает смущающие разум миражи. Только Конану и Тхутмертари удастся добраться до Замка. Путем обмана Тезиас пленяет Конана. Тхутмертари вступает в схватку с Синими Монахами, ей помогают демоны

и нежити. В конце концов Тезиас побеждает волшебницу. Обессиленную, он отправляет ее обратно в Стигию, на расправу к Тот-Амону. А затем на глазах Конана устраивает шутовскую церемонию коронации Джейка Митчелла короной Аквилонии.

Наступает ночь. Конан томится в цепях. Наутро его ждёт превращение в стального истукана, а Джейк займет его место на троне. Появляется док Фонтанелли; Джейк рассказал ему о новых планах карлика. Но если Джейка, бродягу и авантюриста, эти планы привлекают, то честный ученый Фонтанелли возмущен: вместо того, чтобы служить науке, Великая Душа использует тайные знания в своекорыстных целях. Когда же док узнаёт, что Тезиас – живой мертвец, мечтающий о власти над целым миром, он помогает Конану освободиться.

Конан пробирается в чертог Синих Монахов и использует переведенное Тезиасом Заклинание Стали, чтобы превратить в стальных истуканов его собственных слуг. Столкнувшись с двойником, Конан сражается с ним и побеждает; в последнюю минуту Тезиас спасает Джейка. Оставшийся без своих верных Монахов, Тезиас деморализован, его силы на исходе. Он решает бежать. Фонтанелли погибает, пытаясь помешать ему. Тезиас и Джейк улетают из Замка на «Черном Коршуне».

Хотя кажется, что Тезиас уничтожен, Конан понимает: решающая схватка с самозванным богом – впереди.

В третьем романе цикла противостоять звездной магии Великой Души Конану помогает Светоч Истины, самый могущественный талисман Хайборийского мира, сотворенный самим Митрой, солнечным богом Света и Справедливости.

Книга III. Амулет Небесного Народа

Начинается роман новой встречей Конана и Пелиаса. Друзья понимают, что у них пока нет оружия, которым можно одолеть Тезиаса. Они отправляются за помощью к Милиусу, который известен как Скучающий Маг. По словам Пелиаса, этот маг когда-то был его первым учеником, а теперь живет здесь, в Карпашах, отшельником. Прежде, чем отправиться к Милиусу, Конан вручает своему военачальнику Просперо ту самую Книгу Судеб, с которой началось могущество Великой Души. Просперо должен отвезти ее в Тарантию и надежно спрятать от карлика.

Тем временем «Черный коршун» с Тезиасом и Джейком, двигаясь на восток, перелетает море Вилайет и достигает безлюдной местности, где возвышаются Горы Серых Обезьян. Здесь, прячась в иной реальности, оставленный безвестной космической расой, ждет своего будущего хозяина Зачарованный Город. Тезиас вызывает его в реальность Хайбории. Зачарованный Город весь состоит из «живой энергии», которая может воспроизводить любые неодушевленные предметы. Сердце Зачарованного Города – т. н. Стержень, исполинская колонна, уходящая в небеса. Стержень создаёт защитное поле вокруг Города, делая его обитателей неуязвимыми от нападения извне. Также из иной реальности Тезиас призывает гномов и закликает их служить ему и «королю Аквилонии», т. е. Джейку.

В это же время в Стигии верховный жрец Сета Тот-Амон приговаривает к жестокой смерти принцессу Тхутмертари, которая не выполнила его задание, а повела свою собственную игру. Но Тхутмертари удается спастись. В Преисподнем Мире волшебницу встречает ее старый наставник демон Люф. Он рассказывает ей подноготную всех недавних событий и обещает, что она сможет стать Избранницей Сета, если сумеет вывести у Конана некую Тайну, дающую власть над Великой Душой.

Тем временем Милиус отправляет Конана и Пелиаса в Страну Небесного Народа, это рай Митры, где хранится Око солнечного бога – талисман, известный как Светоч Истины. Этот Светоч умеет рассеивать любые чары, а значит, и звездную магию Великой Души. Но, похитив могущественный амулет, друзья сразу же попадают на суд «Небесного Народа» – похожих на ангелов существ, служащих Митре. Эти существа пытаются развоплотить дерзких смертных. В последний миг на помощь Конану и Пелиасу приходит Тхутмертари. Им троим удается бежать из рая в ад, из Страны Небесного Народа – в Преисподние Миры. Милиус пытается помешать встрече Конана и Тхутмертари, а когда это ему не удается – убить, когда и это не срабатывает – вернуть их в Страну Небесного Народа, на суд слуг Митры. Так Милиус пытается помешать Конану раскрыть Тхутмертари тайну, которую она желает знать.

Оказавшись в родной стихии, прекрасная спасительница околдовывает Конана, и он сам рассказывает ей всю историю своей борьбы с Тезиасом, Великой Душой, включая эпизод с демоном Суром, который был пленен тем же магическим кристаллом, что и бог Великая Душа. Теперь Тхутмертари знает тайну, о которой говорил ей старый наставник Люф. Вдохновленная перспективой стать Избранницей Сета и обрести власть над миром, Тхутмертари бросает Конана в лапы Тот-Амона, вероломно убивает Пелиаса, а сама исчезает, чтобы приступить к исполнению своей новой миссии.

Так Конан оказывается в Великой Пирамиде Кеми, самом логове стигийских колдунов. Но пока Тот-Амон злорадствует, Конану удается бежать. Тот-Амон высылает за ним погоню. Конан видит большой аргосский парусник, выходящий из порта Кеми. Это его шанс спастись. Оказавшись на корабле, Конан разоблачает заговор Тот-Амона против аргосского короля Мило и помогает аргосцам отбить атаку стигийцев, посланных за ним в погоню.

Корабль направляется в Мессантию, столицу Аргоса, откуда Конан намерен возвратиться в Тарантию.

Тем временем в Зачарованном Городе Тезиас с помощью знаний возрожденного из мертвых дока Фонтанелли призывает из будущего в хайборийский мир отряд наёмников, капитаном которого был Джейк Митчелл, всего сто человек. Самого Джейка под видом короля Конана Тезиас отправляет в Тарантию. Из «живой энергии» Тезиас создаёт точные копии «Черного коршуна», так чтобы у каждого наемника был собственный вертолёт, питаемый силой Стержня. С этим могучим воинством Тезиас планирует напасть на Стигию, чтобы положить конец угрозе со стороны Сета и его жрецов. Но сначала он хочет расколдовать своих верных слуг, Синих Монахов. И для этого ему опять нужна Книга Судеб.

Отчаявшись справиться с Конаном, Тхутмертари и Тезиасом собственными силами, Тот-Амон прибегает к крайнему средству: призывает безымянную Тварь из Чужой Вселенной и повелевает ей убить всех троих. Эта чудовищная Тварь занимает собой полнеба, ничто на свете не может противостоять ей, ни оружие людей, ни магия богов не берёт ее; связанная с Тот-Амоном нерушимой клятвой, она должна исполнить его волю. Тварь летит за Первой жертвой – Конаном.

А корабль, на котором плывет Конан, тем временем прибывает в Мессантию. Там Конана опознают как Амру (Льва), знаменитого в прошлом пирата, и бросают в темницу. Его также подозревают в колдовстве. Принц Кассио, наследник аргосского трона, помогает Конану спастись от костра. В этот момент в небе над Мессантией появляется Тварь. На выручку Конану приходит призрак древнего пророка Митры Эпимитреуса. Он забирает киммерийца из Мессантии в свою небесную обитель. Но как только Конан возвращает этому пророку Митры амулет Митры – Светоч Истины, «пророк» сбрасывает маску: на самом деле Конана спас Тезиас, Великая Душа, а «обитель пророка» – это Зачарованный Город. Конан снова в плену у карлика, тому необходимо знать, где он спрятал Книгу Судеб.

Тварь из Чужой Вселенной недоумевает: куда это вдруг исчезла Первая жертва? Тварь находит ее на востоке и летит туда. Вскоре она появляется в небе над Тарантией. Оказывается, Тварь не видит разницы между двойниками, и Джейку угрожает та же участь, что и Конану. Тезиас забирает Джейка в Зачарованный Город, где устраивает между двойниками «соревнование»: кто из них вернёт ему Книгу Судеб, будет спасён и отпущен, а другой – выдан на расправу этой чудовищной Твари. Конан отказывается идти на сделку с карликом, в ответ Тезиас предрекает ему, что не далее как следующим днем Конан сам, добровольно, вернёт ему Книгу Судеб. Тем временем Тварь летит к Зачарованному Городу.

Конан пытается вырваться из ловушки. На помощь ему приходят старые знакомцы – гномы. Оказывается, пока Тезиас допрашивал его, гномы выкрали Светоч Истины. Могущественный амулет Митры снова у Конана. Но как покинуть Зачарованный Город и вернуться в Тарантию? Ища выход, Конан встречает Аманду Линн, женщину-наемника, любовницу и первую помощницу Джейка Митчелла. Она хочет вернуть себе Джейка, Конан хочет того же – чтобы двойник-узурпатор убрался из его Аквилонии. Конан и Аманда сговариваются бежать из Зачарованного Города на «Черном коршуне», это неприятно Конану, как и все, что связано с «колдовством», но иного выхода нет. Невидимый, Тезиас провожает взглядом вертолёт. Пока всё идет по плану карлика.

Над морем Вилайет «Черному коршуну» приходится вступить в жестокую схватку с Тварью. Тварь сильнее вертолёта, но Конан побеждает её хитростью и с помощью амулета Митры. Тварь падает в соленое море; соль – самая враждебная среда для неё. Конан и Аманда продолжает полет в Тарантию.

А там их уже ждут Тезиас и Джейк. Конан сражается с двойником, побеждает, но, связанный словом с Амандой, отпускает Джейка с ней. Они улетают на «Черном коршуне». Тем временем Тезиас, принявший облик генерала Просперо, искусно провоцирует Конана

выдать ему Книгу Судеб. Заполучив наконец сокровенную Книгу, карлик глумится над Конаном и рассказывает весь коварный план. Например, выясняется, что в Зачарованном Городе Тезиас подменил амулет Митры своим, поддельным, поэтому-то Конан и не распознал в «Просперо» своего врага. Теперь Тезиасу ничто не мешает расколдовать своих Монахов и с помощью их и наемников из Будущего вернуть себе власть над миром. В утешение Конану остается только то, что Тезиас больше не намерен отнимать у него корону Аквилонии. Но в миг наибольшего триумфа Великой Души солнечный бог Митра внезапно превращает поддельный амулет в свой подлинный, и свет Митры развеивает фантом Великой Души. Сам Тезиас находит спасение в Зачарованном Городе, но Книга Судеб остается у Конана, в Тарантии.

Раздосадованный новым поражением, Тезиас вымещает свой гнев на Джейке и Аманде. Теперь он хочет создать новую расу Инкубов, людей, несущих Знание, и первыми инкубами намерен сделать Джейку и Аманду. Однако новым планам Великой Души не суждено сбыться – Тхутмертари уже начала свой обряд заклания демона Сура. Гномы подсказывают Джейке мысль, что Аманда изменила ему с Конаном. Джейк оставляет ее, пока Фонтанелли и гномов пленниками Зачарованного Города, а сам ведет своих людей на штурм Тарантии. Он обещает наемникам из Будущего сладкую жизнь в «ожившей сказке».

В четвертом романе цикла две основные сюжетные линии: 1) Конана и наемников из Будущего, захвативших власть в Аквилонии; 2) Тхутмертари, королевы-жрицы Стигии, и Тезиаса, бога Великой Души, обращенного ею в раба.

Книга IV. Раб Змеиной Королевы

Волшебница Тхутмертари закликает демона Сура. Оказывается, после того как Конан заключил жизненную силу этого демона и душу самозванного бога Тезиаса в один Ромб Яхкунга, эти две сущности в нём смешались. Закляв Сура, Тхутмертари тем самым получает контроль и над Великой Душой. Тезиас бессилен ей помешать. Отныне бывший бог – всего лишь раб стигийской волшебницы, злосчастный исполнитель ее злой воли.

В это самое время вертолетная армада Джейка Митчелла появляется в небе над Тарантией. Король Конан организует ей отпор, но противостоять могучим «Черным коршунам» аквилонцы не в силах. Джейк снова узурпирует престол Аквилонии, на сей раз – под собственным именем. Конан с соратниками уходит в подполье, откуда продолжает борьбу.

Тем временем стигийская столица Луксур парализована страхом. Принцесса Тхутмертари, живой ужас Стигии, все чаще появляется открыто. Тысячи слуг короля Ктесфона и чародея Тот-Амона никак не могут настичь ее. Убить злодейку вызывается принц Джосер, младший брат Тхутмертари и Ктесфона. Ему удастся сделать это. Умный Ктесфон понимает, что это всего лишь мистификация, и готовится к решающей схватке с сестрой. А недалекий Тот-Амон торжествует победу. Опасаясь Джосера, колдун дает принцу яд. Тхутмертари нейтрализует этот яд; на самом деле Джосер с ней в сговоре.

Положение узурпатора Джейка в Тарантии становится угрожающим. Он не умеет управлять. Своей жестокостью и глупостью Джейк быстро добивается всеобщей ненависти аквилонцев. Его товарищи, наемники из Будущего, которым он обещал сладкую жизнь, ропщут. Силы Конана активно действуют из подполья. Когда Джейку уже кажется, что все пропало, к нему приходит барон Вибий Латро, старый аквилонский сановник, служивший еще Вилеру III и Нумедидесу, а при Конане вынужденный жить в изгнании. За титул герцога Тарантийского и должность королевского наместника Аквилонии Вибий берется спасти трон Джейка от краха.

Тхутмертари начинает свой кровавый поход. Она сражается с королем Ктесфоном, своим братом, на мечях, и убивает его. После смерти Ктесфона Тот-Амон пытается короновать Рамзеса, его сына, но Тхутмертари появляется на церемонии коронации, жестоко убивает Рамзеса, после чего, используя силу своего раба, принуждает Тот-Амона короновать ее королевой Стигии. Затем она отнимает у Тот-Амона Кольцо Сета и объявляет себя верховной жрицей Сета, владычицей Черного Круга. Закончилось царство человека – начинается царство змеи.

Змеиная Королева устраивает в Луксуре обильные жертвоприношения, по которым так истосковался ее темный бог Сет. В числе жертв оказывается дочь Джосера и его жены принцессы Камии. Камия выговаривает мужу за то, что он помог Тхутмертари прийти к власти – Джосер в ответ дает жене понять, что таков его тайный план: руками сестры-злодейки проложить путь к высшей власти для себя и для Камии.

В своем плане Джосер не учел, что амбиции Тхутмертари идут гораздо дальше власти над людьми. Королева-жрица освобождает из заточения в подземной стране полчища змеядов – змеелюдей, любимых детей Сета, тысячи лет тому назад побежденных людьми, и подчиняет змеядов себе. Чудовища выходят на поверхность, чтобы отомстить людям и вернуть себе власть над древней Стигией.

А в Тарантии жизнь понемногу налаживается. Вибий Латро, новый наместник Аквилонии, умело ведет дела. У него складываются приятельские отношения с одним из пришельцев, бывшим разведчиком Робертом Рэнквистом. В то время как узурпатор Джейк требует от Вибия любой ценой найти и уничтожить Конана, Роберт помогает Конану спастись от преследования. Люди Вибия похищают сына Конана принца Конна, но Роберт возвращает

его отцу. Сам Конан пока не знает, кто его таинственный союзник. Роберт объясняет Вибию, что гибель Конана не в интересах аквилонского наместника. Мотивы самого Роберта пока остаются неясными.

Змеяды тем временем захватывают Луксур. Тхутмертари уничтожает братство стигийских магов и заменяет его новым Черным Кругом, составленным лишь из змеядов. Затем она принуждает людей и змеядов совокупляться друг с другом. Эта гнусная оргия нужна ей, чтобы создать новую могущественную расу змеелюдей, угодных Сету, способных соединить в себе злобу змеи и ум человека. Так, Джосера она заставляет совокупляться со змеядской царицей Танитой, а змеядского царя Танатоса – с Камией. Люди и змеяды ненавидят друг друга, но злая магии Тхутмертари сильнее их воли; никто из них не догадывается, что королева-жрица понукает всеми, используя силу своего раба, Великой Души.

Тхутмертари находит удовольствие во все более ужасных ритуалах. Она подвергает Тот-Амона изощренным пыткам; лишь магия удерживает в бывшем верховном жреце жизнь. По недосмотру Тхутмертари Тот-Амону удастся вернуть себе Кольцо Сета; но даже с этим могучим талисманом волшебник не решается выступить против нее. Призвав морского демона, он бежит из Стигии в Аквилонию. Доведенный до высшей степени отчаяния, заклятый враг Конана надеется воззвать к нему, чтобы Конан спас мир от Змеиной Королевы.

Тем временем темные рати Тхутмертари выступают в поход против всего остального мира. Полчища людей, змеядов, демонов и оживленных некромантией мертвецов выступают четырьмя армиями на Север, Юг, Восток и Запад, командовать этими армиями королева-жрица ставит соответственно Джосера, Таниту, Танатоса и Камию.

Тот-Амон появляется в королевском дворце Тарантии, убивая на своем пути обычных слуг; но пришельцы преграждают магу путь. Он изумлен и разочарован, видя вместо великого воина Конана какого-то Джейка. Еще больше Тот-Амона изумляют чудные штуки, которыми сражаются пришельцы – в них совсем нет магии! Но и этими штуками невозможно одолеть Тхутмертари. Поэтому маг покидает дворец и продолжает поиск Конана.

Джейк понимает, что стигийский колдун может то, что так и не удалось сделать Вибию, – навести его на Конана. Джейк поднимает вертолеты и приказывает, как только Тот-Амон отыщет Конана, немедленно убить обоих. Роберт успевает предупредить Конана. В тайном убежище Конана появляется Тот-Амон и сообщает киммерийцу о кровавом походе Тхутмертари. Но Конан просто убивает своего старого врага. Роберт инсценирует расправу над Конаном. Джейк находит труп Тот-Амона и забирает себе Кольцо Сета. Роберту удается убедить своего капитана в том, что и Конан мертв. Джейк торжествует.

А Конан, его жена Зенобия и сын Конн в это самое время покидают Тарантию. В своей столице низвергнутый король уже сделал все, что мог. Конан направляется в Карпаши, к Милиусу, с тем чтобы загадочный маг прояснил ему, что происходит в мире, и как он, Конан, может этот мир спасти. Роберт следит за Конаном с помощью своих шпионских устройств.

Книга V. Раб Змеиной Королевы – 2.

Обречённые на бессмертие

«Самое ужасное поражение обычно случается в самое последнее мгновение перед самым впечатляющим триумфом.

Но и самая великая надежда обычно рождается в самой глубокой бездне безнадежности!...»

Из афоризмов Скучающего Мага

Действующие лица

Конан, варвар из Киммерии, свергнутый король Аквилонии

Тезиас, по прозвищу «Великая Душа», бывший бог Хайбории, а ныне – раб Змеиной Королевы

Стигийцы:

Тхутмертари, королева Стигии, верховная жрица Сета, владычица Чёрного Круга

Джосер, её единокровный брат, принц Стигии, командующий сухопутной армией

Камия, его кузина и жена, принцесса Стигии, бывшая королева Атлаи, командующая флотом

Ронтакис, её советник, князь, дипломат

Ксептах, прежний командующий флотом, адмирал

Аквилонцы:

Вибий Латро, герцог Тарантийский, королевский наместник Аквилонии

Гней Кавлон, командир Чёрных Драконов, королевской гвардии

Антонио, лейб-медик короля

Можирон, посол Аквилонии в Офире, барон

Пришельцы из Будущего:

Джейк Митчелл, двойник Конана, капитан наёмников, узурпатор престола Аквилонии под именем «Джейк Громовержец»

Лопес Моран, его друг и помощник, военный пилот

Роберт Рэнквист, военный пилот, специалист по электронным системам слежения и защиты

Змеяды:

Танатос, верховный акках (царь) змеиного народа

Танита, его жена, верховная аккала (царица)

А также:

Зенобия, жена Конана, королева Аквилонии

Конн, сын Конана и Зенобии, принц Аквилонии

Ца Ю, маг, мудрец и путешественник из Кусана

Милиус, известный в Хайбории как «Скучающий Маг»

Паксимен, медикус из Атлаи, наречённый отец и доверенное лицо Камии

Люф, древний демон, прежний наставник Тхутмертари

Существо (Тварь) из Чужой Вселенной

Страж Земли

Рыцари, солдаты, наёмники, разбойники, слуги, демоны и пр.

Пролог

Крохотный черный червячок медленно полз вслед за солнцем. Оно было много быстрее его, проклятое светило этого кошмарного мира. Мира, в котором, как видно, спасительное темное безмолвие проиграло вечную битву с силами Первозданного Хаоса. В этом мире свет, долженствующий быть спокойным и ласковым, превратился в жуткое, вечно голодное чудовище, выпивающее остатки жизни. В этом страшном мире злобный ветер гонял мириады молекул отравленной кислотой взвеси, которую туземные разумы, кажется, именуют воздухом. Какая жуткая насмешка природы! И всё же правит этим миром не солнце, не ветер и не воздух, а соль. Убийственные кристаллики этого проклятого вещества присутствуют здесь повсеместно, но более всего – в черном океане ядовитой воды...

Конечно, совсем недавно океан этот казался червячку не океаном, а всего лишь большой лужей – ибо и червячок был тогда не червячком, а Тварью из Чужой Вселенной. Она занимала собой половину здешнего неба и могло легко заслонить солнце, которому поклоняются туземные разумы. Маленькие и ничтожные, они всё-таки были одарены изрядной хитростью, раз удалось им заманить гигантское Существо в соленые воды проклятого моря. И вот теперь от Существа остался лишь маленький черный червячок. Но пусть не надеются, жалкие, что соль, свет, воздух и ветер остановят Существо! Нет ничего, что могло бы помешать Существому исполнить свою клятву, ни в этой, ни во всех иных Вселенных. И пусть мертв давно странный земной волшебник, но клятва, данная ему когда-то, по-прежнему жива, а значит, пока живо Существо и пока живы три его жертвы, клятва остается смыслом и содержанием жизни Существа в этом диковинном и враждебном мире.

Существо не ведало счета времени; во Вселенной, откуда явилось оно, время течет совсем по-иному. Однако Существо знало, что туземным разумам этой несчастной планеты отмерен короткий век, и потому торопилось. Выбравшись из недр земли, где оно залечивало раны, нанесенные соленым хаосом проклятого моря, Существо сразу двинулось вослед светилу. Так спасалось оно от жгучего дыхания соленого моря и так приближалось к первой цели своей миссии. Когда светило скрылось за изломанными клинками прибрежных скал, маленький черный червячок понял, что время в этом враждебном мире бежит слишком быстро и что он, крохотное и слабое создание, не поспеет за своими жертвами. Они успеют умереть собственной смертью, и нерушимая клятва останется неисполненной...

Но, вместе с тем, маленький черный червячок знал, что такого не может случиться. Подобным созданиям дано провидеть Грядущее, и перед израненным, обессиленным Существом явственно вставали его картины. В картинах Грядущего Существо ясно видело, как погибает, так и не осознав истинной причины своей смерти, первая жертва, как покидает этот диковинный мир жертва вторая, возмнившая, что Смерть более не властна над нею, и как отчаянно и бессмысленно сражается за место под этим проклятым солнцем последняя, третья, жертва... Наивные, жалкие, напрасные создания! Десница Судьбы уже занесена над ними, и никакие боги, демоны, волшебники не в силах обратить ее карающий размах. Какая-то затаенная ирония, наверное, присутствует в том, что этим величайшим среди ничтожных назначено пасть не от могучей, свирепой, внушающей неизбывный ужас Твари, а от крохотного черного червячка, которого *они* с вершин своего обманчивого могущества и не замечают даже!..

Существо размышляло об этом, а миллионы разноцветных и разновеликих глаз его тем временем беспрестанно сканировали угрюмые серые утесы. Всё тщетно! Жизни нет среди этих скал. Так проходило время; зловещее светило много раз вставало там, где плескалось соленое черное море, догоняло ползущее Существо – и снова садилось за скалами. Миллионы глаз Существа заглядывали за горизонт; они видели первую жертву, они видели, как

шальная Смерть всё время ходит вокруг неё, и Существо молило Судьбу, чтобы Судьба милывала этот жалкий туземный разум – пока оно, Существо, не придет по душу его. Судьба милывала пока, но кто знает, что в следующий миг выкинет ее коварная и насмешливая натура?! Поэтому Существо молило Судьбу не только о жизни первой и всех остальных жертв. Еще оно молило всевластную Судьбу послать помощь исполнителю своей воли. И пришел миг, когда владычица Сущего вняла его мольбам.

С моря поднялся ветер, неся с собой частицы пыли, песка и мелкие прибрежные камни. Это был страшный ветер: он дышал солью. Но Существо вдруг подумало, что хуже, чем есть, уже не будет, и соль теперь не убьет его, раз не убила тогда, в воде. Черный червячок вполз на маленький камешек, и злобный ветер легко подхватил его. Сознание Существа возликовало: ветер нес его в верном направлении – туда, на закат, к первой жертве. За несколько минут ветер проделал путь, который крохотному червячку не одолеть и за тысячу дней. Затем ветер, раб Судьбы, исполнив свою роль, бросил камешек и его пассажира наземь, а сам унесся по неведомым делам своим.

Существо осмотрелось. Рубленые скалы чернели позади. Впереди расстилалась унылая степь. Сознание червячка сжалось: жизни не было и здесь. Неужели Судьба посмеялась над ним – как посмеется вскоре над жертвами его?! Спустя мгновение Существо устыдилось своей слабости. Внезапно зашевелилась земля, и перед Существом возникла усатая морда некоего создания диковинной туземной природы; оно было больше Существа в сотни раз. Но Существо сразу поняло, что усатый зверь – создание неразумное, и что это – *дар Судьбы*. Туземец близоруко осмотрелся, затем вдруг высунул язык и заглотнул крохотного черного червячка...

Старая ворона летала над землей. Этот странный крот, что суетился внизу, давно привлекал ее внимание. За долгие столетия своей жизни ворона ни разу не видела, чтобы крот бежал по степи. И не просто бежал, а бежал быстро и долго, не разбирая дороги и не останавливаясь ни на мгновение. Кроты домоседы и слепы от природы, они не могут так себя вести. Любопытная ворона всё ниже летела над землей, а крот, выбиваясь из сил, всё бежал и бежал на закат. Ворона приземлилась впереди него, чтобы посмотреть поближе, что это за зверь такой странный. Неожиданно крот бросился на нее, и старой вороне потребовались вся ее сила и стремительность, чтобы ускользнуть в небо. Проклиная странного и опасного зверя, ворона поспешила исчезнуть. Она дала себе зарок не связываться никогда более с сумасшедшими кротоми.

Улетела... Сознание Существа переполняла горечь. Та крылатая тварь была гораздо быстрее этой, бегущей. Было бы совсем неплохо заполучить ее. Сорвалось... В следующий раз нужно действовать более умело и осторожно, решил для себя маленький черный червячок.

Крот спешил на закат – туда, где очень далеко-далеко обитала первая жертва и где совсем поблизости жили другие неразумные создания, более быстрые, чем он.

Джан Милиус знал, в чем заблуждается Существо. Повелевающие Судьбой не настолько наивны, чтобы вручать исполнение своей воли кому-то одному, будь то бог, демон, волшебник, герой или Тварь из Чужой Вселенной. Жизнь – это игра; но, в отличие от шахматной партии, *в Жизни нет и не может быть такого игрока, который двигал бы ВСЕ фигуры.*

1. Благородный дом Хосе, маркиз дель Сантос

Огромный вороной жеребец горделиво прошествовал через ворота гостиницы «Быки Офира». Следом за ним во внутренний двор вступили еще две лошади – белая в яблоках и пегая. Владелец вороного, крупный мужчина, чьи мускулы не могли скрыть многочисленные богатые одежды, как-то: широкая шляпа с плюмажем из ярких павлиньих перьев, шелковый сюртук с кожаной накидкой поверх его, обтягивающие лайковые колготы и сапоги из черной кордавской кожи, доходящие до колен, – с откровенно брезгливым выражением на лице оглядел добротное двухэтажное здание гостиницы.

– Клянусь Митрой, едва ли эта помойка стоит того, чтобы в ней останавливались благородные гранды! – громко сказал он, обращаясь к своей спутнице, восседающей на белом в яблоках скакуне.

Это была хрупкая женщина с лицом миловидным, приятным и отмеченным печатью доброты. Впрочем, по-видимому, черноволосая красавица попыталась испортить это впечатление, скривив алые губки в презрительной усмешке.

– И всё же это лучше, чем ничего, мой дорогой Хосе.

Навстречу приезжим выбежал сам хозяин заведения – человек средних лет, тучный, как и все, живущие чужим трудом, но достаточно подвижный, чтобы заставлять работать других. Опытным взглядом оценив приезжих, он приветливо возгласил:

– Добро пожаловать в мою гостиницу, благородные господа! Клянусь Митрой, вы останетесь довольны...

– Ты богохульник, как я вижу, любезный, – сказал Хосе. – Как тебя зовут?

– Ральдрик, – поспешил ответить тот, по давней привычке не обращая внимания на оскорбление. – Дозволено ли мне будет узнать имена благородных господ?

Здоровяк на вороном измерил Ральдрика долгим взглядом, как бы решая, стоит ли доверять этому ничтожному свое имя. Отчего-то под этим взглядом хозяину стало немного не по себе.

– Мое имя дом Хосе, маркиз дель Сантос, – пробурчал наконец он, точно делал одолжение Ральдрику. – А это моя супруга, благородная домья Карлита, и сын мой Рикардо, двух с половиной лет от роду.

Ральдрик испуганно попятился: мальчуган, горделиво восседавший на пегом жеребце, никак не соответствовал названному возрасту; скорее, ему можно было дать вдвое больше.

– Скажи, любезный, как там тебя...

– Ральдрик, ваше сиятельство, – подобострастно подсказал хозяин.

– Вот, Ральдрик, не найдется ли в твоём заведении комната для меня и моей семьи?

– Три лучшие комнаты моей гостиницы в распоряжении вашего сиятельства...

– Когда я говорю: мне нужна комната, значит, мне нужна одна комната, а не три комнаты! – проревел дом Хосе, да так, что у Ральдрика заложило уши, а слуги, готовые по первому знаку хозяина помочь гостям сойти с коней, встревоженно переглянулись. – Вот тебе пять золотых песет за первый день, – маркиз дель Сантос бросил деньги, которые Ральдрик ловко подхватил, – и чтоб ты, безродный, больше не смел возражать мне, чей род заложен был в пору основания древней Кордавы!

Ральдрик, посчитавший, что пять полновесных золотых, изображавших профиль некоего носатого старика с короной на голове, являются сверхщедрой платой не только за лучшую комнату, но и за вспыльчивый нрав нового гостя, расплылся в доброжелательной улыбке, приглашая проследовать за ним. Слуги подскочили к вороному, чтобы помочь спуститься благородному гранду, но тот так взглянул на них, что они сочли за лучшее ретироваться. Маркиз ловко спрыгнул с коня, тем демонстрируя также свою отменную форму,

и помог спуститься супруге. Затем он одной рукой снял с пегого сына и рывком поставил (Ральдрику даже показалось, что бросил) его на землю.

– Ну, пошли, – насуплено сказал Хосе хозяину, – и я сам погляжу, достойно ли твое заведение милостей Митры.

Не дожидаясь Ральдрика, маркиз дель Сантос решительно двинулся внутрь гостиницы; жена его и сын проследовали за ним, так и не осчастливив Ральдрика ни единым словом.

Еще час хозяин занимался устройством капризных грандов. А когда они наконец изволили принять обед и отослали его, Ральдрик, уставший угождать прихотям заезжих нобилей, дал волю гневу. Он заперся в своем кабинете, прогнал слуг и велел не беспокоить его.

Вопреки этому приказу, спустя всего лишь несколько минут в дверь раздался стук, и в кабинет вошел его секретарь – тощий незаметный человечек с длинным крючковатым носом. Неприязненно покосившись на него, Ральдрик проворчал:

– Вот таковы вы все, зингарцы. Каждый из вас мнит себя королем в чужой стране. И чуть что не по-вашему, сразу хватается за меч.

Секретарь покраснел и смиренно заметил.

– Да я-то что, хозяин, я человек маленький.

Ральдрик вздохнул.

– Я не имел в виду тебя, Гильмо. Но эти маркизы! Ка бы они не распугали всех прочих моих постояльцев... Хотя, с другой стороны, если за каждый день они будут платить по пять золотых... Гм. Это может быть даже очень выгодно...

Гильмо помялся немного у двери и сделал шаг к хозяину.

– Мой господин...

– Ты хочешь что-то сказать мне, Гильмо?

– Да, господин.

– Об этих зингарцах?

– Да, господин.

– Ты знаешь о них что-то, чего не знаю я?

– Нет, господин.

– Так что ж ты мне голову морочишь? Убирайся.

Тощий секретарь опустил голову и сделал шаг к двери. Вдруг он снова повернулся лицом к хозяину и окрепшим голосом заметил:

– До того как в Зингаре началась гражданская война, я служил писцом в королевском архиве Кордавы...

– Ну и что? – раздраженно перебил его Ральдрик. – Что с того? Какой мне от этого прок? Я и сам знаю зингарский не хуже твоего. Убирайся, Гильмо.

Однако секретарь упрямо покачал головой.

– Я служил писцом в королевском архиве Кордавы, – повторил он, – и переписывал генеалогические книги древних родов. Маркиз дель Сантос...

– Ну?!

– ...Был убит на поединке за три года до смерти короля Фердруго! – разом выпалил Гильмо.

Ральдрик нахмурился.

– А ты ничего не путаешь?

– Клянусь Митрой, хозяин, я сам переписывал завещание маркиза после того, как королевский уполномоченный огласил его!

– Вот как... – Ральдрик задумчиво почесал затылок. – А может, это сын его? Или брат?

– Нет, господин, у дель Сантоса не было ни сыновей, ни братьев. Он оставил этот мир, не имея семьи. По завещанию все земли маркиза отошли герцогу Гварралидскому, его другу и покровителю.

– Так ты хочешь сказать, Гильмо, что этот благородный дом – вовсе не маркиз дель Сантос?

– Выходит, так, мой господин, – смиренно отвечивший бывший королевский писец.

– А кто же он, по-твоему? – растерянно спросил Ральдрик.

– Не могу знать, господин. Я очень сомневаюсь, что его род столь древний, как он утверждает. По-зингарски он говорит отменно, но вот его акцент...

– А что акцент? Может, он и не зингарец вовсе?

В ответ Гильмо только виновато развел костлявыми руками.

– Один лишь Митра ведаёт, кто есть кто, мой господин.

Ральдрик покачал головой: новый поворот дела ему решительно не нравился. Гостиница «Быки Офира» пользовалась в Ианте хорошей репутацией, и ее хозяину вовсе не хотелось принимать у себя подозрительных личностей. Тут Ральдрик вспомнил о пяти золотых, и мысли его закрутились совсем в другую сторону. Митра добр; вряд ли он послал преступников своему преданному почитателю. В конце концов, какое ему, Ральдрику, дело до того, кто на самом деле эти люди? Может, у них есть веская причина, чтобы скрывать себя?

– Ты вот что, Гильмо, – сказал Ральдрик, – держи язык за зубами. И наблюдай. Если заметишь что подозрительное, сразу говори мне. А если нет, так пусть себе живут, как хотят. Да будь они хоть кхитайскими кайбонами или жрецами Ханумана – лишь бы деньги платили!

От этой мысли Ральдрик почувствовал себя гораздо лучше.

– Я не чуть не умерла от смеха, мой дорогой, когда ты в гневе пнул сапогом этого несчастного Ральдрика лишь за то, что простыни на кроватях показались тебе несвежими! – прошептала Зенобия.

– Не стоит жалеть мошенника, – Конан криво усмехнулся, приглаживая тонкий, на манер зингарских грандов, ус. – Я вволю повидал таких. Чем их больше пинают, тем они более услужливы.

– Всё было просто чудесно! И как натурально! Я сама едва было не поверила, что твой ты ведешь свою родословную со времен основания Кордавы.

– Я варвар и сын кузнеца, – напомнил жене киммериец. – А зингарские нобили – они бывают и похуже, чем маркиз, которого я изобразил. Так что этому Ральдрику еще повезло!

– А мне понравилось быть маркизом, отец, – подал голос маленький Конн.

Конан нахмурился и сурово сказал сыну:

– Ты принц Аквилонии, Конн, помни об этом. Мы еще вернемся в Тарантию, клянусь Кромом!

Идея скрыть истинные лица короля и королевы Аквилонии, а также их наследника, под личинами зингарских грандов принадлежала самому Конану. Жизнь его была насыщена встречами с самыми разными людьми – от тщедушных узкоглазых кхитайцев до рослых, подобных гориллам дарфарцев. Не единожды киммерийцу приходилось прятаться под маской человека иного племени. Бывало, перевоплощения эти удавались на славу, ибо к числу талантов киммерийца относился и несомненный актерский дар. Однако чаще всего личину Конана рано или поздно раскрывали – подчас в самый неподходящий момент. Выдавали варвара его высокий рост и редкая для большинства народов Хайбории комплекция; пронзительные синие глаза, глаза не цивилизованного человека, но, скорее, хищного зверя; наконец, сам гордый характер киммерийца и манеры его поведения. Как ни наряжайся, к примеру, почтенным купцом из Кофа, фигура и осанка выдадут свирепого воина, глаза – варвара, а единственного упоминания о хвосте (или копытах) Нергала в задней части тела собеседника окажется достаточно, чтобы распознать, кто ты есть на самом деле. Конан мог позволить себе оставаться собой, когда был владыкой Аквилонии. Кто возьмет на себя смелость учить «хорошим манерам» человека, который добыл себе престол не кровью предков,

а собственным умом и старанием, собственной – и чужой – кровью? Однако теперь, когда свергнутый король Аквилонии вынужден был покинуть свою страну, ему как редко когда прежде нужны были хорошая личина, под которой невозможно было бы признать знаменитого Конана из Киммерии, и приличная легенда.

Зингарские гранды подходили как нельзя лучше. Скверный характер этих господ был общеизвестен, их заносчивость, вспыльчивость и дурные манеры давно стали притчей во языцех на всем пространстве от Пиктлэнда до Вендии. А с тех пор, как умер старый король Фердруго и в Зингаре разгорелась гражданская война, местные нобили всё меньше напоминали благородных домов, коими себя продолжали считать, и всё больше – обыкновенных разбойников. Никого не удивит, если зингарский гранд при случае (и без случая) в сердцах помянет Нергала, Сета, Аримана и прочих недобрых богов. «Зингарец», – всего лишь пожмут плечами окружающие.

Еще в Тарантии, в тайном храме Асуры, Конан – с помощью верного Хадрата, ибо без нехитрой магии асурского жреца здесь никак нельзя было обойтись – отрастил себе усы и бородку по зингарской моде; некий настой, который дал выпить ему Хадрат, придал синим глазам темный цвет. Хадрат уверял, что новая чаша этого же настоя вернет глазам киммерийца исконную синеву. Конан, относившийся с подозрением ко всякой магии, как к черной, так и к белой, лишь неодобрительно хмыкнул.

Легенда же была такова. Богатый маркиз дель Сантос (верный Просперо, большой знаток по части генеалогии, трижды побожился Митрой, что в действительности нет такого), которому надоело сидеть в своем родовом замке, в один прекрасный день отправился путешествовать по свету, с женой и с сыном.

Конечно, странствующий по дорогам Хайбории без свиты и охраны состоятельный нобиль не может не вызвать подозрения у умных людей. Но, во-первых, в нынешние времена умные люди не так уж часто встречаются. А во-вторых, какой умник может угадать, что творится в голове сумасбродного зингарского маркиза? Судя по комплекции маркиза, решит умник, человек это храбрый, готовый постоять за собственную честь и честь своей семьи. Зная же преувеличенные понятия о чести, бытующие у этой благородной братии, лишь самый тупой – или бесшабашный – разбойник отважится злоумышлять против странствующей тройцы. А отважившийся – нарвется на меч.

Так или иначе, но легенда работала отменно. Даже в Аквилонии, где короля Конана, его жену и сына знали в лицо, трое странствующих зингарцев не вызвали никаких подозрений – только презрительные усмешки в спину. В гостинице города Шамара Конан походя проткнул мечом какого-то негодяя, имевшего глупость прилюдно посетовать на то, что иноземные свиньи заволокли собой добрую Аквилонию. Чем еще более подтвердил свою легенду человека грубого, вспыльчивого и опасного.

Конан, Зенобия и Конн держали путь на восток – туда, где в Карпашских горах, недалеко от покинутого Великой Душой Замка Синих Монахов (сами монахи, как известно читателю, не по своей воле остались там стальными истуканами), находилась тайная обитель загадочного чародея Милиуса, по прозвищу Скучающий Маг. В том, что маг сей вовсе не скучает, а плетет свои интриги, Конан уже успел убедиться сполна. С помощью Милиуса киммериец добыл волшебный Светоч Истины, амулет Небесного Народа. Правда, Конана не покидало ощущение, что помощь Милиуса была вынужденной и что с большим удовольствием Скучающий Маг просто угробил бы его. Того, что киммериец уже знал о Милиусе, было более чем достаточно, чтобы проникнуться глубочайшим недоверием к этому странному – даже для магов – типу. И никаких богатств мира не хватило бы, чтобы соблазнить Конана вновь посетить чудесную обитель со светящимися серебристо-серыми стенами – если бы не проклятые обстоятельства! Они, обстоятельства, а вернее, коварные боги, создавшие эти обстоятельства, и направляли теперь путь свергнутого властелина Аквилонии.

Ибо кроме бесчисленных недостатков, имелось у Милиуса одно уникальное достоинство – он был чрезвычайно сведущим человеком. Настолько сведущим, что Конан поневоле задавался вопросом: а человек ли он, этот самый Милиус? Скучающий Маг знал всё, что происходило в подлунном мире – или почти всё. Но, главное, Милиус мог подсказать, что и как делать. Отчего-то Конан был уверен, что, при всей своей несомненной лживости, этот маг не откажется подсобить ему и на этот раз. А откажется – так есть верный меч, чтобы заставить. И если меч не поможет (такое с магами бывает, хотя и редко), то найдутся иные средства, чтобы его разговорить.

Проблем, которыми Конан собирался озадачить Скучающего Мага, было две: собственно, Джейк и Тхутмертари. Джейк Митчелл, двойник Конана, захватил его престол в Тарантии. Головорезы Джейка, пришельцы из Будущего, хозяйничают в его столице, обижая честных аквилонцев. И хотя сам Джейк, по глубокому убеждению Конана, выказал себя тупой, трусливой и бездарной скотиной – ему, Конану, и его друзьям так и не удалось столкнуть Джейка с престола и прогнать захватчиков из Тарантии. Напротив, бежать пришлось не Джейку, а Конану. Что ж, во всяком случае, киммериец надеялся, что Милиус поведает ему, как одолеть пришельцев, и по возвращении истинного короля в Тарантию полоса везения для Джейка закончится.

С Тхутмертари дело обстояло куда хуже. То есть, совсем никак. О том, что черная волшебница захватила власть в Стигии и пускает кровь своему и чужим народам, Конан знал из умозаключений Хадрата. Если и в самом деле так, значит, придется поспешить, чтобы скорей отправить прекрасную злодейку на Серые Равнины. К тому же Конан дал клятву именем Крома, что за всё расквитается с ведьмой – и за подлое убийство Пелиаса, и за обман, и за предательство. Но чтобы покончить со стигийской змеей, следует знать, как это лучше всего сделать; он понимал, что это наверняка не окажется более простой задачей, чем уничтожение Джейка и его банды. Конан чувствовал, что у Милиуса вряд ли есть основания любить Тхутмертари, и на его помощь в этом деле также очень рассчитывал.

Кроме прочего, донимала киммерийца еще одна загадка. Куда исчез главный его противник в последние две луны – карлик Тезиас, Великая Душа? Неужто вправду нет его на свете? Тогда, в Зале Военных Трофеев, Митра поразил его своим солнечным лучом – может быть, и убил? Слишком просто. Хотя и не исключено. Джейк утверждает, что собственноручно прикончил карлика. Этому Конан верил меньше всего. Не таков Джейк и не таков Тезиас, чтобы подобное могло случиться. Загадка! И снова киммерийцу казалось, что Милиус знает разгадку. А коли знает Милиус – узнает и он, Конан.

Конан спешил. Очень спешил, понимая, что каждый день, проведенный им в пути, означал еще целый день владычества Джейка и Тхутмертари. И тем не менее взял с собой жену и сына, хотя без них успел бы быстрее. Почему он это сделал, Конан сам до конца не знал. Просто почувствовал, что если он оставит Зенобию и Конна в Тарантии, скорее всего, больше никогда их не увидит. Не захотел Конан и прятать их у друзей и верных подданных, которых еще немало осталось в провинции. Ибо в теперешние времена нельзя быть уверенным ни в ком – кроме разве что самых близких. А против черного колдовства и коварства не всякая преданность устоять сумеет. И поэтому Конан был счастлив, что видит жену и сына рядом с собой целыми и невредимыми. Что ж до тягот опасного и непредсказуемого путешествия, Зенобия выносила и не такое. А Конн – пора и ему привыкать к походной жизни!

Из Тарантии в Коринфию, к Карпашам, вели две большие дороги. Первая, и основная, называлась Дорогой Королей. Она брала начало в Мессантии и пронизывала континент с запада на восток до самого Аграпура. По ней обычно двигались купеческие караваны, посольства, армии, то есть все те, кому не было нужды скрывать свое истинное лицо. Это была первая причина, почему Конан не поехал Дорогой Королей. Вторая причина заключа-

лась в том, что Дорога Королей проходила через Немедию, некоторые жители которой имели дурное свойство узнавать киммерийца под самыми разнообразными личинами. И еще там очень не любили зингарцев – куда больше, чем их не любили в Аквилонии, Офире или Кофе; разве что в Аргосе зингарцев не любили еще больше, чем в Немедии. К счастью, в Аргос мнимый маркиз дель Сантос не собирался. Наконец, четвертая причина состояла в том, что Зенобия была немедийкой.

Другая дорога вела в Коринфию через Офир. Конечно, какие-то опасности существовали и на этом пути, но Конан выбрал именно его. И пока Митра и Кром миловали отважную троицу. Киммериец надеялся, что обличие зингарских грандов позволит им благополучно миновать населенные места.

Гостиницу «Быки Офира» он также избрал не случайно. О неумной жадности Толстого Ральдрика рассказывали в тавернах аквилонской столицы, куда король любил иногда захаживать. Конан надеялся, что вид золотых зингарских монет отобьет у Ральдрика охоту глубоко вникать в обстоятельства странствий вспыльчивого маркиза. Кроме того, заведение Ральдрика относилось к числу приличных, то есть таких, где появление благородного нобиля почти так же обыденно, как и появление какого-нибудь головореза в шадизарском кабаке пройдохы Абулетеса. Разумеется, в стольной Ианте существовали заведения и побогаче, и поприличнее, нежели «Быки Офира», но в таковых обычно трудно было обойтись без пристального внимания к своей персоне.

Правда, здесь имелся недостаток иного рода. Через дорогу напротив гостиницы располагалось аквилонское посольство. Не то чтобы Конан боялся быть узнанным, просто ему было как-то неуютно взирая со стороны на пламенное знамя с гордым аквилонским львом, и видеть людей, еще совсем недавно считавших его своим властелином, а теперь служащих другому хозяину. Впрочем, он не собирался задерживаться в Ианте надолго. Главной целью его был даже не отдых, а сбор информации. Вернее, слухов. Поздно вечером киммериец оставил Зенобию и Конна и отправился на Ночной Рынок.

Ночной Рынок считался достопримечательностью офирской столицы. Это был как бы отдельный городок на юго-западной окраине Ианты. Здесь можно было не только прикупить разнообразного товара, но и обменяться последними новостями, узнать свежие сплетни о проделках царственных особ и коварных чародеев и даже насладиться обществом красотою легкого поведения в специально подготовленных для этих целей кабинках. Впрочем, последним Конан заниматься не собирался, так как был верным мужем своей жены и получал от нее всё, что делает мужчину счастливым. Новости же его интересовали чрезвычайно, и мало где они присутствовали в таком избытке, как в Ианте, которая лежала в самом сердце Хайбории...

– Ушел? – Ральдрик удивленно поднял правую бровь.

– Ушел, мой господин. Один, на ночь глядя, – доложил Гильмо.

– Странно... Какое дело может быть у зингарского гранда в Ианте, да еще и ночью?

Тощий секретарь пожал плечами: мол, не могу знать.

– Чем больше я думаю об этом деле, тем меньше оно мне нравится, – поглаживая гладенький подбородок, проговорил Ральдрик. – Темные эти люди какие-то, нехорошие. И на зингарца этот дом Хосе не похож, если уж на то пошло. Я их немало повидал на своем веку, зингарцев. Одна кожа да кости, не в обиду тебе будет сказано. А этот – этот словно медведь! Ой, боюсь, будут нам с ним одни неприятности...

– Слава Митре, хоть деньги платят, – вставил Гильмо, желая подбодрить хозяина.

– Да, платят... – Ральдрик достал из кармана полученный от Конана золотой и в десятый уже раз попробовал его на зуб. – Настоящий, клянусь Митрой! – сообщил он свое заключение Гильмо.

– Дайте его мне, хозяин, – сказал зингарец.

– Это еще зачем? – насупился Ральдрик, сжав золотой в ладони. – Разве мало я тебе плачу?

– Дайте его мне, хозяин, – упрямо повторил Гильмо. – До того, так стать писцом в королевском архиве Кордавы, я служил при монетном дворе.

Офирец нехотя протянул золотой секретарю. Гильмо внимательно исследовал монету, однако на зуб пробовать не стал. Когда он закончил осмотр и застыл с многозначительной миной на лице, Ральдрик не выдержал:

– Ну?! Что ты в ней нашел?

– Это покойный король Фердруго, мир его памяти, – сказал зингарец, указывая на профиль носатого старика.

– Я и без тебя вижу, – огрызнулся Ральдрик. – Дальше-то что? Что не так в этой монете?

– Не наша она, – коротко резюмировал Гильмо.

– Как это – не ваша? А чья же?

– Говорят, прежний владыка Аквилонии Вилер – ну тот самый, что был убит жрецом-расстригой, – велел как-то отчеканить десять тысяч вот таких золотых песет, чтобы купить некоторых зингарских нобилей и тем самым ослабить власть Фердруго. Вот только не успел он, а преемнику его, Нумедидесу, не было до того никакого дела. А вскоре Фердруго умер, и Зингара сама ослабла, без аквилонского золота...

– Куда ты клонишь, чего-то я не пойму? – тяжелый день начисто отнял у Ральдрика способность к связному мышлению.

– Мнимый маркиз расплатился с вами фальшивыми песетами.

– Ты уверен?

– Вполне.

– Ты хочешь сказать, в них меньше золота, чем в настоящих?

– Скорее напротив. Зингара никогда не была такой богатой страной, как Аквилония.

– Ну вот и ладно, – облегченно вздохнул Ральдрик, не желая более вникать в малозначащие подробности. – Давай сюда золотой, Гильмо. Можешь идти спать.

Секретарь обиженно отдал монету и вышел из кабинета. Что ж, тем хуже для хозяина. Он, Гильмо, не такой тупой, как этот толстяк. И не такой жадный. И свою долю получит. Потому что знает, как подступиться к этому делу.

Двадцатью минутами спустя в таверне Глухого Пью зингарец беседовал с восемью крепкими мужчинами, сам вид которых не оставлял сомнений в роде их занятий.

Возвращался Конан под утро. Поход на Ночной Рынок оказался более чем успешным – если само слово «успех» может быть применимо к разузданным киммерийцем новостям. Кроме припасов, необходимых в пути (Ианта была последним крупным городом на дороге в Карпаши), он уносил с собой бездну впечатлений. И если за припасы плачено было звонкой монетой, то новости и впечатления он получил совершенно бесплатно. Даже не пришлось ставить чарки словоохотливым купцам. Да и не купцы то были, а скорее, беженцы.

Из путаных рассказов этих людей Конан уловил: на юге действительно происходит что-то страшное, какой-то невиданный, неслыханный ужас. Ни один из собеседников киммерийца, впрочем, не видел этого ужаса своими глазами, а рассказывал о нем со слов других. Первый рассказчик, ювелир из Хоршемиша, слышал, будто на шемитов с юга нахлынула орда говорящих змей, и змеи эти не брезгуют человечиною. Второй, воин какого-то шемитского царька, дезертировал вскоре после того, как в его городе прошел слух о нашествии невиданных дотоле полчищ стигийцев. Третий, странствующий лицедей, божился именем Митры, что самолично наблюдал эти самые полчища и что, да, действительно, то были стигийцы, но никаких говорящих змей при них не было, а были жмурики, восставшие из могил,

и чудовища с мечом в каждой из четырех рук. Следующий, бывший корсар, осевший в Ианте, рассказывал (со слов одного своего знакомого), будто стигийцы напали не только на Шем, но и на Туран, и вот-вот возьмут Кутхемес. Пятому, вендийскому факиру, удалось удрать из Ахнабала едва ли не из-под самого носа стигийцев, и он утверждал, что те грабежом и разбоем не занимаются, а только убивают. Еще вендиец клялся, что сам видел, как убитые защитники города спустя несколько мгновений поднимались с земли и принимались воевать на стороне стигийцев. Однако последнему Конан не склонен был верить, так как вендиец был пьян и малость не в себе.

Наиболее полную информацию Конан получил из уст одного старика, назвавшегося странствующим астрологом. Этот самый астролог пророчествовал, что час всеобщей гибели, о котором его давным-давно предупреждали звезды, уже близок. На предложения говорить конкретнее странник отвечал: напавшие на Шем стигийцы – лишь малая часть Армии Тьмы. Дочь Сета, захватившая власть в Стигии, мечтает утопить весь мир в людской крови и выпустить своего темного властелина из Бездны, куда он был заключен светлыми богами. Сама королева-жрица сидит в Луксуре и лишь изредка навещает свои войска, каким-то особым чародейским образом умудряясь в течение одного дня оказываться в четырех или пяти разных частях света. На вопрос Конана, кто же командует наступающими на Шем полчищами, астролог ответил, что имя этого человека Джосер, он принц Стигии, брат новой королевы. И что в воинстве Джосера сперва действительно были змеи, вернее, люди-змеи, но потом принцу удалось от них отделаться, и последние, ведомые собственным царем, напали на Туран. Астролог также подтвердил, что на стороне змеепоклонников сражаются мертвецы и монстры.

Услышав имя Джосера, Конан помрачнел, хотя куда уж больше. Втайне он надеялся, что Тхутмертари уже прикончила второго братца, равно как и первого, Ктесфона, прежнего короля стигийцев. Но если здесь замешан Джосер и он жив, командует стигийскими войсками, все еще хуже, чем казалось. Конан спросил у странствующего астролога, нет ли рядом с Джосером женщины по имени Камия. Тот ответил, что об этом ничего не знает, но видел ее символ, черное солнце Атлаи, в звезде Сепедет (*Сириус*. – авт.), «госпоже звезд». Правда, там у нее было другое имя, и восходила звезда Сепедет не на востоке, как положено этой звезде, а на западе. Конану, впрочем, было недосуг разгадывать еще и астрологические шарады, так что он на время выкинул принцессу Камию из головы.

Ничего путного от старика-астролога киммерийцу больше добиться не удалось. Тот заладил свою песнь о всеобщей гибели, что неизбежно грядет в самое ближайшее время...

Значит, Хадрат оказался прав, думал Конан по дороге в гостиницу. Киммериец не склонен был верить всему, что ему рассказали. Он не раз становился свидетелем того, как совершенно невинные события, обрастая в рассказах «очевидцев» ужасными подробностями, становились леденящими душу «страшилками». Но он также знал: не бывает дыма без огня! И даже если предположить, что три четверти услышанного – враки перетрусивших обывателей, оставшейся четверти будет достаточно, чтобы понять главное: Тхутмертари живет и действует во зло людям. Ее аппетиты простираются на весь мир; да она это никогда и не скрывала. Конана взяла лютая досада. Ведь он мог десятки раз прикончить стигийскую ведьму – а он вместо этого спасал ее от верной смерти! И вот теперь за его грехи расплачиваются другие...

Мрачный и злой, буруеваемый тревожными думами, он поднялся на второй этаж, где была его комната, и постучал. Никто не ответил ему. Сердце Конана сжалось в тоскливом предчувствии. Пинком ноги он взломал дверь. Комната была пуста, вещи исчезли, а в середине комнаты на полу сажей было что-то коряво нацарапано. С трудом разбирая зингарские и офирские слова, следующие вперемешку, киммериец прочитал:

«Твои у нас. Приготовь по тысяче золотых монет за каждого. Постучишь наверх – получишь головы жены и сына. Жди здесь. Мы сами выйдем на тебя».

2. Послание Великому Шу

«Великому Шу, Сыну Неба, Владыке Кусана, достойнейшему из достойных, от князя Ца Ю, – послание.

Во имя Неба и милостями Его – живи десять тысяч лет, о Владыка.

Спешу сообщить Тебе последние новости из Стигии – страны, в которой по воле Неба застали меня события ужасные и великие, продолжающие потрясать западные пределы Изученного Мира.

В своем предыдущем послании я, скромный исследователь обычаев и нравов населяющих Хайборию народов, докладывал Тебе, что оказался в Стигии, путешествуя из Куша в Туран. В тот самый день, когда власть в этой стране захватила известная волшебница Тхутмертари, я находился в Луксуре. С тех пор не покидаю столицу и имею честь с близкого расстояния созерцать всё беспредельное зло, что творит новая королева и верховная жрица.

Тебе, о мудрейший из мудрых, известно, что Стигия – это большая, протяженная страна к югу от цивилизованных королевств Запада, таких как Аквилония, Аргос и Офир. От этих государств, где люди почитают Солнечного Митру и где правят могущественные светские государи, Стигию отделяют земли шемитов и тураны, а также самая большая река Изученного Мира – Стикс. На западе Стигия омывается водами Океана. Южные пределы стигийской империи граничат с варварскими землями, где обитают люди с черным цветом кожи; я веду речь о Куше, Дарфаре, Кешане, Пунте, а также Зембабве. Ты, о Владыка, видишь, что хотя земля стигийцев весьма обширна, проникнуть в нее непросто. Чужеземцы обычно попадают в Стигию морским путем, через город-порт Кем, стоящий в дельте Стикса, либо по реке – в тех немногих местах, где есть переправы с шемитского или туранского берега, либо пересекают границу с юга в районе города Сухмета. А некоторые особо дерзкие, как я слышал, минуют заставы стигийцев и переходят (или переплывают) границу в неположенных местах. Однако таковых едва ли много: ибо редкий человек в здравом рассудке по доброй воле отправится в эту проклятую Небом страну, как по делам торговым, так и посольским.

Ты, о достойнейший из достойных, навряд ли сумеешь отыскать землю, в которой чужеземцам являлись бы такое презрение и такая нелюбовь, как в Стигии. Даже самый последний бедняк стоит здесь выше хайборийского графа, если бедняк тот – чистокровный стигиец. Народ здесь живет древний, мудрый, таинственный, гордый, мрачный. Формально правят им светские владыки Луксура, но обычно последним оказывается слово жреца Сета, Князя Тьмы, – ужасного демона в облике змея, который возглавляет пантеон нечестивых стигийских богов и идов.

Стигия – это страна Древнего Зла и черной магии, питаемой эманациями самого Сета. До воцарения Тхутмертари здесь было больше чародеев, чем во всем остальном мире Западной Хайбории. Наиболее могущественные официальные маги именовались посвященными жрецами Сета и составляли закрытое братство – Черный Круг. Человека, впервые попавшего в Стигию, шокирует то, насколько стигийцы, при всей их несомненной гордости, подавлены страхом перед своим темным божеством и злоедейской кастой жрецов-чародеев. Воистину, повторяю, земля эта проклята Небом и правят ею не Любовь и не стремление к Жизни, а Смерть и Страх!

В силу означенных причин Стигия является чрезвычайно интересным объектом для моих исследований. Я посещал эту страну неоднократно и всякий раз открывал для себя нечто новое; нечто, до поры, до времени скрытое в тени вечных пирамид и забытых склепов, и вдруг, в положенное ему время, просыпающееся ото сна и протягивающее свои скольз-

кие щупальца из руин древних храмов. Как Тебе известно, о Владыка, мною написаны биографии короля Ктесфона и верховного жреца Тот-Амона; эти книги, равно как и прочие мои труды, достойнейший из достойных может в любое время затребовать из библиотеки Академии Наук Кусана.

В этот раз события, которые я имею честь наблюдать, далеко превосходили все мои ожидания. И хотя жизнь моя подвергается ежечасной опасности, я благодарен Небу за возможность лицезреть и описывать их. Да смилостивится Небо над нами и придаст нам силы пережить грядущие испытания, сохранить свою мудрость, честь и веру!

В предыдущем своем письме я докладывал Тебе, о Владыка, о жутких обрядах и оргиях, коими ознаменовались первые дни правления Тхутмертари и коим нет имени на языке цивилизованных народов. Воистину, сами демоны устрашились бы, доведись им присутствовать на этих черных ритуалах, свершаемых во славу злобного божества змеепоклонников!

А третьего дня Тхутмертари начала то, что она сама именует «мировой экспансией стигийской империи». Сотни тысяч воинов стигийской армии, змеелюдей, всевозможных монстров, а также оживленных могущественной некромантией мертвецов – отправились по приказу королевы покорять окрестные земли. Должен заметить тебе, о мудрейший из мудрых, что Тхутмертари откровенно пренебрегает известными правилами ведения войны. Так, ее темное воинство ведет наступление одновременно по четырём фронтам, и стигийскую владычицу как будто вовсе не заботит то, что эти армии могут быть разбиты поодиночке. Вообще королеве присуща непомерная самоуверенность, каковую я не наблюдал даже у выживших из здорового ума сатрапов-варваров. По-видимому, она считает свой промысел божественным (я бы сказал – демоническим). За несколько дней своего владычества Тхутмертари сумела восстановить против себя всех, обладающих сколько-нибудь заметным чувством собственного достоинства. Я не встречал владыку, более ненавистного своему народу, нежели Тхутмертари. В то же время – и это, поверь, самая большая загадка для меня, – королеве пока удается повсюду и всегда навязывать свою волю, ни в чем не зная поражений. Ее военачальники, готовые при случае растерзать Тхутмертари голыми руками, даже ценой собственной жизни, тем не менее, как будто почитают за честь исполнять ее приказы. Воистину, единственное лишь Небо ведаёт, какую власть заимела королева над душами своих подданных и на какой нечистой магии зиждется эта власть!

Кстати, о военачальниках Тхутмертари. Двое из них давно известны Тебе, о Владыка. Я веду речь о принце Джосере, младшем брате Тхутмертари, и принцессе Камии, его кузине и супруге, бывшей королеве Атлаи. Будь я злопамятен и мстителен, я бы, наверное, радовался тому, что эти злодеи получили наконец по заслугам, попав под власть злодейки куда более высокого полета, нежели они. Но, глядя, как искренне убиваются они безвременной и жестокой смертью троих своих детей, собственноручно загубленных верховной жрицей, я не могу не испытывать жалости к этим злосчастным созданиям. Равное чувство поневоле обуревают мной, когда я наблюдаю и царей змеиного народа, Танатоса и Таниту; их отпрыски также загублены Тхутмертари. Как правители змеядов, так и человеческие принцы рады были бежать из Луксура, который теперь более напоминает не столицу древнего цивилизованного государства, а логовище злобных демонов – в буквальном смысле слова. Согласно последним известиям, дошедшим до меня, армия принца Джосера продвигается по землям Шема, неся с собой разрушение тамошним городам-государствам и погибель их жителям. С востока приходят донесения, что воинство царя Танатоса покорило несколько туранских приграничных городов; о реакции Аграпура пока ничего не сообщается. Армия царицы Таниты, направленная на юг из Сухмета, насколько мне известно, завязла в джунглях Куша, и это вызывает возрастающий гнев Тхутмертари. О судьбе флота, вышедшего из Кемии под водительством принцессы Камии, у меня сведений пока нет. На мой

взгляд, о Владыка, завоевание мира – не такое простое дело, каковым оно мнится королеве Тхутмертари. Никому и никогда не удавалось завоевать весь мир; не удастся это и нынешней стигийской владычице. Вот только жаль тех безвинных, коим Небо уготовило испытания страшные и жестокие – испытания на крепость не меча, но самой души человеческой! О, Небо, дай им мужество пережить их!

О, мудрейший из мудрых! В завершении своего послания считаю своим долгом представить Оку Твоему наброски к портрету самой королевы Тхутмертари, ибо, полагаю, Небо не предоставит мне возможность написать ее подробную биографию.

Знай же, о Владыка, что сколь безмерна порочность этого существа (не поворачивается язык назвать Тхутмертари человеком и уж тем более – женищиной), столь же велики и таланты его. Клянусь Небом, мне не доводилось встречать никого, кто был бы более одарен и образован. Тебе известно, о достойнейший, что сам я являюсь не последним ученым на благословенном Востоке – но познания мои в географии, истории, философии, языках и прочих науках, накопленные за десятилетия исследований и путешествий, совершенно меркнут перед познаниями и, не побоюсь этого слова, учёностью Тхутмертари. Всего лишь однажды, второго дня, мне привелось побеседовать с королевой, и ее рассуждения совершенно подавили меня. Иногда я думаю, что опасность, исходящая от Тхутмертари, гораздо выше, чем может показаться, именно в силу последних причин, и оттого меня охватывает ужас – ибо приводилось людям останавливать великих грубой силой и черным волшебством завоевателей, но не было еще случая, когда бы миру грозил завоеватель не только сильный и сведущий в колдовстве, но и весьма крепкий тайным знанием. Как будто Силы Тьмы нарочно постарались и породили разум, достаточно могучий и гибкий, чтобы взять верх в извечном споре с Силами Света. Оговорюсь: это всего лишь одна из возможных догадок.

При этом особенно удивительной выглядит преданность Тхутмертари Сету. Каждодневные жертвоприношения Змею Вечной Ночи столь обильны, что земля в Луксуре приобрела красный цвет, а в воздухе постоянно держится запах паленой человеческой плоти. Всего за несколько дней Тхутмертари собственноручно принесла в жертву Сету всех пригодных для этого ритуала отроков, юниц и юношей своей страны. Теперь бесконечные караваны с жертвами тянутся в Луксур из Шема, Турана и Куша, а Тхутмертари требует еще и еще. Кроме людей для жертвоприношений, караваны смерти везут в столицу метрополии рабов и золото. Хотя сама королева постоянно заявляет о своем презрении к «драгоценным безделушкам», ее войска не только убивают и захватывают рабов, но и грабят. Но если предназначение награбленного золота остается для меня загадкой, то назначение многих тысяч рабов прояснилось. Увы, о Владыка, Тхутмертари и ее змеелюды, которых здесь называют «змеядами», рабы нужны не столько для обслуживания, сколько для пропитания и удовлетворения самых грязных желаний и прихотей своих. Как выяснилось, для змеядов свежая человечина – самое изысканное лакомство... Сердце стынет, когда видишь безобразные пиры и оргии этих чудовищ; сначала твари глумятся над людьми, а затем пожирают их еще живыми. И заправляет этими пирами и оргиями никто иная как сама Тхутмертари.

Однако существует категория людей, которые, по-видимому, могут не опасаться сей кошмарной участи – во всяком случае, я не видел среди несчастных ни одного мага и ученого. Пусть не прозвучат кощунственно мои слова, но к ученым и мудрецам в этом змеином гнезде отношение много лучше, чем даже при дворах просвещенных владык Хайбории. Тхутмертари приказала отыскивать волшебников и ученых в завоеванных землях и невинными доставлять их в Луксур; мне остается только гадать, для каких нечестивых целей понадобились королеве эти достойные люди. Доставленных в столицу мудрецов она окружает всевозможными благами и почестями, каковые можно было бы считать поистине

царскими, если не видеть всего остального, что здесь происходит. Так, я живу в королевском дворце, мои апартаменты состоят из пяти палат, я имею множество слуг, которые спешат исполнить любое мое пожелание (разумеется, если оно не противоречит воле королевы). От меня зависят сами жизни этих людей, ибо если окажется, что я чем-то недоволен, провинившийся слуга тотчас отдан будет на растерзание змеядам.

Некоторые вещи меня совершенно изумляют. Так, вчера я наблюдал, как Тхутмертари прогуливалась по королевскому саду вместе с мэтром Дивасом, высокоученым проповедником Митры; он был захвачен недалеко от города Абеддрах в Шеме. И это всего через несколько минут после завершения очередной гнусной оргии! Иногда складывается впечатление, будто в тело королевы периодически вселяются совершенно разные создания! Я не осуждаю мэтра Диваса; напротив, восхищаюсь его мужеством – далеко не каждый выдерживает здешний психологический климат; не далее как два часа пополудни сегодня покончил с собой ага Шилак из Кутхемеса, маг и географ. Так Тхутмертари оживила его посредством некромантии и заставила несчастного агу пожалеть о том, что он сам лишил себя жизни. Мы, все остальные гости, а вернее, пленники Тхутмертари, принуждены были лицезреть его мучения. Затем она превратила Шилака в зомби, и он всюду ползал за ней, в буквальном смысле слизывая пыль там, где она прошла. Королева дала нам понять, что восстановит человека даже из пепла, если кому вздумается лишить себя жизни подобным образом, и что воскрешенный позавидует участи аги Шилака. Я склонен верить ей в этом. Еще раз молю Небо дать мне мужество достойно встретить свой конец, каким бы он ни был.

Засим заканчиваю свое послание Тебе, о достойнейший из достойных. Благодарение Небу, мои волшебные голуби пока при мне. На мое счастье, королеве не приходит в голову, зачем я их держу. Трудно представить, какая жуткая участь ждет меня, если злодейка узнает, что я тайно посылаю вести в свой родной Кусан. Тщу себя надеждой на милость Неба. Да будет Оно по-прежнему чистым и благим над нашей благословенной страной!

Остаюсь преданный Тебе князь Ца Ю, ученый и путешественник.

Писано в Луксуре третьей луны года Тигра, одиннадцатого числа, в час пополуночи».

Невысокий седеющий человек в пестром, но аккуратном шелковом одеянии, ниспадающем мягкими складками до самых его стоп, быстро запечатал письмо. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что никто за ним не подсматривает, он подошел к клетке, где ворковали два больших голубя. Ца Ю открыл дверцу клетки и пальцем поманил к себе одного из голубей. Голубь вылетел из клетки и опустился на ладонь князя. Ца Ю вздохнул и закрыл дверцу. Затем он аккуратно приладил послание к лапке птицы. Едва человек закончил эту процедуру, голубь взлетел и выпорхнул в открытое окно. Князь проводил его долгим взглядом, полным веры и надежды. Быстро набрав высоту, птица скрылась в черном небе.

Взгляд Ца Ю упал вниз, на город. Он увидел пламя костров, копошащиеся вокруг них безобразные фигуры, услышал истошные крики истязаемых и глумливый гогот истязателей – и сам удивился, насколько привычными стали для него подобные картины. Князь поспешил отойти от окна. Взгляд его вернулся к клетке, и Ца Ю непроизвольно улыбнулся: в клетке снова ворковали *два голубя*. Замечательное волшебство, подумал кусанец. Не далее как через день Великий Шу прочитает его донесение. А ведь от Луксура до Кусана тысячи и тысячи миль! Довольный собой и своей миссией, князь Ца Ю позвал слугу, чтобы тот помог ему отойти ко сну.

Звероподобный Патрас, начальник королевской стражи Стигии, недвижно застыл в дверях библиотеки, ожидая, когда владычица соизволит обратить к нему свои очи. Наконец, Тхутмертари отложила письмо и коротко кивнула Патрасу. Тот со скоростью, странной

для человека его комплекции, растворился за дверями, а мгновением позже вновь появился, и с ним возникли еще двое стражников, которое не то вели, не то волокли автора ночного послания Великому Шу. Единственного взгляда пронзительных сапфировых глаз оказалось достаточно Патрасу, чтобы понять, чего хочет Святейшая. Спустя несколько мгновений стражников в библиотеке не было. Лишившийся опоры в лице стражников, смертельно бледный Ца Ю стоял перед королевой, и она видела, что он вот-вот готов упасть – не то в обморок, не то на колени.

Тхутмертари приветливо улыбнулась кусанцу, желая, как видно, подбодрить его, и указала на кресло напротив своего. Собрав всё свое мужество, Ца Ю принял ее приглашение. Когда Ца Ю опустился в кресло, она взяла письмо, которое недавно читала, и не без лукавства помахала им перед глазами кусанца.

– С превеликим интересом прочитала сей труд, почтеннейший князь, найдя в нем много важного, поучительного и забавного...

Ца Ю беззвучно упал на колени перед ней. Должно быть, от ужаса он лишился речи, либо, как человек умудренный опытом, почитал бессмысленным что-то объяснять и взывать о пощаде. Тхутмертари подумала, что, наверное, сейчас кусанец молится своим богам, вернее, Небу, от которого по обыкновению ждет милостей больше, чем от нее, от Тхутмертари. Что ж, она сумеет разубедить его в этом. Ей вообще нравилось разрушать заблуждения – равно как разрушать и все прочее, что поддается разрушению.

Она встала, подошла к Ца Ю и силой подняла его с колен, снова усадила в кресло. Взяв его руки в свои, она погладила их и сказала на кусанском диалекте:

– Ну же, князь, прошу вас, не нужно так расстраиваться! Ничего страшного не случилось. Простите меня, ведь я прочла ваше письмо без разрешения...

Ца Ю замотал головой, пытаясь что-то сказать, но изо рта его послышалось лишь невнятное мычание. Тхутмертари продолжала:

– Меня извиняет лишь одно: я страстная поклонница вашего таланта! Я прочла все ваши книги. Не верите? – она рассмеялась и, гибкая, как змея, проскользнула к стеллажам, на которых лежали книги; королева недолго поискала и взяла одну из них. – Вот, например, ваш трактат «Нравы и обычаи стигийцев, ихние боги, короли и чародеи, а также прочее, имеющее быть к югу от Стикса». Замечательная книга! Лучшее, что написано о Стигии во все времена.

Она поставила книгу обратно и по памяти продекламировала:

– «...А еще существует легенда, будто где-то в заколдованной темнице Тот-Амон содержит известную волшебницу Тхутмертари и ее возлюбленного жреца-расстригу Атотмиса, и что была эта самая волшебница незаконнорожденной дочерью прежнего короля стигийцев Ментуфера, а вот кто родил ее, о том легенда умалчивает...».

Кусанский князь изумленно пялился на королеву: цитата из его старой книги была воспроизведена ею с дословной точностью!

– Или это, – Тхутмертари достала из ящичка манускрипт, испещренный пляшущими иероглифами, по виду необычайно древний, – вот они, мифические пророчества кхарийского мудреца Юфэня, жившего девять тысяч лет тому назад как раз там, где теперь находится ваш Кусан. Здесь также говорится обо мне; Юфэнь был неплохим пророком.

– Вы понимаете по-кхарийски? – вырвалось у кусанца.

– Ну, разумеется, – притворно оскорбилась Тхутмертари. – Мне известны разные древние языки, равно как и теперешние. Это бывает весьма полезно, скажу я вам. Вот, например, таблички яцтаков – эта раса исчезла с лица Земли сотни тысяч лет тому назад; я отыскала их в хранилищах Йесет-Мета, когда освобождала народ змеядов из подземной страны. Хотите, я вам почитаю?

Не дожидаясь ответа князя, она принялась читать. Язык оказался необычайно мелодичным, он звучал подобно музыке, и Ца Ю поневоле заслушался. Когда Тхутмертари наконец закончила, он внезапно осознал, что ничего не понял из прочитанного: язык дочеловеческой расы совершенно не походил ни на одно из известных ему наречий. Сочувственно улыбнувшись ему, королева перевела на кусанский:

– На этой табличке прославляются добродетели некоего яцтакского властелина, который прославился заключением долгожданного мира с глаханами. Он был поистине святым человеком, вернее, яцтаком, этот самый царь, если верить табличке; в сравнении с ним наши благочинные жрецы Митры выглядят сущими злодеями, – Тхутмертари рассмеялась над собственной остротой. – И всё бы было замечательно, если бы не знать, что пятью годами позже царь-святоша был убит, его подданные умерщвлены, а владения разграблены. Вы понимаете меня, князь?

Ца Ю подавленно кивнул. Нужно быть круглым идиотом, чтобы подумать, будто королева завела весь этот разговор, дабы извиниться за прочтение чужого письма. Она ничего не делает просто так. Первый испуг прошел, когда Ца Ю понял, что, во всяком случае, пока его жизни ничего не угрожает. Если злодейка желает побеседовать с ним, он не станет отказываться. К чему бы это ни привело.

– Я восхищаюсь Вашим Величеством. Однако я лучше приму мученическую смерть, чем вашу веру.

Тхутмертари оставила таблички яцтаков и вновь опустилась в мягкое кресло прямо напротив собеседника.

– Ну зачем вы так, – мягким, завораживающим голосом упрекнула его она. – Я вовсе не желаю, чтобы вы променяли свое Небо на моего Сета. Мне от вас это не нужно. Люди должны поклоняться тем богам, в каких верят.

Ца Ю решил, что ослышался, но Тхутмертари, видя его изумление, с чарующей улыбкой на устах повторила сказанное. Кусанский мудрец понял, как много нужно постараться, чтобы постичь эту натуру. Если сие вообще возможно. Он внимательно, но ненавязчиво оглядел сидящую перед ним женщину. На вид ей трудно было дать больше тридцати, однако стареющий князь прекрасно знал, что ей должно быть далеко за пятьдесят. Пышные волны золотых волос ниспадали на короткую белую тунику, оставлявшую открытыми точеные руки и ноги. Кроме простой туники и столь же неприятных сандалий, на Тхутмертари ничего не было – ни короны, ни украшений. Князь неожиданно поймал себя на мысли, что ужасную стигийскую владычицу можно запросто спутать с обычной девушкой – если бы не поразительная красота ее. Такая красота неестественна для живого человека, невозможна без вмешательства божественных сил, и силы эти, увы, вовсе не желают миру добра и красоты... И еще от прочих людей её отличает некая злая аура, некое неясное, но устойчивое ощущение угрозы, которое могут прочувствовать даже неопытные маги – а Ца Ю относил себя именно к разряду таковых. Тхутмертари всюду несла с собой дыхание непонятного ужаса, так что рядом с ней чувствительным людям становилось плохо даже тогда, когда она улыбалась, шутила, демонстрировала им свое расположение. Вот и теперь князю было отчего-то трудно дышать, хотя воздух в библиотеке был чист, не в пример смрадному воздуху Луксура. Перебарывая это чувство, он спросил:

– Изволит ли Ваше Величество поведать мне, чем я, ничтожный, могу служить Вашему Величеству?

– Изволю, – королева снова взяла послание князя Великому Шу. – Вот здесь вы говорите: «Полагаю, Небо не предоставит мне возможность написать ее подробную биографию». А что вы скажете, если не Небо, а я сама предоставляю вам такую возможность?

– Вы хотите, чтобы я написал биографию Вашего Величества? – постигая смысл сказанного, раздельно проговорил кусанец.

– А вы – разве вы не хотите?! Часто ли персонажи ваших книг выходили прямо из легенды? – Тхутмертари самодовольно усмехнулась. – Я расскажу вам, как всё начиналось. Познакомлю со своим наставником, покажу древние манускрипты – равных им по ценности вы не можете себе даже представить – и, наконец, сама поведаю, как мне удалось стать той, кем я стала. И более того, – верховная жрица в знак особой важности воздела вверх изящный, как золотая статуэтка, указательный палец, – я буду оберегать вашу жизнь; вы ни в чем не будете испытывать неудобств. Я позволю вам пройти со мной до конца, то есть до того предела, когда мне станет не хватать власти над этим миром... Но и тогда, клянусь, я оставлю вам право последнего выбора!

– В вашей власти распорядиться моей жизнью, вы вольны отнять либо оберегать ее, но то, что творите вы, ранит мою душу, – взволнованно молвил Ца Ю. – Как я могу быть рядом с вами, если деяния Вашего Величества противны моей вере?

– Здесь я не стану вам помогать, – она развела руками. – Со своей верой разбирайтесь сами. Конечно, я могла бы превратить вас в зомби, но, к сожалению, зомби не способны к самостоятельному творчеству. А мне нужно, чтобы вы творили! Итак, князь, что вы решаете?

– Мне нужно время подумать, – ответил Ца Ю, сам изумляясь собственной дерзости. Однако Тхутмертари, похоже, готова была простить ее. Она милостиво кивнула, и словами своими опять поразила кусанского мудреца:

– Думайте. Я никуда не тороплюсь. У меня впереди Вечность.

Зависла томящая тишина. Ца Ю затаил дыхание, наблюдая, как королева как будто вглядывается в неведомое грядущее, словно желая отыскать ответ на вопрос, где, когда и как завершится ее, Тхутмертари, Вечность... Вот мысль ее возвратилась из космических далей к делам земным, и она произнесла:

– Что вы знаете о последней войне с Тайей?

Война с Тайей... Конечно, Ца Ю знал о ней, и знал немало. Трактат «Тайя, ее история, география и война со стигийцами за свободу, в коей войне тайанцы одержали верх» он написал в Турхане Заоблачном, тайанской столице. Впрочем, Тхутмертари не могла читать его, поскольку писан сей трактат был в единственном экземпляре в пору ее заточения в темнице Тот-Амона, а после написания помещен в библиотеку Академии Наук Кусана, где находится и поныне... Ца Ю замялся с ответом, и тогда королева, затворив глаза, продекларировала:

– «Тайя есть плодородная долина на юго-востоке царства стигийцев. С севера Тайю отделяют от Стигии пустыни, с запада – горы, на юге она граничит с джунглями Кешана и Пунта, а на востоке Тайю отделяет от туранских земель великая река Стикс. Жители Тайи благородны в меру; почитают они не злобного Сета, яко стигийцы, а Солнечного Митру, и правит ими не чародей, а верховный вождь Авзар, человек достойный и мужественный, в чем я имел счастье убедиться лично»...

Тхутмертари рассмеялась, глядя на вытянувшуюся физиономию кусанца. Только что она по памяти прочитала первые строки написанного князем-путешественником трактата.

– Вы не человек, – пробормотал наконец Ца Ю.

– А я этого и не утверждаю, – усмехнулась верховная жрица. – Но вернемся к Тайе, князь. Как вы отнесетесь к идее вновь посетить сию «плодородную долину»?

– Я был бы рад, наверное, – ответил тот, не в силах понять, куда теперь клонит Тхутмертари.

– Ну, вот и славно, – заметила она и позвонила в колокольчик.

Тотчас на пороге возник Патрас.

– Прибыл ли гонец от Танатоса? – спросила она его.

– Прибыл, Ваше Величество.

– Впусти его.

Ца Ю вздрогнул. Змеечеловек! Змеяд. Гонцом от Танатоса оказался змеяд. Тварь, больше похожая на поставленного вертикально ящера, чем на человека. Грязно-серая чешуя заменяла ему одежду. На поясе твари болтался длинный волнистый меч. Вступив в зал, змеяд рухнул ниц и облобызал ноги Тхутмертари.

– Говори, – приказала она, и Ца Ю не мог не подивиться, как мгновенно изменился ее тон – от дружелюбно-сочувствующего, которым она беседовала с ним, до резкого и повелительного теперь.

– О, Святейшая! – проговорил змеяд на древнестигийском. – Верховный акках Танатос припадает к твоим стопам и желает...

– Короче! Он взял Кутхемес?

– Да, о Святейшая. Следом за мной спешат два каравана. Первый – с людьми для жертвоприношений. Второй – с людьми для пропитания. Они прибудут к вечеру. Верховный акках спрашивает твоих дальнейших указаний.

– Пусть армия аккаха займет позиции на восточном берегу Стикса и отрежет Тайю от Турана. Сам акках должен возвратиться в Стигию; я буду ждать его послезавтра утром у входа в Тайанское ущелье. Это всё. Ступай.

Когда за змеядом закрылась дверь, Ца Ю, явившийся невольным свидетелем этой сцены, спросил:

– Что вы намерены сделать с Тайей, Ваше Величество? Вы хотите вновь завоевать ее? Тхутмертари плотоядно, как показалось кусанцу, ухмыльнулась.

– Ну, что вы, милый князь. К чему мне ваша «плодородная долина»? Я только восстановлю справедливость и отомщу за своего отца. Я превращу Тайю в пустыню! А вы добавьте еще одну главу к своему трактату: «Тайя, ее история, география и вторая война со стигийцами за свободу, в коей войне тайанцы были совершенно разгромлены и уничтожены вплоть до последнего человека, а страна их стерта с лица земли».

– Неужели вы сделаете это, Ваше Величество?

– А вы как думаете? Не забудьте: послезавтра. Я пришлю за вами. Теперь ступайте.

Ца Ю поднялся, из последних сил подавляя тошнотворные ощущения, и даже сумел низко поклониться развалившейся в кресле королеве.

– Да, чуть не забыла, – сказала она, когда кусанец был уже у дверей. – Ваше письмо... Что же мне с ним делать?

– Оно во власти Вашего Величества, равно как и его автор, – молвил Ца Ю, опустив глаза.

– Знаете, князь, мы, пожалуй, отправим ваше послание, – проговорила Тхутмертари после недолгого раздумья. – Я не могу допустить даже мысли, что вы писали попусту! Да, мы отправим его, и оно, несомненно, дойдет до вашего владыки. При одном условии.

– Каком, Ваше Величество?

– Я желаю сделать небольшую приписку от себя.

– Вы желаете написать моему владыке?

– Да, всего лишь несколько строк. Вы не будете возражать?

Ца Ю сокрушенно развел руками.

– Не вижу способа, как бы я мог это сделать, Ваше Величество.

Тхутмертари взяла перо и стала быстро выводить иероглифы. Скоро она закончила, встала и передала письмо кусанцу.

– Можете отправлять. Обещаю, что вашего голубя никто не задержит. Можете также прочитать: отныне у меня от вас, как моего биографа, секретов нет! Прощайте, князь.

Отвесив поклон королеве, Ца Ю поспешил покинуть ее общество. Не помня себя от пережитого, он промчался в свои покои и лишь уединившись, позволил себе прочесть написанное ею.

«Шу, Владыке Кусана, от Тхутмертари, королевы Стигии, верховной жрицы Сета, владычицы Черного Круга, – послание.

Живи, откуда я сама не отправлю тебя на твое Небо.

Пользуясь оказией, любезно предоставленной мне твоим подданным и моим новым другом князем Ца Ю, спешу сообщить тебе следующее.

Первое. Не далее как через две луны жди меня с армией в Кусане.

Второе. К моему прибытию приготовь тысячу девушек, не испорченных плотской любовью – чтобы мне и моим воинам не пришлось тратить время на их розыск. Ровно столько, по моим подсчетам, понадобится, чтобы оплести все книги о моих победах, которые напишет Ца Ю. Я слышала, что у девушек Кусана самая мягкая кожа в мире. Это хорошо. Книги обо мне нуждаются в самом лучшем переплете.

Третье. Передай почтенному Пра-Юну, владыке Камбуи и главе магов Алого Кольца, – он, как я слышала, гостит у тебя, – чтобы он перестал докучать мне своей бездарной волибой. Мне надоело отваживать его демонов-убийц. Еще передай ему, что я не стану подсылать к нему своих демонов и что если он не угомонится, то при встрече я просто заставлю почтенного Пра-Юна выпить его же собственную кровь. В противном случае я выпью ее сама.

Тхутмертари.

Писано в Луксуре третьей луны года Тигра, двенадцатого числа, на рассвете».

Ца Ю дрожащей рукой отложил послание. Он был удивлен, как ему хватило сил прочитать это. Князь вовсе не желал вырабатывать в себе привычку философски воспринимать подобное. Особенно когда речь идет о судьбе его родины.

Он не может отправить такое письмо. Услышанное сегодня от Тхутмертари делает устаревшей его часть послания. А ее часть – разве ж можно показывать такое Владыке?..

После двух часов мучительных раздумий Ца Ю всё-таки решил отправить послание, как оно есть. Единственную приписку сделал он: «Армия змеиного царя Танатоса захватила великий Кутхемес. Жертвы неисчислимы. А на послезавтра королева назначила расправу над свободной Тайей». Пусть Великий Шу получит это письмо. Пусть. Владыка должен знать всё – на то он и Владыка, Сын Неба. Всю правду. Он достаточно мудр, чтобы сделать должные выводы и принять верное решение. И, если на то будет воля Неба, зловещие планы стигийской владычицы так и останутся всего лишь планами.

Ни от кого не таясь, Ца Ю отправил волшебного голубя навстречу обманчивому солнцу.

Проводив птицу, взор кусанского князя вновь скользнул вниз, на площадь перед королевским дворцом, и увиденное заставило Ца Ю застыть с лицом бледным от горя и гнева. Четверо дюжих змеядов, плотоядно ухмыляясь и длинными раздвоенными языками размазывая по мордам кровавую слюну, тащили куда-то из дворца бездыханное тело мэтра Диваса, проповедника Митры.

3. Слуга Нергала

Роберт Рэнквист в душе проклинал свою неосмотрительность. Как можно было отпускать киммерийца из Тарантии с единственным «жучком»?! Предполагалось, что Конан, Зенобия и Конн всегда будут держаться вместе, и любопытный англичанин узнает много интересного, чем варвар поделится со своей любимой женой. Собственно, так оно и было – до последнего времени. Электронный шпион исправно доносил своему хозяину всё, что видел и слышал сам. Рэнквист знал, куда, зачем и почему направляется киммериец, и это знание являлось лишь небольшой частью той обширной информации, которой он владел. Пренебрегая иными делами, Роберт следил за Конаном беспрестанно, отвлекаясь от этого занятия лишь когда интересные разговоры уступали место отношениям интимного свойства – последние интересы для Рэнквиста не представляли. И с каждым разом англичанин всё явственнее убеждался в исключительной важности миссии Конана. Он не менее киммерийца желал, чтобы тот живым и невредимым добрался до загадочного Милиуса. Рэнквист с нетерпением ожидал услышать беседу отважного варвара со Скучающим Магом. Дабы иметь возможность постоянно наблюдать Конана, Рэнквист сказался больным и выпросил у короля Джейка Громовержца разрешения остаться в Тарантии, в то время как почти все пришельцы во главе с самим Джейком улетели завоевывать Немедию.

Сие важное событие имело место вчера утром, а уже вечером Роберт Рэнквист чувствовал себя полным идиотом, именно из-за того, что не подбросил Конану второго «жучка». Троица впервые разделилась, и «жучок» остался с Зенобией и Конном, в то время как главный объект наблюдения выпорхнул из-под бдительного ока. Рэнквист даже не догадывался, куда мог намылиться киммериец. Интуиция опытного шпиона подсказывала ему, что киммериец отправился по крайне важному делу, и что он, Роберт Рэнквист, упускает ценнейшую информацию. Оставалось лишь надеяться, что по возвращении в гостиницу Конан поделится ею с женой; тогда-то всё и узнаем... Англичанин отключился от «жучка» и улегся спать.

Проснулся он, по обыкновению, рано; на башнях королевского дворца еще не менялась ночная стража. Перво-наперво подключился к «жучку» – и тотчас понял, что интересные события могут происходить не только с Конаном. Электронным глазом «жучка» Роберт увидел не чистые стены гостиницы Ральдрика, но покрытые рваными тряпками камни какого-то склепа. Узрел он пятерку отталкивающего вида головорезов, которые резались в кости, пили что-то из мятых кружек и сквернословили. Рядом с бандитами на земляном полу Роберт увидел связанных Зенобию и Конна; рты их были заткнуты кляпами.

– Послушай, женщина, – сказал один из разбойников, отвлекшись от своей игры, – ты лучше поблагодари нас. Мы ведь могли просто убить тебя.

– А надо бы, – хмуро заметил другой. – Она Рябого Титуса порешила, а он был хорошим головорезом. А этот малец, – разбойник неприязненно ткнул грязным пальцем в Конна, – вцепился мне в шею, точно вампир. Тьфу, Нергалье отродье!

Разбойники грубо загоготали. Пострадавший от Конна их товарищ грязно выругался, помянул всех недобрых богов и, пожелав маленькому обидчику поскорее убираться к Нергалу, своему истинному хозяину, снова приложился к пойлу. Одноглазый здоровяк, по всему виду, предводитель, громко стукнул кулаком по столу и заявил, обращаясь к Зенобии:

– Как только твой маркиз заплатит выкуп, мы отпустим тебя и твоего отпрыска, клянусь Митрой! Верно, парни?

Разбойники прыснули от глумливого смеха. Взгляды, которые бросали они на соблазнительное тело Зенобии, не оставляли сомнений в их истинных намерениях. Женщина

попыталась ответить им, но сквозь кляп донеслось лишь мычание. Маленький Конн смотрел на бандитов волком, на лбу его чернели кровоподтеки...

Хитроумный англичанин нашел увиденное достаточным, чтобы принять решение. Что ж, если наш славный варвар сам не смог уберечь своих близких, придется ему, Роберту Рэнквисту, выручать их. И не мешкая, иначе не миновать беды. Он быстро оделся, прихватил свой трофей, волшебную накидку-невидимку – вот как раз тот самый случай, когда можно будет проверить ее в деле – и прошел к вертолету. Пока «Черный коршун» набирал высоту, бортовой компьютер принимал от «жучка» координаты места, где находились Зенобия и Конн. Оставив за собой просыпающуюся аквилонскую столицу, «Черный коршун» Рэнквиста на предельной скорости устремился к Ианте.

Ральдрик спал крепко, и снились ему сундуки только что отчеканенных золотых монет с профилем носатого коронованного старика. Еще снились ему носатые зингарские гранды, но не гордые и вспыльчивые, а все как один покорные ему. Каждый из них нес по сундуку, и не куда-нибудь нес, а в кладовую Ральдрика. Конца-края шествию не было видно. Присутствовали здесь молоденькие виконты, вдвое сгибавшиеся под тяжестью сундука, и тощие бароны с медалями на камзолах, и здоровенные маркизы, увенчанные богатыми шляпами с плюмажем из павлиньих перьев, и почему-то хромые графы с большими серебряными цепями на груди, и даже старые герцоги с цепями золотыми и маленькими коронами на лысых головах. Все эти богатые нобили были искренне рады отдать Ральдрику свои монеты с профилем носатого коронованного старика. Еще, еще, еще, говорил им Ральдрик, и они несли еще.

Но вот среди грандов появился новый персонаж. Откуда и когда возник он, Ральдрик не мог определить. Что самое удивительное, сундука при нем не оказалось, а физиономия этого нобили скорее напоминала рыло разгневанного Нергала, каким того изображают безумные живописцы. Нос его, впрочем, оказался вполне человеческим, и гораздо меньшим, чем у старика, изображенного на монетах. Это, кстати, не обрадовало Ральдрика, поскольку новый персонаж внезапно схватил его огромной рукой за горло и прошипел прямо в лицо:

– Отвечай, шакалий помет, где мои жена и сын?! Живо!

Краем глаза Ральдрик успел заметить, что после этих слов сундуки с золотыми песетами куда-то исчезли, равно как и герцоги, графы, маркизы, бароны, виконты... Толстяк промычал что-то. Как видно, это «что-то» не удовлетворило гостя, и тот для пущей остротки приблизил ко лбу Ральдрика лезвие кинжала, ярко блеснувшее в рассветных лучах.

– Вот тебе будут золотые, – тихо, но внушительно сказал он. – Я нарежу их из твоей кожи, если ты сейчас не скажешь мне, куда дел моих жену и сына!

Только теперь хозяин гостиницы проснулся окончательно. А проснувшись, признал в залапившем его гиганте давешнего постояльца, маркиза дель Сантоса.

– Ну?! – грозно прорычал маркиз.

Смекнув, что его жизни угрожает опасность, Ральдрик раскрыл рот, чтобы позвать на помощь. В ответ железные пальцы сдавили его горло, да так, что несчастный Ральдрик не смог даже завопить от боли.

– Последний раз спрашиваю, где мои жена и сын? Отвечай, блевотина Нергала!

Пальцы на шее Ральдрика чуть разжались. Жадно глотая воздух, хозяин «Быков Офира» просипел:

– Не знаю, ваше сия...

Глаза маркиза метали огонь.

– Так я и поверю тебе, плевок верблюда! Клянусь Кромом, ты и навел разбойников! Если не ты сам их главарь. Думал, пока меня нет, всё у вас получится. Как бы не так! Ну, говори, пес, где они?!

Положение Ральдрика было отчаянным. Он уже не сомневался, что мнимый маркиз в состоянии вот прямо так сейчас отправить его в царство Нергала, чьим слугой на самом деле являлся. То-то сразу не было веры, что негодяй этот зингарский гранд! А ведь как искусно прикидывался! Ральдрик понял, что лишь правда может спасти его, ибо Митра защищает правдолюбцев. Призвав в свидетели светлого бога, толстяк закатил глаза и завопил, насколько позволяла стальная хватка мучителя:

– Клянусь Митрой, я не знаю, где они! Я не виноват...

– Ну ты сам напросился, – зловеще проговорил слуга Нергала, и по адскому блеску его глаз Ральдрик понял, что на сей раз Митра не пожелал защитить человека, сказавшего чистую правду.

– Они могут быть у Одноглазого Йенуса, – скороговоркой пробормотал толстяк, надеясь, что посланец с Серых Равнин удовлетворится этой скудной информацией.

– Где найти этого Йенуса, Кром его побери?

– Он бывает в таверне Глухого Пью, – прошептал Ральдрик, мысленно моля всех богов, чтобы Одноглазый Йенус оказался именно в таверне Глухого Пью, причем именно в тот момент, когда туда зайвится этот присный Повелителя Мертвых.

– Ты пойдешь со мной и покажешь дорогу.

Нет!! Это было слишком! Ноги и руки Ральдрика вдруг стали ватными. Уже теряя сознания, толстяк тонким голосом пропищал:

– Пощади, о всемогучий! Мне не вынести дороги туда. Возьми лучше душу мою...

Всемогучий в сердцах сплюнул и оттолкнул тело.

– На кой она мне сдалась, твоя жалкая душонка. Но, гляди, толстяк, коли соврал или с моими что не так, я вернусь за ней, твоей душонкой. Клянусь кровью Крома!

С этими словами он исчез.

– Хозяин, хозяин! Очнитесь, мой господин! Да что же это с ним...

Ральдрик с трудом разлепил глаза. На него смотрела худосочная физия какого-то мелкого беса. Видать, тот гигантский демон доставил-таки меня на Серые Равнины, отрешенно подумал хозяин гостиницы. Доставил – и передал своим помощникам, значит...

– Во имя Митры, оставь меня, Нергалье семья... – простонал Ральдрик, в душе не надеясь, что бес прислушается к его нижайшей просьбе; как известно, Солнцеликий не имел власти над Царством Мертвых.

– Это я, Гильмо, я! – сказал худосочный бес. – Чего вы ругаетесь, хозяин? Или меня не узнаете?..

И вправду Гильмо. Ральдрик осмотрелся и узнал свою спальню. Вряд ли Нергалу нужна его спальня, подумал он. Значит, жив?

– Да живы вы, живы, мой господин, хвала Митре, – осклабился Гильмо. – Скажите лучше, что с вами приключилось!

Голова болела страшно. И горло болело тоже. Значит, демон не приснился ему? Конечно же, нет.

– Твоего хозяина едва не утащили на Серые Равнины, Гильмо, – прошептал Ральдрик. – Этот демон...

– Маркиз дель Сантос?

– Не-е-ет, – толстяк помотал головой, чем вызвал новый приступ боли, – не маркиз! Слуга Нергала! Он сам мне в этом признался. Да еще Крома какого-то.

Тощий зингарец с подозрением взглянул на хозяина.

– Вы точно помните насчет Крома, мой господин?

– Митра свидетель, он Крома через раз упоминал! – побожился Ральдрик. – Видать, старший демон их какой, мне-то почем знать...

– Так я и думал, то-то я не зря подозревал, – пробормотал секретарь; обращаясь к Ральдрику, он спросил: – И что же он хотел от вас, этот служитель Крома?

– Хотел, чтобы я пошел с ним в таверну Пью за Одноглазым Йенусом.

Гильмо понял, что умственное здоровье хозяина несколько пострадало в результате встречи с мнимым маркизом. Еще Гильмо мысленно поставил свечку в храме Митры за упокой Одноглазого Йенуса и всей его банды, а вслух добавил:

– Я велю позвать лекаря, хозяин. Вам нужна помощь...

– К Нергалу лекаря! – неожиданно рявкнул Ральдрик. – Этот злодей обещал вернуться за моей душой! А знаешь ли ты, глупый зингарский писака, как эти демоны держат слово?! Не то, что мы, люди. Ты давай, спеши к градоправителю, пусть даст мне своих людей для охраны. На, отдай ему это, скажи, почтенный Ральдрик нижайше кланяется Его Светлости... – с этими словами толстяк передал своему секретарю все пять золотых песет, полученных вчера от Конана.

Пряча улыбку, Гильмо взял деньги. Затем он вышел из спальни хозяина, и тут взгляд его случайно упал на пурпурное знамя с золотым львом. Зингарец усмехнулся и заметил, сам для себя:

– Нет, хозяин, я не пойду к градоправителю. У меня есть идея получше. К тому же, мне это золото нужнее, чем Его Светлости. Пусть даже оно аквилонское, а не зингарское.

Одноглазый Йенус закончил диктовать послание и переспросил:

– Ну как, всё написал, Струто?

Тщедушный мужичок, у которого из всех зубов, полученных от мамы в детстве, остался лишь один желтый клык, отчего мужичка, чаще, чем Струто, звали Одиноким Зуб, промямлил:

– Всё, как ты сказал, Йенус.

– А ну, прочитай.

– «Благородному дому Хосе, маркизу дель Сантос. Отнеси две тысячи золотых монет в таверну Глухого Пью и отдай их высокому мужчине с черной повязкой на правом глазу...

– Зачеркни «высокому», Струто, – велел Йенус. – Напиши так: «красивому мужчине».

Одиноким Зуб исполнил указание главаря и стал читать дальше:

– «...и отдай их красивому мужчине с черной повязкой на правом глазу. Затем возвращайся в дом Толстого Ральдрика и жди там. Йенус». Всё.

– Ну, вроде правильно. А ты, женщина, может, чего добавить хочешь, а? – последние слова Йенуса были обращены к Зенобии.

Та дернулась, пытаясь вытолкнуть кляп.

– Смотри-ка, Одноглазый, хочет! – хихикнул один из бандитов.

– Поди, вытащи у нее кляп, Косой.

Бандит, который взаправду косил налево, подошел к Зенобии и освободил ее от кляпа. Только он сделал это, голос женщины, пронзительный, гневный, но полный достоинства, разнесся по разбойничьему логову:

– Освободите моего сына, подонки! Он еще ребенок!

– Ребенок?! – взъярился Йенус. – Да он чуть всех нас тут не искушал, твой ребенок! Ничего, пускай покамест посидит в веревках, я еще не решил, что с ним делать. А вот насчет тебя я уже принял решение, моя красавица.

Щеки Зенобии вспыхнули алым. Однако, как и подобает королеве, она тотчас взяла себя в руки и твердым голосом проговорила:

– Освободи его от кляпа, Йенус.

И столько в этом голосе хрупкой женщины было внутренней силы, что одноглазый главарь дал знак Косому, и тот вытащил кляп изо рта Конна.

– Отец насадит вас на меч, ублюдки Нергала, – вот были первые слова маленького принца, и в них сквозило такое убеждение, как будто смерть бандитов от руки отца являлась для Конна столь же очевидным фактом, как и восход Ока Митры по утрам и заход его по вечерам.

Зенобия бросила быстрый осуждающий взгляд на сына. Она запретила ему, будущему королю Аквилонии, выражаться подобно разбойнику с большой дороги. Однако, как видно, влияние отца оказалось сильнее воли матери.

– Смотри-ка, Йенус, этот сопляк назвал нас ублюдками Нергала, – обиженно заявил Одинокый Зуб.

– А вы такие и есть, раз держите нас здесь, – сказала Зенобия, решив разделить с сыном ответственность за оскорбление.

– Заткнись, женщина! – гаркнул главарь. – Не вынуждай меня портить тебе фигурку. Скажи лучше, есть ли у тебя что добавить к моему письму.

– У меня есть, – заявил Конн. – Напиши ему, где ты нас держишь.

– Этот сопляк начинает меня раздражать, – мяукнул Струто. – Неужели ты это стерпишь, Йенус?!

Одноглазый встал, подошел к связанному мальчугану и слегка пихнул его ногой.

– Закрой свою пасть, молокосос, иначе я сделаю это за тебя!

– Не трогай моего сына, подонок! – воскликнула Зенобия.

– Ну, а что ты мне сделаешь, если трону? – глумливо осклабился Йенус и с силой пнул Конна в бок. Мальчик скривился от боли, но не издал ни звука.

– Смотри-ка, терпеливый, – заметил Косой.

– Терпеливый или нет, а ножа забоится, – Йенус ухмыльнулся и обнажил кинжал.

Зенобия побледнела и попыталась ногой толкнуть главаря.

– Лежи! – прикрикнул на нее главарь. – Я возьму тебя после.

– Нет, возьми сейчас, только сына моего не трогай, – воскликнула Зенобия, чтобы выиграть время. Женская интуиция подсказывала ей, что помощь близка. Скоро придет спаситель и освободит жену и сына...

– Ну что ж, сама напросилась, маркиза, – осклабился Одноглазый Йенус. Он стал расстегивать штаны.

– Оставь маму, тварь! – гневно вскричал ребенок.

– Воткни ему кляп обратно, Косой, – приказал Йенус. – Этот сморчок утомил меня.

Косой поднял кляп и наклонился к Конну. Неожиданно мальчик рванулся вперед и вцепился зубами в нос разбойника. Косой взвыл от дикой боли.

– Глядите, волчонок откусил нос Косому! – завопил Струто.

Оставшийся без кончика носа головорез с воем бросился вон из логова. Проводив его взглядом, Йенус повернулся к Конну и поднял кинжал.

– Прощайся с жизнью, сопляк! Никому не позволено уродовать моих людей!

И стал опускать кинжал, целя в горло мальчику. Внезапно Йенус хрюкнул и стал заваливаться на спину. Спустя мгновение тонкий малиновый луч оставил свою метку на затылке Струто. А еще несколькими мгновениями позже мертвы были все бандиты.

– О, Митра! – прошептала изумленная Зенобия.

И было чему изумляться. Она ожидала увидеть Конана с мечом, а вместо этого *не увидела ничего*. Малиновые лучи смерти исходили как будто из пустоты.

– Митра поразил их своими молниями, да, мама? – спросил маленький Конн.

– Помолчи, сынок.

Зенобия затаила дыхание. Ей послышались приближающиеся шаги. Глаза королевы полезли на лоб, когда она увидела, как кинжал Йенуса сам собой поднимается в воздух и летит к ней... Тут Зенобии стало страшно, как никогда прежде. Ей нечасто приходилось

сталкиваться с магией, но даже небольшой опыт таких встреч явственно говорил ей, что самый невинный чародей вполне может оказаться опасней самого злого разбойника. А этот чародей, за пару мгновений уничтоживший банду головорезов, явно не относился к числу невинных.

- О-о-ой, – простонала Зенобия, с замиранием глядя, как кинжал опускается к ее груди.
- Не трогай маму, ты, кинжал! – приказал Конн.

Кинжал проигнорировал волю маленького принца и достиг-таки своей цели: первая веревка лопнула. Следом он перерезал и остальные. Освободив Зенобию, кинжал полетел к Конну. Тот смело подставил ему свои руки.

– Это добрый кинжал, мама, – сказал мальчик. – Кинжал Крома, – немного подумав, он добавил: – Или Митры.

Только с тела Конна спали последние путы, перед Зенобией и ее сынок предстал человек, возникший точно из воздуха. В одной руке он держал всё тот же кинжал, а другой рукой заталкивал в карман куртки полупрозрачный отрезок материи. За поясом незнакомца торчала изогнутая трубка, в которой Зенобия узнала бластер. Одет пришелец был во всё черное, и верхнюю часть лица его прикрывала маска.

- Опять ты... – закрыв на мгновение глаза, заметила Зенобия.

– Вашу руку, мэ, – с галантностью истинного кавалера Рэнквист подал ей руку и помог подняться.

Конн встал сам, с любопытством глядя на нежданного спасителя.

- Тебя привел Кром? – деловито спросил мальчик. – Или Митра?

Рэнквист усмехнулся и дружески похлопал Конна по плечу.

- Знаешь, в чем твоя проблема, сынок?

- Я тебе не сынок, – обиженно промолвил Конн, отодвигаясь от пришельца.

Англичанин, ничуть тем не смутившись, закончил свою мысль:

– Ваша проблема, господа туземцы, в том, что вы слишком много верите в своих богов и слишком мало – в самих себя... Ну а теперь, может быть, поищем нашего обожаемого короля, пока он опять не вляпался в какую-нибудь малоприятную историю?

Барон дю Можирон пил утренний чай. Он обожал этот чудесный кхитайский напиток, а вино, напротив, не признавал. Может быть, поэтому голова барона всегда была ясной. Во всяком случае, именно за ясную голову и за преданность ценил дю Можирона Вибий Латро. Барон служил Вибию еще когда тот был канцлером при Нумедидесе, и разделил с ним тяготы изгнания. Когда же немедийцы бросили Вибия в темницу, дю Можирон был среди друзей, чьими стараниями Латро вновь обрел свободу. Придя к власти при короле Джейке, Вибий Латро не забыл своего преданного друга: из таких, как дю Можирон, и состояла его знаменитая «старая гвардия». Дю Можирон был в числе первых, кого новый наместник Аквилонии призвал к себе на службу. Поскольку – так уж получилось – в Тарантии барона не любили, король Джейк и герцог Вибий назначили его новым послом Аквилонии в Офире, и сим назначением дю Можирон был весьма и весьма доволен. Попивая чай из широкой серебряной чаши, барон чувствовал себя превосходно.

В дверь постучали. Не открывая глаз, дю Можирон проговорил:

- Ну, кто там еще?

– Это я, капитан Левий, – послышался голос за дверью. – К вам просится какой-то зингарец, господин барон.

Дю Можирон поморщился. Глаза открывать так не хотелось. Тем более из-за какого-то зингарца.

- Что ему нужно?

- Он говорит, по важному делу.

– Гони его, Левий, – лениво протянул барон. – У нас тут посольство, а не судейская управа.

– Ваша милость! – послышался издалека другой голос. – Я по поводу короля вашего...

– Ну ты, заткнись, плетей получишь, – сурово проговорил капитан Левий, но было уже поздно: заслышав про короля, дю Можирон поперхнулся чаем. Барон закашлялся и понял, что день окончательно испорчен.

– Давай сюда этого зингарца, капитан, – мрачно процедил барон, – а потом отведешь его к градоначальнику, чтобы посадил в тюрьму за нарушение государственного владения Аквилонии...

– Ваша милость! – вошедший в кабинет посла Гильмо плюхнулся на колени и, понимая, что здесь его долго слушать не станут, сразу перешел к делу: – Бывший король Аквилонии Конан в Ианте, ваша милость!

Серебряная чаша с чудесным кхитайским напитком полетела на пол.

– Что ты несешь, болван?! – прогремел посол. – Узурпатор давно мертв! Его Величество король Джейк Громовержец собственноручно пристрелил Конана!

– Никак не может такого быть, ваша милость, – дерзко возразил зингарец. – Ибо не далее как час тому назад Конан собственноручно пытал почтенного Ральдрика, моего хозяина. Клянусь Митрой, это был он!

– Какой-такой Ральдрик? Чего ты тут мне голову морочишь?

– Ральдрик – хозяин гостиницы «Быки Офира», что напротив посольства вашего, господин барон, – Гильмо показал рукой на окно. – Я помощник его, Гильмо. Вчера к нам пришел здоровенный мужчина, он называл себя маркиз дель Сантос из Зингары. Только не зингарец он, а киммериец, ибо поминал Крома и сквернословил. С ним прибыли двое: красивая женщина и мальчик двух лет от роду, который выглядит на все пять...

– Как есть, Зенобия и Конн, – растерянно пробормотал посол.

– Я и подумал, вас заинтересует эта информация, – почтительно добавил Гильмо.

Дю Можирон покачал головой. Возможно ли такое? Мог ли Конан спастись и бежать в Офир? Мог, конечно. В душе барон и сам не верил, что дурак, чужак и узурпатор Джейк взаправду убил прежнего узурпатора. Вот только можно ли доверять словам какого-то зингарца?

– Чем докажешь?

С доказательствами у Гильмо было туго. Повинуясь наитию, он извлек золотой с профилем старого короля.

– Поглядите на эту монету, ваша милость. Это не настоящая зингарская песета, а аквилонская подделка. Конан вчера всучил ее Ральдрику.

Зингарец говорил правду. Каким бы невероятным ни казалось совпадение, для Можирона фальшивая песета была лучшим доказательством правдивости показаний Гильмо. Ибо кто, как не он, дю Можирон, руководил по приказу короля Вилера всей тайной операцией по чеканке таких монет? И где еще можно было встретить такие монеты, как не в королевской сокровищнице Аквилонии?

Посол вернул песету Гильмо и призадумался.

– Знаешь ли ты, где можно найти киммерийца?

– Я догадываюсь, где он может быть, – ответил зингарец.

– Хорошо, – сказал дю Можирон. – Капитан Левий, возьми десять своих людей и следуй за этим человеком. Нет, двадцать! Но помни: Конан нужен мне живым. Ладно, возьми всех.

– Слушаюсь, господин барон.

– А ты, Гильмо, учти вот что. Если выведешь нас на киммерийца, получишь награду. Ну, скажем, сто аквилонских золотых марок.

– Ваша милость щедры... – Гильмо низко поклонился.

– Если же нет – я позабочусь о том, чтобы ты остаток жизни провел в темнице. Полагаю, ваш градоправитель не захочет ссориться с великой Аквилонией из-за такого, как ты, – не без высокомерия произнес посол.

Зингарец задрожал всем телом, представив, что, наверное, градоправитель действительно не захочет из-за него ссориться с великой Аквилонией. А это значит, обратной дороги нет. Золото или темница – среднего не дано.

– Я выведу ваших воинов на Конана, не сомневайтесь, ваша милость, – сказал Гильмо.

4. Шпион, кутруб и Железная Башня

Быстрыми шагами Конан шел по Болоту. Так назывался северный пригород Ианты, где обитали представители городского «дна» – бродяги, дешевые проститутки, нищие, да и просто разбойники. Болото в Ианте было подобием знаменитой шадизарской Пустыньки. Киммерийца переполнял гнев. Он не понаслышке знал, какие нравы царят в подобных злых местах. От мыслей, что могут сделать нелюди этого самого Одноглазого Йенуса с Зенобией и Конном, ему становилось дурно.

Чумазый мальчишка, испуганно косясь на огромного северянина, вел его к логову бандитов. Запястье, которое сжимали железные пальцы, давно затекло, но провожатый боялся даже заикнуться об этом. Конан взаправду больше походил на свирепого слугу Нергала, чем на живого человека; редкие встречные в страхе шарахались от него.

Часом прежде киммериец побывал в таверне Глухого Пью. Означенный Пью сперва не мог понять, чего надо от него разъяренному зингарскому гранду, но после увесистых тумачков, пожалованных ему от милостей маркиза, слух у Глухого Пью прорезался, а еще спустя некоторое время, стоившее трактирщику трех сломанных ребер, Пью сам вызвался дать Конану провожатого в лице этого чумазого мальчишки, имевшего несчастье подвернуться под руку.

– Вот, господин, к Одноглазому Йенсу – туда, – глотая звуки, проблеял мальчишка, указывая на покосившуюся дверь почти утонувшей в земле лачуги.

Конан кивнул, отпустил своего провожатого, дал ему пинок под зад и, убедившись, что тот изо всех сил улепetyвает, обнажил свой меч. Никого вокруг не было; даже в Болоте логово Одноглазого Йенуса пользовалось дурной репутацией. Бесшумно, как горный барс, Конан скользнул к заветной двери. Внезапно дверь лачуги отворилась, и навстречу киммерийцу шагнул одетый во всё черное человек, который на разбойника Болота походил не более, чем корсар с Барахских островов – на кхитайского императора. Нервы Конана были напряжены до предела; секундное замешательство прошло, и варвар взмахнул мечом. Он не горел желанием выяснять личность неизвестного – всякий, выходящий из логова врагов, был для него врагом.

Однако человек в черном был еще быстрее. Меч Конана вонзился в трухлявое дерево. Леопардом отпрыгнув в сторону, незнакомец негромко воскликнул:

– Руки вверх, киммериец!

Дуло бластера было направлено на Конана.

– Ты – здесь!.. – выдохнул потрясенный киммериец.

– Он вытащил нас, – прошептала Зенобия, подходя к мужу.

– Он помог нам выбраться, – буркнул маленький Конн.

– С вами всё в порядке? – спросил Конан.

– Да, – ответила Зенобия. – Но еще чуть-чуть, и было бы поздно.

В голосе жены Конану почудился оттенок упрека, и варвар почти что с ненавистью посмотрел на пришельца.

– Не ревнуй, – усмехнулся тот в усы, – был бы у тебя вертолет, ты бы, наверное, успел быстрее, чем своими двоими.

– Я должен снова поблагодарить тебя, – выдавил Конан.

– Не стоит благодарностей. Как-нибудь сочтемся.

– Послушай, убери свою штуку, – молвила Зенобия, кивнув на бластер. – Конан тебе ничего не сделает. Верно, дорогой?

– Угу, – буркнул киммериец.

– Поклянись Кромом, – предложил хозяин бластера.

– Что для тебя Кром? – спросил Конан, уже понимая, что надолго его терпения на этого пришельца не хватит.

– Для меня – ничто. Важно, что Кром значит для тебя. Ну как, клянешься, киммериец?

– Клянусь Кромом, я тебе не трону. И что теперь?

Пришелец спрятал бластер. Не упуская Конана из поля зрения, он оглядел окрестности.

– Навряд ли место подходящее для короля Аквилонии. Тебе пора сматываться из этого города, не находишь?

Конан кивнул. Предстояло вернуться в гостиницу Ральдрика и забрать своих лошадей. Киммериец был уверен, что трусливый хозяин не осмелится к ним прикоснуться.

– А ты?

– А я покину тебя. Было очень приятно познакомиться, мэм. Вы прекрасны, вы составляете честь своему героическому супругу, путешествуя с ним. И тебе счастливо, сынок!

– Я не твой сын, – опять буркнул Конн, которого загадочная личность нежданного спасителя одновременно пугала и притягивала.

– Постой, – проговорил Конан. – Ты что же, так ничего толком и не объяснишь?

– Нет, – просто ответил пришелец.

– Сзади!! – вдруг крикнул киммериец своему неожиданному союзнику.

Однако тот, ожидая подвоха от Конана, не сразу обратил внимания на настоящую опасность. А когда заметил ее и выхватил бластер, было уже поздно. Арбалетный болт впился в его правую руку, и Рэнквист, скривившись от боли, выпустил свое оружие.

– Всем оставаться на местах, – пролаял начальственный голос. – Именем короля Джейка вы все арестованы!

На Конана и его спутников смотрели стрелы взведенных арбалетов. Киммериец со злостью прикусил губу. Так глупо попасться! Будь он один, он еще попытался бы выбраться. Но рядом стояли Зенобия и Конн; варвар опасался, что они могут стать жертвами потасовки. Поэтому он подчинился. Арест – это еще не смерть! Как-нибудь выберемся, и не из таких передраг выбирались, решил киммериец.

– Левий, какая встреча, – насмешливо протянул он. – Как ты нашел меня, шакал?

Аквилонский капитан кивнул на тощего человечка, прятавшегося за его спиной.

– Ты напрасно наряжился зингарцем, варвар. Этот малый настоящий зингарец, он признал тебя.

Бедняга Гильмо съежился под пристальным взглядом Конана и подумал, что сто золотых монет достанутся ему с чрезмерным риском для жизни.

– Вяжите их, – приказал Левий своим подчиненным. – И чтоб без фокусов, варвар! Не то твои получат по стреле.

Конан мрачно кивнул и мысленно представил свой меч в груди предателя.

Арестованных приковали к стене в подвале аквилонского посольства. Не оставили в покое ни маленького Конна, ни раненого в руку пришельца. Оружие у них забрали, включая бластер. Дю Можирон с довольной улыбкой прохаживался мимо своих пленников.

– Мы снова встретились, бродяга варвар, – сказал барон. – Вот так удача!

Удача еще понадобится тебе, клянусь Кромом, подумал Конан, но вслух ничего не сказал. Угрюмо молчали и его товарищи по несчастью.

– А это наша прекрасная королева Зенобия, – усмехнулся посол. – Прости, что я не могу предложить тебе королевские покои. Мы привыкли жить скромно.

– Ты предатель! – крикнул маленький Конн.

– А вот и наш волчонок, сын киммерийского волка, – осклабился дю Можирон. – Итак, вся славная семейка в сборе. Ну, а ты что за птица, хотел бы я знать?

Последнее, как нетрудно было догадаться, относилось к пойманному пришельцу. Тот молчал, понунив голову; маску с него сняли еще при аресте. Барон покрутил в руках бластер и направил его на незнакомца. Тот поднял голову и с беспокойством заметил:

– Эй, вы, пожалуйста, поосторожнее с этой штукой.

Дю Можирон не стал нажимать на курок и спрятал бластер в свой камзол.

– Ну, ладно, – сказал он. – Не буду вас пытаться. Ведь мы цивилизованные люди, не правда ли? По крайней мере, большинство из нас, – барон подмигнул Конану. – То-то герцог обрадуется! Пойду, сообщу ему о вашей поимке. Он и решит, что с вами делать.

– Твой герцог собака! – рявкнул Конан в спину дю Можирону.

Когда посол вышел, он вздохнул:

– У нас есть несколько дней. Пока гонец доедет до Тарантии и вернется обратно...

– Нет у нас дней, – перебил его пришелец, – у нас несколько минут, от силы час. Посол свяжется с Вибием по видеофону.

– Чего-чего???

– Посол свяжется с Вибием по видеофону, – повторил пришелец. – С помощью видеофона можно видеть и слышать человека, который находится на другом конце материка. Джейк велел снабдить видеофонами всех послов.

Пришелец оказался прав. Через несколько минут дю Можирон вернулся с небольшим аппаратом, спереди напоминавшем овальное зеркало. В зеркале этом Конан с изумлением обнаружил лицо Вибия Латро. А Вибий Латро в Тарантии с еще большим изумлением обнаружил на экране видеофона физиономию своего давнишнего врага, которого считал погибшим.

– Вот, Ваше Высочество, – чувствуя себя на вершине славы, проговорил посол. – Конан-киммериец собственной персоной, как я имел честь докладывать. Что прикажете с ним делать?

– Конан, в самом деле, – пробормотал наместник в Тарантии. – А это еще кто?

Пришелец кисло улыбнулся герцогу.

– Здравствуйте, Ваше Высочество.

– Роберт... – Вибий казался ошеломленным еще более, чем прежде, когда признал Конана. – Вот так так! Что вы делаете в Ианте, Роберт? Каким ветром вас туда занесло?

Хотя бы теперь знаю, как его зовут, подумал Конан.

– Я прилетел сюда на «Черном коршуне».

– Он был застигнут моими людьми на месте преступления вместе с Конаном, Зенобием и Конном, – доложил дю Можирон.

– Это не то, что вы думаете, Ваше Высочество, – заявил Роберт. – Я вам всё объясню...

– Объяснять будете дознавателю в Железной Башне! – крикнул герцог Тарантийский. – Вы изменщик, как я погляжу! Можирон!

– Слушаю, Ваше Высочество!

– Арестованных заковать в кандалы и отправить в Тарантию! Немедленно! Головой отвечаешь за них, барон!

Вибий отключился, и вскоре выяснилось, что в посольстве нет подходящих цепей, достаточно надежных, чтобы удержать Конана. Поэтому дю Можирон приказал заковать в кандалы Роберта, Зенобию и Конна, а тем временем найти в Ианте цепи, которые подошли бы огромному варвару – хотя бы ради этого пришлось ковать их заново.

– Нам повезло, что ты такой здоровый, – сказал Роберт, когда пленники снова остались одни. – Еще отсрочка. Эх, добраться бы до моего бластера... Что ты делаешь, киммериец?

– Не видишь – перетираю веревки, – спокойно проговорил Конан.

– Давай, дорогой, я знаю, у тебя получится, – с надеждой молвила Зенобия, чьи шея, запястья и щиколотки уже были обвиты змеями стальных цепей.

Пришелец с интересом наблюдал за усилиями Конана. Поймав его взгляд, киммериец усмехнулся.

– Так что, ответишь на мои вопросы, Роберт из Будущего?

– Нет.

– Вот ты упрямый! А всё-таки скажи, на кой тебе понадобилось спасать нас тогда, в Тарантии? И теперь?

Пришелец молчал.

– Ну, раз молчишь, я скажу за тебя. Ты ведешь свою игру, верно? Против Джейка и Вибия. Может, сам думаешь напялить мою корону? Нет, не вяжется. С чего бы тебе тогда выручать другого аквилонского короля? И на кой тебе следить за каждым моим шагом? Я не спрашиваю, как ты следишь. Готов биться об заклад, ты не обучен магии. Штучки из Будущего, верно?

Пришелец молчал.

– Нет, парень себе на уме, ты не так хитер, как думаешь о себе, – продолжил Конан. – И вот ты проиграл...

– Ничуть не проиграл, – тот сумрачно покосился на свои кандалы, – я выберусь, киммериец.

Киммериец усмехнулся. Несмотря ни на что, ему нравился этот странный тип. Нравилось и то, что Роберт играет на его стороне, пусть и по непонятным – пока! – правилам. Такого человека иметь неплохо, если не другом, хотя бы союзником. Хитроумный, быстрый, ловкий – на стороне врага этот пришелец может быть очень опасен.

– Хочешь, я скажу тебе, кто ты, – неожиданно предложил Конан. – Считай, что твоя тайна раскрыта! Как, присоединишься тогда ко мне?

Пришелец молчал, опустив голову, и Конан не мог видеть, что творится с его лицом.

– Ты – шпион, – с наслаждением сказал киммериец, интуицией чувствуя, что попал, если не в яблочко, то в уж в круг точно. – Ты шпион, парень!

Пришелец повернул голову.

– Зачем мне за тобой шпионить, варвар?

– Зачем, зачем... – Конан встряхнул густой черной гривой. – Очевидно, твоему хозяину очень хочется, чтобы я остался в живых.

– Моему хозяину? Да ты спятил, киммериец! – Конан отметил про себя, что, несмотря на несомненную выдержку, Роберту не удалось скрыть все свои чувства.

– Хочешь, я назову тебе твоего хозяина, шпион?

– Не надо, – с шумом выдохнул тот, – я сам. Это Милиус, Скучающий Маг.

Зенобия и Конн разинули рты от изумления, но Конан только расхохотался. Роберт недоуменно посмотрел на него.

– Ты чего смеешься? Милиус послал меня следить за тобой. Чтобы ты в целости и сохранности доехал до него. Он ждет тебя! Милиус поможет тебе справиться и с Джейком, и с Тхутмертари.

Несмотря на то, что голос Рэнквиста звучал уверенно и твердо, Конан продолжал хохотать – при этом не забывая перетирать веревки о выступ каменной кладки. Отсмеявшись, он заметил:

– Ну, ты даешь, Роберт из Будущего. Смекалистый парень, клянусь Кромом! Но ты, боюсь, слегка промазал. По-моему, Милиус не нуждается в твоих сомнительных услугах, чтобы следить за мной. Нет, истинный хозяин у тебя другой. Он велел следить не только за мной, но и за Джейком, и за прочими головорезами. Сказать его имя? Тебя послал карлик Тезиас, по прозвищу Великая Душа.

– Какой бред! – взорвался Роберт. – Я уж и забыл о нем! Карлик мертв давно. Джейк собственноручно пристрелил Тезиаса.

– Ну да, также, как меня, – осклабился киммериец. – Может, теперь скажешь, куда делся карлик?

– Ты достал меня, киммериец! Если б ты знал, до чего опротивела мне твоя рожа!

– А этому я верю.

– Зачем я только с тобой связался, – в сердцах пробормотал таинственный союзник Конана. – Сидел бы себе в Тарантии, горя б не знал. Или дернул бы с кэпом Немедию покорять. А я, как последний олух, бросился вас спасать! Черт меня дернул на доброе дело! И вот – сижу в кандалах, правая рука перебита, оружие отняли, я теперь предатель, и светит мне Железная Башня! А ты мне еще тут сказки рассказываешь про какого-то карлика, которого давным-давно на белом свете нет! Тьфу!

– Теперь, когда ты кончил заливать, мое тебе предложение: давай с нами к Милиусу. Не в Тарантию же тебе возвращаться!

Роберт помотал головой, но ответить не успел. Четверо стражников с трудом втащили громадные кандалы. Конан только присвистнул. В такие его еще не заковывали.

– Вы, что, кутруба ловить собрались?

– Эта походная амуниция для тебя, варвар, – довольно потирая руками, проговорил капитан Левий. – Ты наш кутруб!

– Да в таких цепях он шагу не сможет сделать! – воскликнула Зенобия.

– Сможет, он сильный. А не сможет – алебарда ему поможет, – парировал капитан. – Ну давайте, ребята, одевайте его, да поскорее.

Аквилонцы подтащили кандалы с цепями к Конану. Внезапно обе руки киммерийца взметнулись, точно два меча, и столкнули головы двоих стражников меж собой. Миг спустя кулак могучего киммерийца въехал в физиономию третьего стражника. Четвертым покойником стал сам капитан Левий – его пронзил точно брошенный Конаном кинжал, за миг до того торчавший за поясом первого стражника. Четыре убийства свершились в течение четырех секунд. Узрев всё это, последний стражник бросился наутёк, и еще один кинжал, пущенный вдогонку киммерийцем, вонзился меж его лопаток.

Пришелец восхищенно присвистнул, а маленький Конн гордо заметил, обращаясь к нему:

– Вот какого отца я сын, ты понял, шпион?

Конан освободил от веревок свои ноги и бросился к Зенобии.

– Нужно вернуть мой бластер, – сказал Роберт. – Лазерный луч перережет цепи.

– Нет времени, – буркнул Конан. – Стражники могут появиться здесь в любой момент. Он ухватил пальцами цепи Зенобии и принялся их растягивать.

– Пустое дело, – покачал головой пришелец.

– Не знаешь моего отца – молчи! – заявил Конн.

Уступив силе Конана, лопнула первая цепь; вскоре за ней последовали и остальные. Освободив Зенобию, киммериец подошел к сыну. С кандалами для ребенка он справился еще быстрее.

– Фантастика, – пробормотал пришелец. – Этот человек убивает одним кулаком и рвет сталь одними руками... Наш кэп сморчок против него.

Прекрасная Зенобия жарко поцеловала мужа в губы, а Конн сказал:

– Я вырасту таким же сильным, как ты, отец?

– Конечно, сын, – серьезно кивнул Конан. – Но запомни: одной силы мало. Чтобы быть королем, нужна мудрость.

– Эй, а про меня вы не забыли?

Конан взял у одного из покойников меч и подошел к пришельцу.

– Говоришь, освободить? А с какой стати? Ты всё темнишь, не хочешь раскрывать лицо. Могу я быть уверен, что не обманешь, не предашь? С тебя станется!

Пришелец потемнел лицом.

– Я пять раз спасал твою шкуру, варвар! Неужели ты бросишь меня в этих кандалах?

– Вот как, пять раз, – усмехнулся Конан. – А я насчитал только два. Ну, да ладно. Как, отвезешь меня на вертолете к Милиусу? Такое дело... я бы ни за что, но, видишь, очень тороплюсь.

– Нет, – отрезал Роберт.

– Ну, нет так нет, – киммериец махнул рукой. – Пошли, Зенобия.

– Пстой, а как же я? Освободи же меня, Конан! Я твой друг!

– Ты шпион. И, сдается мне, для тебя самого будет лучше, если люди посла найдут тебя здесь. Такая хитроумная бестия, как ты, думаю, сумеет отбрезхаться перед Вибием Латро. Я верю в тебя, парень. Ну, прощай, – Конан дружески похлопал ничего не понимающего пришельца по плечу и двинулся прочь из подвала.

Ему предстояло еще выбраться из посольства и вернуть оружие и лошадей.

– Дорогой, – сказала вдруг Зенобия, – в кармане у этого человека должна быть накидка-невидимка. Я видела ее в действии.

– О нет, только не это, – простонал англичанин, когда рука неумолимого варвара залезла в его потайной карман. – Коварная женщина! Как ты могла?! Я спас тебе сегодня жизнь!

– Желаю, чтобы тебе попалась такая же жена, которая прежде всего думает о муже, – ухмыльнулся Конан. – Хотя нет, вряд ли. Такого сокровища на целом свете не сыскать!

– Будьте вы прокляты, аборигены, – чуть слышно произнес пришелец. – Придет черед, я доберусь до вас.

Конан с сожалением вздохнул. Не хотелось ему, чтобы этот человек становился его врагом. Но, как говорят в Киммерии, Судьба ловит за хвост волка! Чему быть – того не миновать. Волшебная накидка-невидимка ему нужнее, много нужнее, чем этому пришельцу-шпиону.

– Кстати, – у выхода из подвала Конан снова обернулся к Роберту, – насчет своего бластера не беспокойся. Я его приберу, такая штука в моем походе может пригодиться.

Вскоре до ушей плененного пришельца донеслись звуки падающих где-то невдалеке человеческих тел.

Барон дю Можирон скорее предпочел бы, чтобы это был призрак. К сожалению, меч, упирающийся в его грудь, был настоящим, а барон знал, что призраки не владеют человеческим оружием; во всяком случае, так утверждали жрецы Митры.

– Конан... – в ужасе прошептал Можирон.

– Он самый, – сообщил киммериец. – Чего, не ждал меня, пес?

Дю Можирон отчаянно замотал головой, стараясь отодвинуться от меча.

– Стража!! – не своим голосом завопил посол.

На лице варвара возникла зловещая ухмылка.

– Они не услышат тебя с Серых Равнин.

– Где мои люди?

– Твои люди на пути в царство Нергала. А может, уже прибыли. Так что придется тебе выписывать из Аквилонии новых слуг.

– Так ты не убьешь меня? – с надеждой спросил барон бледными губами.

– Посмотрим, – двусмысленно пообещал Конан, и от этого обещания несчастному послу стало совсем не по себе.

– Ч-что т-тебе н-нужно?

– Бластер.

Дю Можирон беспрекословно подчинился, и бластер пришельца перекочевал из камзола посла в походную куртку Конана. Устрашенному барону даже не пришло в голову, что он сам мог бы воспользоваться могучим оружием Будущего.

- Что еще, государь? – это обращение дю Можирон добавил незаметно для себя.
- Вызови Вибия Латро, – приказал Конан.

Трясущиеся пальцы посла нажали какую-то кнопку на панели устройства, которое Рэнквист назвал видеофоном. Когда на экране появилось лицо тарантийского герцога, киммериец выхватил аппарат из рук дю Можирона и сказал:

- Привет, Вибий. Можешь нас не ждать. У меня другие планы.
- О, Митра, – простонал наместник на другом конце связи. – Опять сбежал!..

– Вот еще что, – добавил Конан. – Там, в подвале, сидит какой-то Роберт. Можешь забирать его себе. Мне твой шпион не нужен! И последнее, Вибий. Чтобы к моему возвращению в Тарантию тебя там уже не было. Иначе, клянусь Кромом и Митрой, я не посмотрю, что ты старик, вздерну на дворцовой площади рядом с прочими изменниками!

Не интересуясь реакцией всесильного герцога на свой ультиматум, Конан выкинул видеофон. Дю Можирон со страхом смотрел на бывшего короля.

– А ты, пес, когда очухаешься, пойдешь и развяжешь своих людей. Они валяются в оружейной. Я убил не всех.

- Ч-то 3-зна-чит: к-ког-да оч-уха-юсь? – леденя от ужаса, спросил посол.
- То и значит: когда очухаешься.

С этими словами Конан въехал барону по вытянувшейся физиономии. Тот свалился без чувств. Взглядом знатока оценив тело, киммериец заметил:

– Три часа. Через три часа очухаешься, пес. Вдвое больше, чем нужно мне, чтобы покинуть этот город.

А через шесть часов после описанных событий «Черный коршун» Боба Рэнквиста опустил в во внутреннем дворике королевского дворца в Тарантии. Надвигался вечер. Около суток во рту хитроумного англичанина не было ни тростинки, и его душевное состояние было под стать физическому. Раненая рука болела; грубая повязка, наложенная посольским лекарем, не решала проблемы, Рэнквист всерьез боялся заражения. Покинув вертолет, Роберт направился в свою комнату, чтобы заняться раной самостоятельно. Но не успел сделать и двух шагов, как дорогу ему преградил Гней Кавлон, новый командир Черных Драконов. Гнея сопровождали четверо его подчиненных.

– Роберт Рэнквист? – холодно осведомился Кавлон, хотя прекрасно знал, к кому обращается.

Англичанин устало кивнул.

– Именем короля Джейка вы арестованы. Прошу вас сдать оружие и пройти со мной в Железную Башню.

Рэнквист вздохнул. Ни возражать, ни сопротивляться аресту, ни даже оправдываться не было сил. Он спросил только:

- В чем меня обвиняют?
- Задайте этот вопрос Его Высочеству, – ответил начальник гвардии. – Герцог намерен лично допросить вас.

– Прошу вас передать ему, что он делает большую ошибку, заключая меня под стражу. Еще скажите, я серьезно ранен.

– Хорошо, я передам ему, – согласился Гней Кавлон. – А теперь следуйте за мной.

Знаменитая Железная Башня, служившая государственной тюрьмой на протяжении не одного десятка поколений, соединялась с дворцом подземной галереей. Рэнквист надеялся, что кто-нибудь из Отряда увидит его и поднимет шум – жизнь под небом Аквилонии не смогла поколебать особого корпоративного братства отважных наемников капитана Митчелла. Увы, никто не встретился им на пути; наверное, подумал англичанин, ловкий намест-

ник заранее позаботился, чтобы другие пришельцы не узнали раньше времени об аресте их товарища.

Камера оказалась чистой и опрятной; в этом жестокой сказке, куда его забросил рок, англичанин ожидал гораздо худшего. Оставшись в одиночестве, он прошел к окну. На карнизе сидел крупный ворон.

– Привет, приятель, – сказал ворону Рэнквист. – Будем соседями. Но не рассчитывай, что я задержусь здесь надолго.

Тот удостоил заключенного ленивым взглядом черных глаз и отвернулся. Широкой лентой внизу извивалась река Хорот, шумела вечерняя Тарантия, ко дворцу подъезжали богато одетые всадники и всадницы и роскошные экипажи – это герцог Вибий устраивал бал в честь покорении Немедии доблестным королем Джейком Громовержцем – и Роберт Рэнквист понял, что жизнь продолжается. Кому Версаль, а кому Тауэр, невольно подумалось ему. Но его Версаль ждет его впереди.

5. Ты сгинешь в неведанной Тьме!

Налитое ультрамарином небо колыхалось над аккуратными глинобитными хижинами Турхана, величаемого Заоблачным. Пылающее Око Митры медленно поднималось из-за высоких холмов, ограждающих тайанскую столицу. Рослые, покрытые темно-бронзовым загаром люди, невзирая на подступающий зной, дежурили на этих холмах, за приземистыми стенами из грубо отесанных известняковых глыб. Мужественные лица их обращались на север, где в песчаном мареве смутно угадывались очертания вражеского лагеря. Волосы тайанских воинов скрепляли льняные повязки с вышитыми на них изображениями солнечного диска и расходящихся от него лучей.

В самом городе, в древнем храме Митры, заново восстановленном после обретения Тайей свободы, в огромном зале тысячи тайанцев внимали тихому, но могучему затаенной душевной силой голосу верховного жреца Парасана. Жрец был стар, очень стар; темная кожа его напоминала высушенный пергамент, лицо съежилось под сеткой морщин, руки едва заметно дрожали. Но ясные, добрые глаза Парасана смотрели прямо, старость не смогла одолеть силы его ума.

– Двадцать пять лет тому назад вы, ваши отцы и ваши братья отстаивали независимость Тайи, – вещал Парасан; бросив короткий взгляд на стоящую рядом с ним правительницу Дарис, он добавил: – И ваши сестры также были вместе с вами. Вы раздавили змею, и Тайя обрела свободу. Мир и счастье пришли на нашу землю; наша Родина процветает с тех пор. Всеблагий Митра вознаградил тайанцев за веру, страдания и труды. Но нынче, – Парасан возвысил голос, – всем вам вновь придется взяться за оружие. Ибо настал день, когда стигийский змей вспомнил о свободной Тайе и возжаждал обвить ее своими кольцами. Мы знали, что рано или поздно этот черный день придет и готовились к нему. Нам есть чем встретить темное воинство змеепоклонников. Пусть вера в Солнечного Митру укрепит ваши сердца, братья и сестры. Я убежден, вы отстоите свободу Тайи, как четверть века тому назад. Идя на бой, вспомните великого вождя Авзара; он покинул Мир, завещав нам беречь свободу Тайи. Вспомните ваших близких, которые столетие за столетием отдавали жизнь этой прекрасной цели. Не посрамите их светлой памяти! Тайе более никогда не быть провинцией стигийской империи!

– Никогда! – взорвался стройным ревом могучий хор.

Парасан окинул взором огромный зал. Внезапно глаза его непроизвольно закрылись, и умело скрытая в глубинах сознания боль едва не выплеснулась наружу. Верховный жрец попытался овладеть собой, и это удалось ему; минутной слабости не заметил никто, даже Дарис.

– Ступайте же, сыны и дочери Тайи, и да пребудет с вами Митра! – возгласил Парасан.

– Митра и Тайя! – отозвались те и с этим девизом отправились на защиту своей страны.

– А ты задержись, Конан, я должен кое-что сказать тебе, – добавил Парасан, обращаясь к высокому, сильному юноше, стоявшему справа от него, подле своей матери.

Дочь Авзара сдержала слово, данное ею четверть века тому назад бесстрашному воину с Севера, волею Митры возглавившему их восстание. Тогда, после их общей победы над армией короля Ментуфера, дочь Авзара пообещала назвать своего первенца именем Конан. И вот двадцатилетний Конан-тайанец, удивительно напоминавший правительнице того самого, знаменитого Конана-киммерийца, ее сын, закономерно стал военным вождем своей страны. Как тогда Конану-киммерийцу, теперь Конану-тайанцу предстояло возглавить битву за свободу Тайи. И, с гордостью глядя на своего сына, Дарис не сомневалась в его победе.

– Я слушаю тебя, почтенный Парасан, – сказал молодой Конан.

Верховный жрец кивком головы указал Конану и Дарис следовать за ним. Они прошли несколько пустынных залов и попали в небольшую комнату, посреди которой на скромном алтаре Митры лежала Секира. Парасан подошел к алтарю и поднял Секиру. В сгустившейся тишине он услышал взволнованное дыхание юного вождя.

– Это Секира Варуны, сынок, – негромко молвил жрец, хотя прекрасно знал, что сказанное им не станет новостью для правительницы и ее сына. – Небесная Секира... Когда-то Варуна, основатель нашей страны, принял ее из рук самого Солнечного Митры. Злая магия стигийских чародеев не смогла повредить вождям с Секирой в руках. Но даже Секира бессильна против предательства... – старый прелат замолчал, вспоминая уроки минувшего.

– Наша история известна мне, о почтенный, – взволнованно произнес молодой Конан. – Ты хочешь, чтобы Секиру взял я?

Парасан покачал головой. Этот вождь слишком юн, горяч и неопытен, чтобы проникнуться истинной сутью момента. Впрочем, подумал жрец, таким же был и тот, первый, Конан двадцать пять лет тому назад, Конан-победитель. Сумеет ли юный Конан повторить его подвиг? Парасан знал ответ на этот вопрос.

– Да, сын мой, – сказал он. – Возьми ее, Секиру Варуны, и пусть она оживет в твоей руке, как ожила в руке другого Конана. Рази ею стигийцев, и верь в нашу победу. Тогда не будут страшны тебе ни люди, ни демоны, ни гули, ни чары нечестивые... Иди, сын мой, и помни, ты – наш вождь!

Молодой Конан принял огромную Секиру из старческих рук Парасана. Непривычное тепло разлилось по его телу. Конан понял, что обрел не только надежное и могучее оружие – он обрел преданного друга. Секира рвалась в бой, как рвался в бой сам юный Конан. Оба мечтали окропить блестящую голубовато-серебристую сталь кровью врага. А еще они мечтали каждый о своем: Секира – о возвышенном, о вечной своей миссии нести Свет Митры в этот жестокий мир, а человек, принявший ее, – о вечной славе победителя стигийцев, о земной славе, которая далеко превзойдет славу того, легендарного Конана, в чьей тени ему приходилось жить с самого его рождения...

– Митра и Тайя, – поклялся юный вождь и, поклонившись старому жрецу и своей матери, вышел из чертога.

Дарис собиралась последовать за ним – приготовления к решающей битве со стигийцами требовали личного присутствия правительницы – как вдруг выражение лица Парасана остановило ее. В глазах старика стояли слезы. Правительница обняла его и тепло, равно любящая дочь, промолвила:

– Ну же, Парасан, укрепи дух свой! Негоже тебе лить слезы перед битвой! Мы победим, ты сказал верно...

Старый жрец отшатнулся от нее, и она ужаснулась внезапной перемене, произошедшей с ним. Страдальческий голос, голос несчастного человека, раздавленного злой участью, прозвучал подле алтаря Солнечного Бога:

– Я обманул! Я обманул их, понимаешь?! Впервые в жизни я обманул доверившихся мне!

Дарис побледнела, ибо не ждала услышать такие слова.

– Что ты говоришь, почтенный?! Кого ты обманул? И в чем?

Слезы текли по каналам морщин, когда Парасан говорил:

– Я обманул всех, обманул сознательно, ибо правда явилась бы непосильным испытанием для их душ. Я обманул тайанцев. Я обманул твоего сына, Дарис. Я солгал... Но тебя я не хочу обманывать. Ты росла на моих глазах, ты дочь Авзара, ты признанная государыня нашей земли. Ты должна знать правду и принять свою участь осознанно, как принял свой жребий я.

Настроение Парасана передавалось Дарис, она с тревогой спросила:

– О чем ты? Я не понимаю...

Бросив печальный взгляд на алтарь Солнечного Бога, верховный жрец укрепил свой дух и проговорил:

– Мы обречены. Нас ждет не победа, а гибель. Я знаю это наверняка, ибо ни кто иной как Митра послал мне сие ужасное видение.

– Мы потерпим поражение?! – с трепетом воскликнула правительница. – Митра поведал это тебе? Так ты хочешь сказать, что мы будем разбиты и Тайя снова станет провинцией Стигии?!

Парасан с грустью посмотрел на нее. Дарис была зрелой женщиной, но годы сохранили ей красоту. Волосы цвета вороного крыла ниспадали на плечи, а на волевом лице с резкими чертами не было ни единой морщинки. Фигура правительницы Тайи еще не потеряла девичьей привлекательности.

– Нет, дочка, – тихо молвил Парасан. – Я сказал именно то, что сказал. Всё гораздо хуже. Мы не будем разбиты. Мы будем уничтожены, все тайяны до последнего человека. И Тайя не станет более стигийской провинцией. Наша страна просто исчезнет с лица земли...

Дарис взмахнула головой, стараясь избавиться от злого наваждения. Слова Парасана казались ей безумными, и она подумала, сохранил ли рассудок старый жрец или всё же годы взяли свое, не позволив ему закончить жизнь в уме ясном и чистом...

– Это так, дочка, – повторил Парасан. – Я в здравом уме и надеюсь сохранить его до последнего вдоха, хотя и непросто будет это...

– Я не верю тебе, жрец, – глухо сказала правительница. – Твои видения не более чем колдовской морок. Я не верю, что Митра причастен к ним. Может быть, демоны Стигии задумали заморочить тебе голову, чтобы лишить нас веры.

– Я жрец Митры и сумел бы отличить мистерии Митры от видений, посылаемых силами Тьмы, – сурово молвил старик. – Нет, Дарис, нам никуда не уйти от правды. И ты должна знать ее, эту горькую правду, ибо только так сумеешь достойно встретить свой конец.

– Но почему?! – в отчаянии возгласила Дарис. – Почему обязательно должно случиться худшее?! У нас сильная армия. Наши люди сражаются за свою свободу. В руках моего сына Секира Варуны, вечный талисман Тайи. Наше дело правое, и сегодня мы сильны так, как не были сильны никогда за века нашей истории – так почему мы должны проиграть?! Неужели из-за того, что нам противостоит не человеческая армия, а полчище змеелюдей? Так наши тайяны не боятся их, этих чешуйчатых демонов! Они сильны и выносливы, это правда, но их можно убить человеческим оружием. Змеелюди сражаются пешими; им не устоять против нашей кавалерии. У них нет луков, а у нас есть, и каждая стрела, пущенная тайянцем, берет жизнь врага. Мы раздавим голову гадине, ты еще увидишь это, Парасан! – убежденно заявила правительница. – И если ты не возьмешь себя в руки, я вынуждена буду заключить тебя под стражу. Я не могу допустить, чтобы ты смущал сердца наших воинов своими безумными пророчествами!

Старый прелат сокрушенно покачал головой. Он взял Дарис за руку и подвел к самому алтарю.

– Что ты чувствуешь, дочка?

– Ничего, – пожала плечами Дарис. – А что я должна чувствовать?

Парасан ничего не ответил ей. Он ждал. Они молчали. Спустя некоторое время Дарис проговорила, и голос ее звучал несколько иначе, чем прежде:

– Давай выйдем отсюда, Парасан. Мне трудно дышать...

Старик скорбно наклонил голову.

– Ты чувствуешь то же, что и я, дочка. Хотя ты не чародейка и не жрица, и мистерии божеств чужды тебе.

– Что это было? – с трепетом спросила женщина, отойдя от алтаря.

– Дыхание Смерти. Смерть окружает нас, и нет от нее спасения... – затворив очи, молвил Парасан. – Я ощущаю, как крепнет и разрастается сила Зла, спешащего раздавить Тайю. Ты права, мы сильны, как никогда прежде, но и Зло еще никогда прежде не было столь могуче.

– Тхутмертари... – прошептала Дарис.

– Да. Ее чудовищная воля движет событиями. Демон не успокоится, пока не уничтожит Тайю. Это не только ее личная месть за отца, но и месть Сета Митре.

– А что же Митра? Неужели он даст нам погибнуть?!

– Митра, Податель Жизни, велик и могуч, – вздохнул Парасан. – Однако за величие и могущество богам приходится расплачиваться свободой. Они более ограничены в своих поступках, чем мы, люди. Я уверен, если бы Митра мог нам помочь, он бы сделал это. Но он не может. Мы должны принять свою участь такой, какова она есть.

Правительница Тайи почти что с ненавистью посмотрела на алтарь Солнцеликого.

– Зачем же нужен нам такой бог, который не может защитить своих детей от черного колдовства?!

– В тебе говорит обида, – задумчиво молвил жрец. – Но грех обижаться на светлого бога. Митра дал понять мне: ваша жертва не станет напрасной. Вы погибнете, и погибнет ваша страна, но на Весах Судьбы ваши души займут достойное место. Вослед вам, поведал он мне, явятся другие, и совладают со Злом...

– Ах, если бы Конан был с нами... – прошептала Дарис, и Парасан без лишних слов понял, какого Конана она имеет в виду.

– Конан еще придет, я верю, дочка, и одержит победу. Ему на роду написано побеждать.

– А что делать нам, отец? Властны ли мы что-то изменить в своей судьбе?

– Тайанцы будут сражаться и умрут, как подобает героям, – сказал Парасан. – Только так мы сможем приблизить торжество Митры и оправдать жертву, которую Солнцеликий обречен принести на Алтарь Судьбе. А от нас с тобой потребуется особое мужество, дочь моя, ибо смерти нашей назначено быть особенно ужасной... Впрочем, у тебя всегда найдется иной выход.

Глазами он указал на кинжал, висящий на поясе правительницы. Дарис поймала его взгляд и отстранилась.

– Нет, Парасан, – твердо молвила она. – Я останусь с моим народом. Я буду сражаться до конца, до победы, как сражалась бы, не скажи ты мне всего этого. Но я благодарна тебе. Пусть двое несут тяжкую ношу; это всё лучше, чем один... Можешь быть уверен, отец, Митре за меня не будет стыдно!

– Я знал, что ты это скажешь, дочь Тайи и Авзара, – тепло заметил Парасан и обнял Дарис.

Горячие слезы снова брызнули из старческих глаз. Очи Дарис были сухи, ибо она была правительницей гордой Тайи и не имела права на слабость.

– Проклятые тайанцы дерутся, точно свора демонов! А мои подданные мрут один за другим, сотня за сотней, тысяча за тысячей!

Тхутмертари с усмешкой взирала на беснующегося подле нее царя змеядов. Она восседала на огромном и черном, как сама Ночь, жеребце; очи коня пылали алым, и напоминал он более не верное животное, а зловещего слугу из Преисподних Миров. Роскошные золотые волосы девушки были схвачены на затылке блестящей серебряной лентой. Из одежды на ней были только нагрудные чашечки, сделанные в форме ухмыляющихся человеческих черепов, узкий пояс, оставляющий открытыми бедра, и легкие сандалии с вытянутыми носками, напоминающими морды змей. Голову ее венчала стигийская корона со вздыбившейся золо-

той змеей и бесчисленными рубинами, пылающими в лучах заходящего солнца, как капли крови. От золотой фигуры королевы исходил яркий свет, ее было видно издалека.

Видели ее и тайанцы, всё еще удерживавшие холмы вокруг своей столицы. Стрелы то и дело падали вокруг Тхутмертари, а иные чуть не задевали ее. С откровенным презрением повелительница змеепоклонников игнорировала их. Вот еще одна стрела понеслась с вершины холма, целя прямо в горло девушке. Но взметнулась золотая рука и поймала летящую стрелу. Ледяная усмешка ни на мгновение не исчезла с неотразимых рубиновых губ. Танатос, проследивший полет стрелы и втайне надеявшийся, что она, стрела, достигнет своей цели, на пару мгновений запнулся. Но, увидев, как верховная жрица одной рукой переломила тайанскую стрелу, поспешил забыть о своих тайных помыслах и вновь переключился на проклятых солнцепоклонников.

– Так что ж ты хочешь от меня, Танатос? – проговорила королева, когда проклятия змеядского царя стали утомлять ее. – Ведь это твои подданные терпят поражение от солнцепоклонников.

Акках задохнулся от бешенства. Ростом и силой он превосходил любого из людей. Пеший он доставал головой до головы Тхутмертари, которая сидела на коне. На поясе у царя змеядов висел длинный волнистый меч, настолько огромный, что его, наверное, не смогли бы поднять двое здоровых мужчин, не то что сражаться им.

– Примени свою магию, Святейшая, – с трудом сдерживая гнев, проговорил Танатос. – Ты можешь разметать их! Докажи, что сила Отца Сета могущественнее силы проклятого Митры!

Королева поймала левой рукой очередную стрелу и показала ее аккаху.

– Разве тайанцы дерутся с нами магией? – с издевкой спросила она. – Ты должен гордиться, что я столкнула тебя с сильным врагом. И не Сет, а дети его должны доказывать нынче свою силу.

– Почему тогда здесь нет твоих людей, которых ты называешь приемными детьми Вечного Отца?! Ты оберегаешь их! А мои змеяды для тебя – мишени для тайанских стрел!

Тхутмертари презрительно повела точеными плечами.

– Всё очень просто, Танатос. Стигийцы уже воевали против Тайи – и проиграли. Я не настолько великодушна, чтобы давать им еще один шанс. Достаточно. Теперь всё проще. Сет против Митры, Тьма против Света, змеи против людей. И если твои змеяды не победят сейчас, они недостойны носить имя детей Сета.

Огромный акках содрогнулся, вспомнив, чем королева награждает «недостойных». Смерть от стрелы была много лучше этого.

– Мы победим, клянусь чешуей Сета! Дозволь мне самому возглавить новую атаку.

Золотая девушка на черном скакуне кивнула. Она с иронией наблюдала, как змеядский царь собирает свои войска на решающий штурм холмов Турхана. Тайанские стрелы свистели, собирая свою кровавую жатву. Ей было нисколько не жаль этих тупых животных, все достоинства которых заключались в животной силе и животной же злобе. У них не было ума, способного мыслить и нести знания. Потому и победил когда-то человек змей, что был умнее их. Но человек слишком слаб и слишком мягкосердечен. Человек – творение Митры, как змеяд – творение Сета. А вот если объединить их, природный ум человека соединится с природной силой и природной злобой змеяда – и родится воистину замечательная смесь! Новая раса могучих змеелюдей, ее, Тхутмертари, творение. Скоро, очень скоро первые осемененные змеядами женщины человеческого племени обрываются зародышами новой расы. И скоро первые змеяды, осемененные мужчинами-людьми, снесут яйца, и первенцы новой расы тоже вылупятся из них. Да, это будет вскоре – а пока великая владычица обоих народов с усмешкой наблюдала за атакой змеинового племени на тайанские холмы.

Юный вождь дрался с громадным и отвратительным чудовищем, которого другие чудовища называли своим аккахом. Впрочем, все грязно-серые чудовища были громадны и отвратительны. К тому времени его Секира отняла жизнь у многих из них. Молодой Конан потерял счет убитым врагам; они слились в его сознании в одну злобную чешуйчатую морду с оскаленной пастью, где метался черный раздвоенный язык. Его товарищам также сопутствовала удача: на одного убитого человека приходились три мертвых змеяда. Но чудовища напирали, не считаясь с потерями.

Сражение началось в полдень, инициаторами его выступили люди. Уже первый залп с холмов лишил жизни десяток хвостатых чудовищ. У змеядов не было луков, и они вынуждены были пойти на штурм. Близо их тогда не подпустили, но теперь, когда сгустилась ночь, на многих холмах вовсю шел ближний бой. Волнистые, как змеи, клинки чудовищ схлестывались с прямыми мечами, пиками и кинжалами тайанцев. Дрались теперь все силы змеядов, и юный Конан с радостью отмечал, что у врагов рода человеческого нет больше резервов. Военный вождь тайанцев чувствовал себя на пороге победы. Скоро, совсем скоро Тайя победит, как и пророчествовал мудрый Парасан.

Лишь одно по-настоящему бесило его – стройная золотая фигурка на черном, как Тьма, скакуне. Молодой Конан явственно ощущал злую силу и уверенность, исходящую ею. Как-то в разгаре боя глаза его встретились с пронзительными синими очами этого существа. В них юный вождь увидел непонятное ему могущество, тем особенно пугающее, узрел какие-то неясные мысли, почувствовал такую энергию, которая легко могла сжечь без остатка его неокрепший разум. Это были не глаза женщины, а две жадные, голодные бездны. Для них юный Конан значил не больше, чем крохотный кролик для могучей змеи. Отважный вождь внезапно ощутил себя таким кроликом – и чуть не пропустил удар волнистого клинка. Неимоверным усилием воли он оторвал взгляд от этих бездн. Последнее, что довелось увидеть ему – насмешку страшных синих глаз. Они как будто не отпустили его – они с ним попросту играли...

Злость на себя придала новые силы молодому Конану. Секира жила в его руке. Здоровенное чудовище вынуждено было пятиться назад. Громадный волнистый меч с жалобным воем отскакивал от сияющей в свете Луны Секиры, высекая звездопад горячих искр. Акках змеядов защищался изо всех сил. Это проклятое чудовище, пришедшее на нашу землю, тоже не хочет умирать, подумалось юному вождю. Но тебе придется умереть, тварь, ибо так хочу я, твой убийца!

Секира Варуны взметнулась и перерубила лапу, сжимающую волнистый клинок. Царь змеядов упал и покатился вниз по склону холма. Конан-тайанец проводил неистовым взглядом ускользнувшего от него врага. Он огляделся, и ему стало не по себе. Пока он сражался с царем, другие змеяды прорвали фронт его воинов. Холм, на котором он стоял, остался единственным, где люди еще сдерживали атаку чудовищ. Основные бои шли на подступах к городу. Ведь у остальных тайанцев не было волшебной Секиры. Они сражались не как легендарные воители, а как обычные герои. Молодому Конану вдруг стало очень стыдно за свое преимущество. Бросить Секиру стало бы безумием, и тогда он избрал другой путь, единственно верный и достойный вождя. Носящий Секиру обязан сделать нечто действительно великое. Взор юноши вновь обратился к одинокой золотой фигурке, там, внизу, восседающей на черном скакуне.

Тхутмертари увидела, как от группы сражающихся отделился высокий силуэт. Юноша с Секирой вскочил на коня и помчался вниз по склону. К ней.

Ей нравился этот юноша. Он напоминал другого – того, кто был уже в летах, но с годами не утратил качеств, сделавших его великим воином и королем. Возможно, этот мальчик тоже когда-то стал бы королем, распорядись Судьба по-другому. Тхутмертари при-

шло по вкусу, как сражается юный вождь. Она испытывала удовольствие, наблюдая его бой с Танатосом и позорное поражение последнего. Ее самолюбию льстило то, что против нее бьются действительно сильные, гордые и мужественные люди. Она видела, что эти люди в самом деле способны были взять верх над армией ее отца. Но не над ней! И это также было ей приятно.

Королева и верховная жрица Стигии встретила юного Конана безоружной, с улыбкой на неотразимых рубиновых устах.

Он несся к ней, и Секира Варуны сверкала в его воздетой руке. Золотая фигурка приближалась. Она не делала никаких попыток бежать, напасть или защититься. Это удивляло юного Конана. Он чуял подвох. Он понимал, что Тхутмертари не сложит голову без боя. Он готовился к тяжелой и утомительной схватке. Он знал, что королева змеепоклонников – могучая волшебница, и опасался чар, которые она способна была применить против него. Опасался – но не страшился, поскольку из древней легенды и со слов мудрого Парасана знал, что Секира отражает злую магию стигийских чародеев. Он готовился к бою на равных: его мужество, умения и оружие – против всего, что сумеет противопоставить им Тхутмертари.

Но она, как будто, не собиралась драться с ним. И колдовских чар заметно не было. Королева не изменила своей позы ни тогда, когда он подъехал к ней на сто шагов, ни тогда, когда он подъехал на двадцать. Это было странно. Когда он подъехал к ней на десять шагов, она негромко спросила:

– Ты собрался убить меня, мальчик?

Молодой Конан осадил коня. По инерции скакун проехал еще пять шагов, и тайнец оказался почти лицом к лицу со своею врагиней. Он не опустил руку с Секирой; волшебная Секира жгла, понуждая его к атаке. Но он не мог. Мысли металась в его голове, он, потрясенно моргая глазами, смотрел на Тхутмертари. Он видел много красивых женщин, но никогда не встречал создания столь же прекрасного. Как он не замечал ее красоты прежде – оттуда, с холма?! Наверное, неистовство схватки притупило его мужские чувства, и вот теперь они вспыхнули вновь. Юный вождь понял, что произошла какая-то ошибка: эта прекрасная молодая девушка, это невиданное божественное создание просто не может быть наместницей ужасного змея Сета! Наверное, она сама стала жертвой гнусного колдовства. От этих стигийских чернокнижников всякого можно было ожидать. Разве что могло быть общего между нею и теми ужасными чудовищами, атакующими Турхан?! Я спасу ее от них и от их злобного Сета, решил молодой Конан, и с этой мыслью опустил Секиру.

Тхутмертари протянула к нему свои золотые руки; в них не было оружия. Душа юного вождя наполнилась восторгом. Не помня себя от радости, он подтолкнул коня и поравнялся с девушкой. Он желал, чтобы руки ее коснулись его тела. Так оно и случилось. Он увидел, как из правого указательного пальца Тхутмертари вытянулся длинный и тонкий кинжал. В следующее мгновение волшебный кинжал вонзился в сердце молодого Конана. Секира Варуны жалобно запела в его руке – но было поздно. Жизнь оставила тело. Две сапфировые бездны притянули его угасающий взор и поглотили без остатка.

Королева насмешливо поглядела на своего визави и саркастически заметила:

– Ты был дурак, юный вождь. Надеюсь, твоя мать окажется умней тебя. Иначе покорение мира грозит превратиться в донельзя скучное занятие.

Волшебный кинжал втянулся обратно в палец. Она обнажила два волнистых меча, закрепленные вдоль корпуса ее скакуна, и адский конь снялся с места. Золотая фигурка с двумя змеящимися клинками понеслась вверх по склону. Пришел мой черед вступить в игру, подумала Тхутмертари.

Следом за скакуном королевы несся конь мертвого вождя, и пронзенное тело по-прежнему возвышалось на нем, а рука мертвеца крепко сжимала Секиру Варуны.

Бой шел за каждый дом. Остервенение животной схватки всё более овладевало сражающимися. Никто не помышлял ни о сдаче, ни даже об отступлении. Никто не просил пощады. И люди, и змеяды умирали там, где сражались. В городе преимущество было на стороне змеядов. Тайанцы не понимали, как громадным, кажущимся неповоротливым чудовищам удастся проскальзывать в щели, выходя в тыл к защитникам Турхана. На самом деле бывшие обитатели сумрачной подземной страны привыкли к замкнутым пространствам и узким проходам, и лунной ночью среди глинобитных хижин города чувствовали себя почти как дома.

Змеяды овладели холмами вокруг города и наступали со всех сторон. Кольцо неумолимо сжималось. В центре Турхана возвышался храм Солнечного Бога. Ярko пылали факелы, разгоняя тьму последней для тайанцев ночи. Правительница Дарис, в окружении своих соратников стоявшая на ступеньках храма, могла видеть полную картину битвы. Горькое пророчество Парасана сбывалось на ее глазах. Тайанские стрелки, положившие тысячи вражеских жизней, сами были почти полностью уничтожены. А те, кто еще оставался в живых, посылали стрелу за стрелой, но в условиях города их отчаянные усилия редко достигали результатов. Громадные волнистые мечи змеядов были сильнее прямых клинков тайанцев. Кавалерия, на которую так рассчитывала Дарис, также оказалась бессильной: могучие чудовища кулаками расшибали головы коням либо перерубали им ноги своими ужасными мечами. Да и могла ли конница сражаться в полную силу в городе? Соотношение павших неуклонно менялось не в пользу людей: теперь на каждого мертвого змеяда приходились пятеро, а то и все десятеро убитых тайанцев.

Ожесточение битвы нарастало. На городом разносились крики людей и рев чудовищ. Запах крови стоял в ночном воздухе. Тайанцы умирали с именем Митры на устах и с верой в свободу своей Родины. Матери, прежде чем вступить в последнюю схватку с врагом, убивали своих детей. Тайанцы знали, какая жестокая участь ждет оставшихся в живых. Даже слабодушные в эти страшные часы обретали мужество. Жизнь не была дорога тайанцам. Их противниками были древние враги рода человеческого, и тайанцы сражались не только за свою свободу, за честь и посмертие своей души, но и за честь всего человечества. Конечно, крестьяне, ремесленники и скотоводы, взявшие в руки оружие, не осознавали всего этого, но тем не менее это было так. И они дрались до последнего, убивали сами и умирали.

На стороне тайанцев пока еще ощущалось численное превосходство, так как много змеядов погибло в первые часы штурма. Дарис предприняла последнюю попытку переломить ход битвы. Для этого она направила десять своих соратников в город, туда, где было особенно жарко. Им предстояло собрать разрозненные группки тайанцев в боевые отряды, которые были способны бы восстановить линию защиты. Дарис надеялась продержаться до рассвета, и тогда с первыми лучами Митры к защитникам Турхана явились бы новые надежды.

Внезапно на вершине дальнего холма возникла окутанная золотым сиянием фигурка. Она на мгновение остановилась, оценивая обстановку. Затем всадница пришпорила своего алоокого скакуна, и тот ринулся в самую гущу битвы.

Сердце Дарис упало. Она увидела, как золотая всадница на скаку рубит тайанцев двумя огромными волнистыми мечами. Движения Тхутмертари были настолько быстры, что она напоминала движущийся метеор, руки ее походили на бросающихся в атаку змей, а мечи напоминали две разящие молнии. В отчаянии правительница Тайи схватила большой лук, подарок ее отца, Авзара. С мольбой, обращенной к Митре, она пустила стрелу. И тут же поняла тщетность всех своих попыток: человеку не дано было попасть в стремительный золотой метеор. Тем не менее она снова заряжала лук, снова стреляла и стреляла в Тхутмертари. Ее охватил охотничий азарт. Еще одна стрела, и цель будет взята! А со смертью Тхут-

мертари ее Родина будет спасена, и сознание этого придало Дарис поистине нечеловеческие силы. Вот она затворила глаза и пустила очередную стрелу. Пусть мысль и страсть ведут снаряд возмездия. Когда она открыла глаза, радость посетила ее сердце. Увы, поразить всадницу не удалось ей, но заветная стрела торчала в горле адского скакуна. Черный конь хрипел, заваливаясь набок. Пьянея от радости, Дарис послала новую стрелу, и всем естеством своим поверила, что на этот раз Змеиной Королеве не уйти от верной смерти.

Равно дикая кошка, увернулась Тхутмертари от очередной стрелы. Два громадных меча по-прежнему сверкали в ее руках, а две сапфировые бездны пылали холодной яростью. Она оказалась в своей стихии. Здесь, среди ужаса, крови и разбушевавшейся смерти, никто не мог противостоять ей. Боль, горе, физические и душевные страдания наполняли ее новой силой, она питалась ими, как животные питаются пищей материальной. Новая энергия заставляла яснее работать разум; все движения становились тщательно выверенными, точными и верными, но оттого не менее стремительными. Тхутмертари превращалась в неостановимую машину убийств, и в этом качестве она была всесильна.

Тайанская правительница не уставала атаковать ее стрелами. Послав Дарис очередную глумливую усмешку, Тхутмертари походя расправилась с двумя тайанцами, выбежавшими из дома ей навстречу. Появление стигийской королевы змеяды встретили восторженным ревом. Им, впрочем, не требовался предводитель, каждый из них знал, что нужно делать. Тхутмертари была благодарна Судьбе за эту возможность снова почувствовать себя не владычицей жизнью и душ, а одинокой воительницей. Молниями сверкали ее мечи, и падали на свою землю убитые тайанцы.

Вот живых не осталось вокруг. Королева огляделась. Змеяды остались позади. От храма Митры ее отделяли не более полусотни шагов. Она подумала, что, наверное, следует заканчивать представление. Чужая энергия переполняла ее, и королева была сыта битвой. Теперь честная схватка обязана была уступить место резне.

Тхутмертари взобралась на крышу близлежащего дома и сделала стремительный пасс обеими руками. Прозвучало древнее заклинание. В ответ раздался тоскливый утробный стон. Был он так ужасающ в своей внезапности, что схватка приостановилась. А затем жуткий вопль вырвался из тысячи глоток. По губам Тхутмертари прошла зловещая ухмылка.

Убитые снова взяли в руки оружие. Они поднимались с окровавленной земли и наступали на людей. Именно на людей, ибо против змеядов мертвецы как будто ничего не имели. И даже отважные тайанцы утрачивали мужество, когда навстречу им выступали их отцы, дети, братья и сестры с единственным желанием в остекленевших глазах: убить, убить, убить!..

Дарис стоило невероятных трудов сохранять мужество. Оживленные некромантией мертвецы окончательно переломили ход битвы. Да и не битва то была вовсе, а бойня. Дарис пошатнулась, когда увидела сына. Скакун нес его, мертвого, и юный Конан не уставал рубить своих соплеменников сверкающей Секирой Варуны. Большого святотатства невозможно было представить. Божественное оружие стонало, как живое, точно сопротивлялось вершащемуся кощунству, но хватка мертвеца была поистине мертвой, и Секира была лишь оружием в его руках – вернее, в руках той, ради удовольствия которой свершалось всё это злодейство.

Дарис пустила стрелу в сына. Запоздало поняла она, что мертвого нельзя убить во второй раз. Но его можно сжечь. Правительница Тайи окропила стрелу в пламени факела и отправила ее. Одежда мертвого Конана загорелась, однако и в таком виде он продолжал убивать людей. Безысходное отчаяние овладело мужественной женщиной. Она обнажила меч и бросилась навстречу смерти. Внезапно возникшие откуда-то сильные руки повалили

ее на землю. Округлившимися от ужаса глазами Дарис увидела над собой Тхутмертари. Золотая сандалия, увенчанная оскалившейся мордой змеи, придавила ей грудь.

– Не так быстро, милочка, – услышала она глумливый голос. – Негоже правительнице умирать равно простой смертной. Я приготовила для тебя нечто более достойное.

Дарис вспомнила слова Парасана об «особенно ужасной смерти», уготованной ей, и тут силы наконец оставили ее. Она провалилась в какую-то бездну, заранее зная, что бездна эта уже никогда не станет спасительным убежищем для ее души.

Немного времени прошло, прежде чем всё было кончено. Тайанцы не дождались нового дня и пали, так и не увидев первого луча Солнечного Митры. Рассвет осветил жуткое пиршество: победители поедали трупы побежденных. Никто из защитников Турхана не остался в живых, даже дети. Хмурясь, раненый Танатос подошел к верховной жрице и сказал:

– Тебе известно, о Святейшая, что перед битвой и после нее полагается возносить дары Вечному Повелителю. Ты отказалась сделать это, когда мы шли сюда. Но теперь некого приносить в жертву!

Тхутмертари одарила его гневным взглядом. И, поскольку даже обычный взгляд ее заставлял смертного трепетать, можно себе представить, что испытал Танатос. Он упал на колени:

– Прости меня, неразумного!

Она презрительно пнула ногой коленопреклоненного аккаха и прошипела:

– Это моя война, Танатос. Только моя! Не суйся в нее, если твоя душа дорога тебе. Не одному Сету нужны жертвы. Я тоже нуждаюсь в них.

Как ни страшна была Тхутмертари в этот момент, столь очевидная *ересь* не позволила промолчать царю змеиного народа.

– Ты, что же, уже мнишь себя божеством, Святейшая?!

Он понимал: ответный удар станет последним, что он увидит в жизни. Однако Тхутмертари ничего не ответила ему. Она как-то странно посмотрела на аккаха, подняла волнистый меч. Танатос зажмурил глаза и вознес прощальную хвалу Отцу Сету. Когда он осмелился вновь открыть их, королевы рядом не было. Акках вздохнул, и ему самому неясно было, чего больше в этом вздохе – облегчения или сожаления.

Стройная золотая фигурка одиноко ступала по древнему мрамору святилища. Благородная величественность митраитских построек никогда не впечатляла ее. В храмах, посвященных Митре, не возникало того неповторимого ощущения возвышенного, враждебного всему живому могущества, которое царило в святилищах Сета или еще более древних богов Зла. А без этого ощущения, полагала Тхутмертари, божество не может полноценно вознестись над скопищами ничтожных людишек. В этом смысле она считала Митру ущербным божеством. Поэтому низвергнуть такого бога с его земного пьедестала – ее обязанность; так восстановит она вселенскую справедливость...

Вот вошла она в небольшую залу. Посредине у скромного алтаря на коленях стоял темнокожий старик. На Тхутмертари он не обратил никакого внимания. Он молился.

Золотая девушка оперлась на меч и скептическим взглядом оценила эту картину.

– Ну, что, Парасан, твой бог проиграл нынче, – негромко сказала она.

Старый жрец прервал свою молитву и поднял на королеву глаза. В них не было ни боли, ни злости, ни ненависти, ни страха, ни отчаяния. Он совсем не боится меня, поняла Тхутмертари. Он воспринимает меня как данность. Добрые глаза блаженного выдержали ее пронизывающий взгляд. Рука старца потянулась к Тхутмертари.

– Ты есть Зло, – молвил он. – Но чем больше Тьмы, тем Свет сильнее! Так устроен Мир. Великое Равновесие...

– И он еще берется судить о Великом Равновесии, – осклабилась стигийка. – Где оно, твое Равновесие? И в чем оно? Не тщи себя напрасными надеждами, Парасан. Время Митры заканчивается. Наступает мое время!

С этими словами она взмахнула мечом и со всей своей нечеловеческой силой вонзила его в алтарь. Древний камень треснул, алтарь Солнечного Бога развалился на шесть неравных частей. Но и меч королевы сломался. Сила отдачи была такова, что Тхутмертари неожиданно потеряла равновесие и неловко упала на пол. Старый Парасан улыбнулся.

– Вот оно, стигийка, Великое Равновесие. Даже камень, освященный Митрой, сильнее тебя. А душа человеческая сильнее камня. Тебе не одолеть ее. Дело твое обречено.

Тхутмертари почувствовала, как бешенство неудержимо закипает в ней. Странно, она считала, что это людское чувство безвозвратно покинуло ее черную душу. Борясь с ним, она поднялась на ноги. Нельзя позволить этому *последнему тайанцу* вывести ее, победительницу Тайи, из себя.

– Я жива, а камень Митры мертв, – заметила она. – То же станет и с душами людей, и с самим Митрой. Правда, ты этого уже не увидишь, старый сморчок.

Блаженный с достоинством покачал головой и снова улыбнулся странной улыбкой победителя.

– Сколько ни бросайся на Свет, он никогда не погаснет, – молвил Парасан.

Неудержимое бешенство затопило закоулки ее души. Слова Парасана, точно молнии самого Солнечного Бога, разрушали пьедестал ночной победы. Тхутмертари поняла, что еще немного, и у нее не хватит сил, чтобы остановить себя. Она расправится с этим стариком и тем самым признает правоту его. С лицом не золотым, а темным от прилившей к нему крови, Змеиная Королева повернулась и вышла из залы. Сверхчувствительная аура ее воспринимала провожающий взгляд Парасана, и взгляд этот жалил, точно небесный огонь. Ей потребовалось призвать всю свою волю, чтобы не побежать. Переключившись с него на свои планы, она решила для себя, что Митра заплатит ей за эти мгновения по отдельному счету.

Не веревки, а живые змеи стягивали конечности Дарис и Парасана, не позволяя даже шевельнуть пальцем. Другие существа, чем-то похожие на пиявок – их точного названия Тхутмертари не знала сама – облепили тела пленников. Но не кровь сосали они, а выделяли флюиды невидимого яда, медленно взрывающего человека изнутри. Чудовищная боль стучала в мозгу людей, они ощущали себя горящими заживо, но это их состояние выдавала лишь смертельная бледность их тел. Одежды были сорваны, но Дарис и Парасан на полпути к смерти могли не стыдиться своей наготы.

Тхутмертари, вполне удовлетворенная их мужеством – весьма скучно было бы, начни эти люди стенать и молить о пощаде – сидела на высоком троне, который сотворила своим волшебством из остатков разрушенного алтаря Митры. Акках Танатос стоял рядом с нею; также посредством волшебства волшебница восстановила его правую руку. Однако не было заметно, что царь змеядов уж очень рад этому; скорее, он предпочел бы остаться без обеих рук, чем терпеть такое унижение – сначала в битве, а затем после нее. По другую сторону трона стоял мертвец, еще несколько часов тому назад носивший имя Конана и являвшийся сыном правительницы, военным вождем своего народа. Теперь народа не было, а вождь, изрядно обгоревший и потому совершенно утративший человеческий облик, стал бессловесным рабом своей победительницы.

Дарис старалась не смотреть на останки сына. Мысленно она была уже далеко отсюда – в легендарной Стране Небесного Народа, благословенном раю Митры, где избранные слуги светлого бога встречают достойных... Невыносимая боль тщилась вернуть ее сюда, в этот

оскверненный город, ее бывшую столицу, и Дарис отчаянно боролась с этой болью. Она мечтала поскорее избавиться от оков тела; с телом исчезнет боль, и бывшая правительница Тайи наконец-то сможет присоединиться к Солнечному Богу.

Парасан же не торопил владыку Света и Солнечной Справедливости. Митра всё видит, и Митра знает, когда призвать к себе верного слугу. Более всего Парасан опасался, что Исчадие Зла замыслит лишить его душу посмертия, натравив на нее подвластных ей, Исчадию Зла, демонов. Против демонов старый жрец был бессилён. Но он верил, что, если такое случится, Податель Жизни в последний момент вырвет душу его из когтистых лап и примет к себе. В общем, он ничего не страшился и ни о чем ни жалел, этот старый темнокожий жрец, и был спокоен, так как знал, что жертва принесена не напрасно...

Налитое ультрамарином небо колыхалось над аккуратными глинобитными хижинами Турхана, звавшегося Заоблачным. Пылающее Око Митры медленно поднималось из-за высоких холмов, ограждающих бывшую тайанскую столицу. Сытые и довольные победители попрятались от него в дома, где прежде жили тайанцы; некоторые змеяды расположились в храме Митры, чтобы совместить отдых с надругательством над святынями врагов. Самые выносливые и любопытные остались снаружи, чтобы досмотреть устроенный королевой спектакль. Они гоготали, строили Дарис и Парасану рожи и, стараясь привлечь внимание узников, чертили в воздухе знаки Змея и испражнялись на изображения солнечного диска. Вот Тхутмертари призвала к тишине, и гогот смолк.

– Готова ли ты принять свою судьбу, милочка? – осведомилась королева.

Дарис не ответила ей. По знаку волшебницы пиявкоподобные существа отцепились от тела Дарис. Тхутмертари шепнула что-то мертвому Конану, и он шагнул вперед. Крючковатые обгоревшие пальцы с неестественно длинными ногтями впились в тело той, что была его матерью. Она закрыла глаза и как могла сильно прикусила губу. Боль пронзила ее. В следующий миг лоскут кожи ее мертвец уже показывал своей владычице. Змеяды разразились одобрительными воплями.

– Закончи, что начал, – велела Тхутмертари своему новому рабу.

И он делал то, что она ему велела. Дарис не уставала возносить мольбы Митре, но он пока оставался глух к ним – или не слышал?! Ей было плохо, очень плохо, она страшилась, что мужества не хватит до конца, и чудовищная боль одолеет силу духа, и душа омрачится слабостью пред светлым ликом Бога... Желая, как видно, доконать ее, девушка на троне сказала, обращаясь к Танатосу:

– Любящий сын сдирает кожу с собственной матери. Может ли быть зрелище прекраснее этого, акках?!

Когда мертвый Конан-тайанец закончил, королева приняла у него окровавленную кожу. С видимым удовольствием Тхутмертари провела по ней алым языком. И проговорила:

– Хорошая работа, Конан. Я велю сшить из этой кожи ножны для моего нового меча.

Она передала кожу Дарис слуге, а сама встала с трона и подошла к своей жертве.

– Как ты себя чувствуешь, милочка? Ничего не болит?!

Позади змеяды загоготали над шуточкой.

– Ты есть Зло! – сильным, трубным голосом внезапно заговорил Парасан. – Ты сгинешь в неведанной Тьме! Я – вижу!!

Глумливый смех прервался, и Тхутмертари снова стало не по себе. «Ты сгинешь в неведанной Тьме!», – что за странная фраза? Почему она пришла в голову безумного пророка именно теперь? Тхутмертари пообещала себе разобраться в причинно-следственных связях после. Сейчас же нужно было продолжать обряд.

– Заткнись, старый сморчок, – отмахнулась она. – Я еще займусь тобою, потерпи немного.

Она произнесла заклинание. В руке ее возник сгусток алого огня. И она вонзила этот сгусток в грудь Дарис. Тело жертвы затрепетало, и откуда-то вырвался нечеловеческий стон. Адский огонь расползался по телу Дарис, медленно и жестоко убивая ее рассудок. Эманыции нечеловеческого страдания возносились подобно горячим струям расплавленного воздуха над знойной пустыней, и Тхутмертари с жадностью изголодавшегося зверя вбирала их в себя. Морды змеядов вытянулись; если сдирание кожи с живого не было для них внове, то эта странная пытка на самом деле потрясла их – уж не от демонов ли Преисподней узнала ее их владычица?!

Тело бывшей правительницы Тайи корчило в чудовищном алом огне. Тхутмертари продолжала делать пассы над изуверенным телом еще живой жертвы. Стон превратился в незатихающий вопль. Змеяды слышали его не ушами, а душами, ибо то вопила страдающая душа несчастной Дарис. Наиболее чувствительные увидели тончайшие струйки голубовато-белого пламени, истекающие с тела жертвы; все они исчезали в кроваво-черной ауре Тхутмертари. Непроизвольно змеяды начали пятиться от эпицентра пытки. Им было не по себе; ведь даже «истинные дети Сета» были обыкновенными смертными, могущество Ада не могло не ужасать их. Да, они были злы и жестоки до крайности – но зло и жестокость никогда не являлись и не могли являться для смертных *образом жизни и искусством* – какое искусство причинять страдание наблюдали они теперь. Некоторые закрывали лапами свои морды; они молили Сета прекратить чудовищную пытку. Всё более змеядам начинало казаться, что это не Дарис, а их самих пытается неведомым алым огнем ужасная властительница...

Тхутмертари видела эту реакцию. Королева радовалась ей, ибо такая реакция способствовала первым шагам по новой дороге, которую наметила она для себя. Чтобы взойти по этой опасной тропе к вершинам величия, следовало внушить окружающим, как сильно отличается она от них, как безразмерна пропасть между ними – и тогда они, смертные, *сами* поймут то, что не воплощается в словах! План был редкостно дерзок, однако Тхутмертари, раз решившись, не боялась дерзить Судьбе. Никогда не боялась – и не убоится впредь!

– А теперь я войду в тебя, – возгласила она и на глазах потрясенных змеядов – тех, кто еще наблюдал сцену пытки, – сама начала превращаться в сгусток алого огня.

Кроваво-черная аура по-прежнему окутывала его, этот сгусток. Он пульсировал, поскольку был не мертвым огнем, а существом живым. Он был Тхутмертари. Черно-алый сгусток неторопливо *втекал* в тело Дарис, и мир менялся вокруг них...

...Да, это был целый мир – странный, волшебный и притягательный. Словно во сне, Дарис видела звезды, холодные и чужие; безмерную даль их она не была в состоянии оценить. Пространства мертвой черноты расстилались вокруг, и Дарис парила в них. Здесь не было света, воздуха, ветра, живых существ, богов, демонов – вообще здесь не было ничего. Только она и кроваво-черный сгусток, танцующий вокруг нее какой-то танец, странный и глупый. Ибо то, что имело смысл прежде, в этом мире мертвой черноты казалось пустым и никчемным. Дарис поняла, зачем призвала ее сюда Тхутмертари: *пытка абсолютным одиночеством* являлась для живого существа самой страшной из всех пыток. Дарис засмеялась – или ей почудилось, что засмеялась, – глупая Тхутмертари: разве не понимает она, что в этом мире она сама, Великая Тхутмертари, не более чем *БЕССМЫСЛЕННОЕ НИЧТО?*..

...Мир мертвой пустоты зачаровал и одурманил ее. Тхутмертари неслась в пустоте, и не было предела скорости ее полета. Холодные звезды мерцали вдаль; Тхутмертари ощущала их беспредельную затаенную Силу. Душа ее рвалась к этим звездам, к этой затаенной Силе, она, Тхутмертари, стремилась овладеть Силой, равной которой не было, нет и не будет. Она сразу же забыла про Дарис. Что человек, когда такие звезды!.. Она летела и летела – и вдруг понимание пронзило ее разум: звезды недостижимы, и абсолютное могущество

их – не более чем зазывный маяк, вечно пылающий в Ночи... Она может лететь всю Вечность, положенную ей, но в распоряжении ее *всегда* будет только мертвая черная пустота – и миражи далеких звезд. Она поняла, что переоценила свои силы. И Тхутмертари испугалась, как не пугалась никогда в бурной своей жизни. Она вдруг поняла, что вот-вот *навсегда* останется витать в чужой пустоте, пока рассудок не покинет ее – ибо в этом мире нет даже Смерти. И далекие звезды будут холодно потешаться над ней... Вот будет пытка! Гордость, сила, воля – всё куда-то исчезло (вернее, осталось в прежнем мире), и естество Тхутмертари взмолилось о спасении. «*Сур, раб мой, вытащи меня отсюда!!! Вытащи-и-и-и...*», – вопили душа, разум, сердце. Внезапно чужая пустота стала съеживаться, расступаться, исчезать – а что было дальше, Тхутмертари уже не увидела...

...Она пришла в себя у храма Митры в Турхане. Она лежала у ног Дарис, и была более не сгустком огня, а золотой девушкой в стигийской короне. Она увидела над собой Танатоса, который одной рукой тянулся к ее короне, а другой рукой, даренной ею ему, заносил над королевой волнистый меч... В голове властвовала пустота, и Тхутмертари не сразу поняла, чего хочет он...

– *Он хочет убить тебя и стать королем Стигии*, – услужливо подсказал далекий голос незримого раба.

Вот как, подумала она. Воспоминания нахлынули на нее, и она нашла в них Танатоса. Оказывается, он всегда хотел убить ее и стать королем Стигии. И она это знала. Она унижала его, равно как и жену его Таниту, и брата своего Джосера, и жену брата Камию, и всех прочих. Потому что она была сильнее их всех, и они не были страшны ей...

– *Ты и теперь сильнее их*, – подсказал всё тот же ментальный голос.

Она нашла и его в своих воспоминаниях. Как же... Он, Сур, ее раб. Верный раб? Да. Бывший бог – нынешний раб. Раб, который не мечтает о свободе. С него начиналось ее нынешнее величие. И он рядом с ней по-прежнему, хотя уже и не нужен так, как прежде... Но порой он бывает незаменим – как в том черном-черном мире мертвой пустоты и холодных звезд...

– *Да, я сильнее их*, – подумала Тхутмертари.

Танатос промахнулся: его подвел собственный страх. Он сам не верил в то, что способен вот так запросто убить ее, великую и ужасную владычицу. Меч дрожал в нерешительной деснице. Тхутмертари ускользнула, затем вскочила и единственным коротким заклинанием, внезапно пришедшим на ум, уложила akkaha наземь... Нынче не приходилось выбирать между сталью и магией. Змеяды, уже предвкушавшие торжество своего царя, попадали перед ней ниц. И она с удивлением обнаружила, что, несмотря на полный провал в Чужом Мире, она добилась *здесь* своей цели: эти смертные *уже* воспринимали ее именно так, как она хотела. Они не *преклонялись* перед ней. Уже нет. *Они ей поклонялись!*

Взор ее упал на Дарис. Та была мертва. Тхутмертари поняла, что душа бывшей правительницы Тайи потеряна для нее безвозвратно. Кто знает, может быть, она осталась в Чужом Мире, а может, ее бог вызволил эту душу, подобно тому, как душу самой Тхутмертари вызволил раб?..

Оставался Парасан. Их взгляды скрестились: утомленный и полный сил к борьбе.

– Хочешь попробовать еще раз? – тихо спросил старик.

Тхутмертари медленно покачала головой. Ей было достаточно. Она ощущала изнеможение. Любая новая пытка станет пыткой *над нею*. Старый жрец более не интересовал ее.

– Возьмите его, – велела она змеядам, – поднимите на вершину этого храма и там распните. Я оказываю тебе редкую честь, старик, – сказала она Парасану. – Ты умрешь от лучей своего бога. Ты ведь этого хотел, не так ли?

– Да, – тот улыбнулся своей блаженной улыбкой, которая так бесила королеву, – я хотел этого. Больше мне ничего не нужно.

И всё же она не могла отпустить его столь просто.

– Ещё не всё, старый сморчок. Не надейся на быструю смерть. Ты будешь умирать долго, покуда плоть твоя не обратится в высушенный пергамент. А затем весь этот город и вся эта страна скроются под песками. И не будет больше ни тебя, ни Тайи, ни вашего народа. Я наложу надлежащее заклятие...

Парасан засмеялся.

– Пусть. Я погибну от длани моего бога, которому остался верен до конца. И уйду к нему, чтобы обрести вечный покой в его Небесной Стране. А тебе – тебе не светит такая прекрасная участь! Ты несчастна...

– Воткните ему кляп, – устало молвила Тхутмертари.

Змеяды исполнили ее волю. Бесноватый смех безумного пророка звучал в ее голове. Последнее, что слышала она из уст Парасана, было:

– Сколько ни бросайся на Свет, он никогда не погаснет...

Тхутмертари взмахнула рукой, точно отбрасывая прочь эти слова, и пошла вперед, на холмы. Ей хотелось одиночества.

6. Вибий Латро, герцог Тарантийский

Многочисленные, верные соглядатаи докладывали Вибию плохие вести с юга. Наместник уже знал о смене власти в Луксуре и Кемии, знал о зловещих порядках, установленных новой королевой, знал и об агрессии против шемитских государств, предпринятой стигийцами. Но Шем находился далеко от Аквилонии, и Вибий Латро не верил, что стигийцы все-речь рассчитывают напасть на его страну. Земля шемитов была обширна; кроме нее, Аквилонию отделяли от Стигии королевства Коф, Аргос и Офир. Эти страны также нельзя было назвать маленькими и слабыми, каждая из них владела боеспособной армией – особенно, Коф. Вибий не допускал и мысли, что чванливые владыки Хоршемиша без боя пропустят стигийские орды к аквилонским границам.

Но даже если бы это произошло, агрессоров ждало бы самое жестокое разочарование. Стараниями бывшего короля Конана – здесь Вибий вынужден был отдать должное этому варвару – Аквилония обзавелась самой мощной регулярной армией на всем континенте Хайбории. Ее ударную силу составляли десятки тысяч конных рыцарей и пикинеров, также десятки тысяч лучников, арбалетчиков и пехотинцев. Кроме них, в любой момент правители Тарантии могли призвать на военную службу не менее сотни тысяч военнообязанных из королевского домена и владений аквилонских вассалов. И хотя новая власть в провинциях была еще слаба, Вибий не сомневался, что перед лицом ненавистных змеепоклонников объединятся даже самые заклятые враги.

Так что герцог Тарантийский не боялся стигийской экспансии. Как бы ни была агрессивна и жестока королева Тхутмертари, она, несомненно, понимает, что с великой Аквилонией ее черному воинству не совладать. Скорее всего, думал Вибий, экспансия ограничится завоеванием стигийцами более-менее значительной части Шема и, возможно, Турана. Что, конечно, тоже шло вразрез с интересами Аквилонии, поскольку шемиты и туранцы издавна были ее союзниками против тех же стигийцев. Однако Туран и Шем всё-таки находились слишком далеко, и посылать им военную помощь наместник вовсе не собирался.

Еще более, чем внешние дела, занимала Вибия его собственная судьба, неразрывно связанная, как он полагал, с благополучием всей Аквилонии. С тех пор, как король Джейк вручил ему власть, опытный, изворотливый царедворец сумел не просто укрепиться в качестве полноправного наместника, но и фактически оттеснить короля от управления государством. И это оказалось великим благом для Аквилонии – ибо узурпатор Рубиновое Трона Джейк Митчелл, капитан наемников из Будущего, ничего не смыслил в делах государства. Не явись Вибий Латро ему на выручку, Джейк давно бы уже был низложен, а Конан возвратил себе престол. Своими умелыми действиями в критический момент Вибий спас и трон Джейка, и саму жизнь узурпатора. Джейк нуждался в Вибии как в ловком и умелом политике. Но и Вибий нуждался в Джейке, поскольку, не будь Джейка и его девяти десятков пришельцев, до зубов вооруженных диковинным оружием Будущего, Конану-киммерийцу и его верным соратникам не составило бы особого труда скинуть новоявленного наместника.

И всё бы было ничего в новой судьбе Вибия, не окажись Джейк Митчелл человеком недалеким, злопамятным и самоуверенным не в меру. Как и предсказывал Роберт Рэнквист, узурпатор не мог забыть, что вручил Вибию власть не добровольно, а под давлением жестоких обстоятельств. А тут еще пришельцы, бывшие наемники Митчелла, всячески подогревали неприязнь своего капитана к наместнику. В Тарантии они вели себя даже не как высокопоставленные нобили – как завоеватели. Пришельцам казалось, что власть должна принадлежать им по праву сильного. «Слишком много этот Вибий берет на себя», – шептали они королю.

Нашептывания падали на благодатную почву. Наместник сознавал, как разрастается полоса отчуждения между ним и королем. Если еще пару недель назад огромный американец называл Вибия не иначе как «мой добрый ангел», то в последние дни наместник не знал отбоя от королевских придирок. Такое создавалось впечатление, что Джейк сознательно провоцирует его на ссору...

Пока что герцогу удавалось отстаивать свою власть. Даже узколобый узурпатор понимал, что без Вибия и верных Вибию чиновников новая власть развалится – и это, между прочим, еще больше злило Джейка, который не привык признавать свои слабости. Узурпатор метался между желанием избавиться от наместника и страхом перед враждебной ему огромной страной. Общий противник в лице Конана до недавних пор объединял их. Но когда Конан погиб – а в смерти его и Джейк, и Вибий были уверены – узурпатору стало казаться, что услуги Вибия уже не так нужны ему. Тем паче, что наместник не проявил в поисках Конана должного рвения.

Уводя от себя удар, Вибий постарался переключить разрушительную энергию узурпатора на нового врага. Так состоялся завоевательный поход против Немедии. Десятки вертолетов пришельцев взлетели с острова Норд в Тарантии и взяли курс на Бельверус. Следом за ними на Немедию двинулись регулярные аквилонские войска. В течение трех дней сопротивление немедийцев было подавлено. Король Джейк объявил себя сюзереном Немедии, а прежний владыка этой страны Тараск принес ему вассальную клятву. Многострадавшая Немедия, для которой это поражение от Аквилонии стало вторым за неполные три года, снова вынуждена была заплатить победителю огромную контрибуцию.

В Тарантии герцог Латро читал донесения своих немедийских агентов, и его настроение неуклонно портилось по мере того, как король Джейк одерживал свои победы. Наместник понимал, что поневоле сам загнал себя в угол. После успешной немедийской кампании узурпатор возомнит себя воистину непогрешимым. И тогда Вибию придется либо самому подать в отставку, либо идти на прямой конфликт с королем. Преданные герцогу люди, такие как Гней Кавлон, начальник Черных Драконов, и генерал Марциан, командующий армией, подговаривали его низложить узурпатора, пока того нет в Тарантии, и принять на себя всю полноту королевской власти. Однако Вибий Латро был слишком осторожным человеком, чтобы дать вовлечь себя в подобную авантюру и уж, тем более, ее возглавить. «Мы имеем дело не с обычными бандитами, которых в крайнем случае можно просто расстрелять из арбалетов, – говорил герцог в узком кругу своих приближенных. – Пришельцы вооружены могучим и смертоносным оружием, а их летающие крепости, вертолеты, способны уничтожить по десятку тысяч наземных воинов каждый. Второго штурма Тарантия не выдержит»...

Новый удар настиг Вибия с совершенно неожиданной стороны – от Роберта Рэнквиста. Единственный пришелец, который как будто хорошо относился к наместнику, вдруг оказался изменником. Вибий был потрясен до глубины души, увидев Роберта в компании с Конаном-киммерийцем, живым и невредимым, в офирской столице Ианте. Дальнейшие события еще более изумили герцога. Конан бежал из-под стражи в Ианте, а Роберт, сообщник киммерийца, оставался в кандалах, пока перетрусивший барон дю Можирон не освободил его. И вместо того, чтобы лететь в Немедию, искать защиты у Джейка, Роберт добровольно возвращается в Тарантию, чтобы угодить прямоком в тюремную камеру Железной Башни. Вибий понимал, что эти странные, на первый взгляд, события, не могут быть случайными, и что, следовательно, какая-то сложная интрига имеет место и развивается помимо его воли, а в центре этой интриги стоит именно Роберт Рэнквист. Таким образом, у наместника появилась масса вопросов, ответить на которые мог только сам Роберт.

Но он решительно отказывался отвечать! Не доверяя это деликатное дело никому, герцог самолично допрашивал пришельца. Вот и теперь, на пятом допросе, тот отделивался

пустыми, ничего не значащими фразами, и даже начинающему прокурору было бы ясно, что заключенный попросту не желает раскрывать следствию свои карты.

Вибий утер пот со лба и посетовал:

– Как я устал от вас, Роберт! Мне давно ясно, что вы самый настоящий изменник. Вы виновны по крайней мере по трем статьям нашего Свода Законов. Вы оказывали содействие государственному преступнику, находящемуся в розыске...

– Ничего подобного, Ваше Высочество, – ухмыльнулся англичанин. – К тому моменту все считали Конана мертвым, следовательно, он не мог находиться в розыске!

– Не перебивайте меня. Вы помогали Конану еще здесь, в Тарантии! Вы предупреждали его, когда мои ищейки шли по его следу. Не станете же вы и это отрицать? – вкрадчиво спросил герцог.

– Не стану. Я действительно делал всё, чтобы Конан оставался в живых и не попался в лапы Джейка.

– Ах, Джейка? Стало быть, вы помогали киммерийцу в пику королю?

– Совершенно верно, – кивнул Рэнквист.

– Не принимайте меня за идиота! – рявкнул наместник. – Я ни на грош не верю этим байкам! Отвечайте правду, или, клянусь Митрой, я велю вздернуть вас за измену королю и Аквилонии! И я не посмотрю, что вы пришелец!

– А я клянусь Митрой, Ваше Высочество, что вы никогда не сделаете этого.

– Любопытно было бы узнать, почему?

– Во-первых, потому что я пришелец, как вы изволили заметить. А пришелец – существо, так сказать, неприкасаемое. Какой еще повод нужен Джейку, чтобы выгнать вас? Представьте физиономии Фила Фрезера, Хью Гамильтона, Фрэнка Спири или, к примеру, того же Альфреда Зинга. Как им это понравится? «Он поднял руку на нашего!», – скажут они. И конец вашему наместничеству!

– Я предъявлю Джейку доказательства вашей измены. Он и так вас не любит. Король будет только рад увидеть вас на эшафоте.

– Ну да, – усмехнулся Рэнквист. – А как насчет «козла отпущения»? Кого-то же надо будет наказать за убийство пришельца! Кто, как не вы, лучшая кандидатура? Подумайте, кого король не любит больше: меня или вас? А дело о моей мнимой измене он замнет, не сомневайтесь.

– У вас цепкий и изощренный ум, Роберт, – заметил Вибий. – Но что мешает мне просто умертвить вас, по-тихому? О вашем аресте знают лишь мои доверенные слуги, а они умеют держать язык за зубами. И никто никогда не узнает, где и когда исчез пришелец по имени Роберт Рэнквист.

Англичанин покачал головой.

– И с кем вы тогда останетесь, Ваше Высочество? Ваши слуги не защитят вас от короля. Джейк же сожрет вас с потрохами! Я единственный ваш друг среди пришельцев, и вы еще грозите мне расправой!

– Я и впрямь считал вас другом, Роберт, – печально вздохнул герцог. – Но вы обманули меня. А обманувшему нет веры.

– Клянусь моим и вашим Богом, не обманывал я вас! – прижав скованные кандалами руки к груди, воскликнул Рэнквист. – Если хотите знать, я сделал для блага Аквилонии больше, чем вы и ваши соратники, все вместе взятые!

Глаза Вибия округлились.

– Клянусь Митрой, вы не в своем уме, Роберт. Что же вы такого сделали великого?

– Я помог сохранить жизнь Конану, уже немало, – с достоинством ответил тот. – Поймите же вы, герцог, Конан – это не обычный человек! Вы привыкли видеть в нем грубого варвара, простого искателя приключений, баловня Судьбы. Но это же не так! Конан не про-

сто свергнутый король. Он есть живое воплощение героя! Я всего лишь раз наблюдал его вблизи, в Ианте, и могу вам засвидетельствовать это. Простые люди не совершают того, что совершил в Ианте Конан. Его жизнь принадлежит не ему одному. Ни Джейк, ни вы не вправе ее отнять. Конан нужен многим. Он нужен мне, вам, всем! Он нужен, чтобы выжил мир!

Герцог Тарантийский озадаченно глядел на своего визави. После недолгой паузы он сказал:

– А вот теперь вы не лжете, Роберт. Вот только не знаю, кто смутил вам разум. Мне даже совестно посылать вас на казнь.

– Да одумайтесь вы, наконец! – воскликнул англичанин. – Сопоставьте факты! Неужто вы полагаете, что Конан покинул Тарантию из-за вас или Джейка? Неужто вы думаете, будто он сдался? Неужто вы всерьез полагаете, что он смирился с захватом его – его! – Аквилонии бандой пришельцев из другого времени?! Да вздор! Признайтесь, герцог, вы сами не верите в это! Он не бежал, нет! Он покинул свою страну, чтобы отстоять свой мир!

– Отстоять мир?!

– С юга идет орда завоевателей. На их стороне не только грубая сила, но и могущественная черная магия. Конану предстоит вступить в бой со стигийской владычицей Тхутмертари. Если он не сделает этого, силы Зла погубят человечество.

– Откуда вы всё это знаете? Клянусь Митрой, первые донесения с юга я получил третьего дня; вы уже сидели здесь под стражей!

На это Рэнквист промолчал. Он не имел права рассказывать Вибию, откуда сам узнал о Тхутмертари и ее походе. Пусть первый источник информации – маленький «жучок», электронный спутник Конана, Зенобии и Конна, – равно как и второй источник, останутся его, Рэнквиста, тайной.

– Я знаю больше вашего, – лишь сумрачно заметил он. – Не надейтесь, что стигийцы далеко и до нас не дойдут. Сейчас их некому остановить, их мощь подобна урагану. Она столь велика, что против нее не устоять ни вашим доблестным рыцарям, ни даже нашим «Черным коршунам»...

Совершенно сраженный таким оборотом разговора, Вибий прошептал:

– Почему я должен вам верить?

Рэнквист с болью в глазах посмотрел на герцога.

– Если бы вы, Ваше Высочество, не заточили меня в эту темницу, я, наверное, смог бы уже представить вам доказательства своих слов. Дело в том, что я некоторым образом наблюдаю за Конаном. Вернее, наблюдал.

– С помощью ваших хитроумных приборов?

– Да. Я знаю, куда держит путь киммериец.

– И куда же?

– Простите, но этого я вам сказать не могу.

Вибий печально покачал седой головой.

– Тогда я вынужден отдать вас в руки палачей. Мне надлежит знать, где скрывается беглый Конан.

– Попытки не страшат меня, – заметил Роберт. – Меня страшит другое. Вы так ничего и не поняли, герцог. И это может стоить вам не только вашего поста и титула, но самой жизни.

Вибий Латро встал и тяжелым шагом прошелся по камере.

– Там, в дальнем углу, лежит камень с запиской, – добавил англичанин. – Можете прочесть ее.

– Какая еще записка?

Нахмурившись, наместник нагнулся и взял в руки небольшой кругляш, обмотанный листком пергамента.

– Это от соратников Конана, – добавил Роберт. – Они вычислили меня и предложили помощь. Давешним вечером я мог бежать отсюда.

Герцог прочитал записку, и лицо его потемнело.

– Почерк Публия, конановского канцлера, – пробормотал он. – Почему же вы не бежали?

Рэнквист пожал плечами.

– А зачем? Я не хочу уходить в подполье. Я должен быть в Тарантии, подле своих компьютеров и со своим вертолетом. Я должен следить за Конаном и за Джейком.

– Вы отчаянный человек, Роберт, и я по-прежнему не понимаю вас, – посетовал Вибий. – А я не привык доверять тем, кого не понимаю.

– Эта записка и мой ответ на нее – лучшее доказательство тому, что я ценю доверие Вашего Высочества выше собственной свободы.

Герцог подошел к окну. День разгорался, приближаясь к зениту; они беседовали уже несколько часов.

– Сегодня должен возвратиться король, – негромко проговорил Вибий, – а я по-прежнему не знаю, что с вами делать, Роберт.

– Просто отпустите меня, – в тон ему ответил Рэнквист.

– Просто отпустить вас... – задумчиво повторил герцог. – И вы думаете, это будет правильным решением?

– Да. Ничего ведь не случилось, верно? Я летал на разведку по вашему приказу. К примеру, в Зингару – чтобы своими глазами поглядеть, насколько легко победоносный король Джейк способен привести ее к покорности. А слуги Вашего Высочества умеют держать язык за зубами, не так ли?

Вибий кивнул. Невесело усмехнувшись, он погрозил узнику пальцем.

– А ведь вы не простите мне этих трех дней заточения! Вы их не забудете, я знаю, Роберт!

– Очень плохо вы меня знаете, герцог. Я понимаю, вы были обязаны меня арестовать. Я же изменник, – Рэнквист кисло улыбнулся. – Вы жертва обстоятельств, как и все мы. Поверьте, очень вам сочувствую! Я буду помнить не свое заточение в Железной Башне, а то, что вы отпустили меня, несмотря на все мои прегрешения и умолчания. И когда вы попадете в беду, я сделаю всё, чтобы выручить вас. Клянусь честью!

– Вы так уверены, что я попаду в беду, Роберт? Вы входите в роль пророка, как я погляжу.

– Каждый обязан быть немного пророком, чтобы выжить, – философски заметил англичанин.

Вибий Латро вздохнул, затем подошел к узнику и отомкнул замки на его кандалах своим ключом.

– Что ж, вы свободны, Роберт, – сказал наместник. – Надеюсь, я об этом не пожалею.

– Не пожалеете, Ваше Высочество, – Рэнквист почтительно поклонился герцогу Тарантийскому, и они вместе покинули Железную Башню.

Четыре десятка черных механических птиц приближались к Тарантии с северо-востока. У входа в королевский дворец большая группа придворных во главе с самим наместником Аквилонии, а также почетный караул из Черных Драконов, ожидали прибытия короля. Лица вельмож были бледны. Мало кто из них служил Джейку по воле сердца; грубого, взбалмошного, наглого узурпатора, свалившегося неизвестно откуда на их головы, ненавидели и боялись. Представители «старой гвардии» Вибия Латро успокаивали свою совесть тем, что они служат не этому безродному негодяю, а благородному герцогу и, в его лице, всей Аквилонии. Опытные царедворцы, эти люди умели источать обожание даже самому нена-

вистному властелину. И сейчас на их напояженных лицах блестели слезы счастья: расставание с обожаемым королем, показавшееся таким долгим, наконец-то закончилось!

Вертолеты сделали круг над городом и направились к крепости на острове Норд, которая была превращена в своеобразный аэродром для «Черных коршунов». Две машины отделились от общей стаи и приземлились на площади перед дворцом. Нетрудно было догадаться, что это сам Джейк Митчелл и неразлучный наперсник его, Лопес Моран. Вибий приблизился к капитанскому вертолету, чтобы поклониться королю.

Джейк спрыгнул на землю и хмуро оглядел собравшихся.

– С успешным возвращением, наш славный государь, – торжественно молвил Вибий. – Да здравствует король Джейк Громовержец, победитель Немедии!

– Да здравствует победитель Немедии! Слава королю! Слава! Слава!! Слава!!! – стройно возгласили гвардейцы. Площадь потонула в приветственных криках.

Толстые губы Джейка недобро скривились.

– Уроды, – услышал Вибий, – устроили здесь балаган!

Не глядя более ни на кого, Джейк быстрым шагом прошел во дворец. Лопес, как безмолвная тень, двигался за ним. Перепуганные вельможи, поминая Митру, в страхе расступались перед ними.

Герцог был потрясен. Король проявил себя отнюдь не победителем. Не принял почести, полагающиеся триумфатору, не возблагодарил Пресветлого, не справился о делах оставленной им на попечение наместника державы... Может быть, случилось что, о чем Вибий не знает? Но что могло случиться? Немедия покорена, король вернулся жив и невредим – что там могло случиться?!

Вельможи озадаченно хлопали глазами и негромко переговаривались. Понимая, что все ждут от него объяснений и указаний, наместник сказал:

– Король, вероятно, устал с дороги. Ему нужно отдохнуть. Расходитесь.

Сам же Вибий, укрепив свой дух, проследовал в кабинет короля. Даже плохие новости лучше узнавать раньше, чем позже. Узурпатор полулежал в кресле, закинув ноги на инкрустированный золотом обеденный столик, и тянул вино прямо из кувшина. Лопес стоял спиной к двери и смотрел в окно. Вибий изумился выражению лица Джейка: на нем отражался пережитый страх. Лицо короля имело землистый оттенок. Таким Вибий не видел узурпатора уже давно – с момента тарантийского восстания.

– Меня хотели грохнуть, герцог, – этими словами встретил Вибия Джейк.

Наместник застыл, ожидая дальнейших разъяснений. Но король молчал, угрюмо потягивая вино. Лопес отвернулся от окна и сказал:

– В Бельверусе на Джейка было совершено покушение. Перед самым нашим отлетом некто метнул в него кинжал.

– Наверняка, фанатик из числа так называемых патриотов, – пробормотал Вибий.

– Как бы не так! – рявкнул огромный американец. Кувшин со звоном разбился о стену, расплескивая остатки вина на дорогие туранские ковры. – Как бы не так! На меня покушался колдун! Или кто-то из его присных.

– Спаси, Митра! Ваше Величество совершенно уверены в этом?!

– Уверен, клянусь Митрой, будь он проклят, этот ваш Митра, – грубо передразнил Вибия Джейк. – На меня покушался колдун!

– На короля напал кинжал, летающий сам по себе, – пояснил колумбиец. – Я видел своими глазами. Кто его бросил, выяснить не удалось. Чертов кинжал целил в горло государя. Джейк увернулся. А этот подарок Сатаны, недолго думая, сам взвился в воздух и напал на короля! В конце концов я расстрелял этот чертов кинжал из автомата, – не без гордости заявил Лопес. – И всё-таки Джейк спасся чудом...

– Чудом, говоришь... Нет, не чудом, – мрачно протянул узурпатор, – меня спасла вот эта колдовская штука...

Он сунул Вибию под нос изумрудный перстень, блестевший на среднем пальце его левой руки. Перстень изображал змею, свернувшуюся в три кольца и державшую свой хвост в ядовитых зубах. Когда-то это был магический талисман, символ власти чародея Тот-Амона над сообществом черных магов. Затем Кольцом Сета завладела Тхутмертари, которая и передала его Атотмису, чтобы тот мог проникнуть в заколдованную темницу, где она содержала низвергнутого волшебника. Атотмис вернул талисман Сета Тот-Амону в обмен на собственную смерть. С помощью Кольца Тот-Амону удалось бежать из Стигии в Аквилонию, где он в конце концов и сложил свою голову от клинка давнего, заклятого врага, варвара Конана. Труп колдуна обнаружил Джейк и, невзирая на предостережения окружающих – как пришельцев, так и аквилонцев – надел Кольцо Сета на палец. И с тех пор с ним не расставался.

Наместник отпрянул. Змеиный талисман внушал ему, правоверному поклоннику Митры, ужас и отвращение.

– А, боишься, – ухмыльнулся Джейк. – Вот и тот кинжал, видать, убоился. В этом перстне заключена Сила, она хранит меня...

Подавляя дрожь в голосе, Вибий проговорил:

– Ты заблуждаешься, о светлый государь. Злые чары сотворили сей нечестивый талисман. И он не может хранить короля солнечной Аквилонии! Наши хранители и заступники – сам Пресветлый Митра и пророк его, Эпимитреус, чей дух вот уже пятнадцать тысяч лет взирает на людей с вершины горы Голамайры...

– Бред свихнувшихся попов, – отмахнулся Джейк. – Можешь засунуть своего Митру к себе в жопу. Мне он еще ни разу ни помог. И мне плевать, чей это талисман – Митры, Сета или, как его там? Нергала. Теперь он мой, понимаешь? Мой талисман! В Немедии он спас меня от верной смерти.

Вибию было горько и стыдно. Чтобы король солнечной Аквилонии оказался безбожником и богохульником! Чтобы король солнечной Аквилонии молился на змеиный талисман, более подходящий злобному колдуну-чернокнижнику из проклятой Стигии! И ему, Вибию, приходится терпеть такого короля! О, Митра, но ты-то велик и могуч – ты почему терпишь святотатца?!

– Я вынужден напомнить моему государю, – с болью заметил наместник, – что государь является первым властителем со времен начала Аквилонии, который верит в талисман Зла больше, чем в милость Солнечного Митры!

– А что же Конан, по-твоему? Он поклонялся идолу по имени Кром! – недобро осклабился Митчелл.

– К твоему сведению, государь, Кром является языческим божеством всех киммерийцев. Насколько мне известно, киммерийский Кром не принадлежит к пантеону темных сил. И Конан, к твоему сведению, почитал нашего Солнечного Митру никак не меньше, чем своего киммерийского Крома!

– А теперь он покойник, этот твой Конан, и ни Митра, ни Кром не помогли ему спастись, – расхохотался узурпатор. – Что ты на это скажешь, герцог?

Вибий не собирался разубеждать коронованного негодяя. Да, Роберт прав: пусть все считают, что Конан мертв, погиб от руки Джейка. Особенно, сам Джейк.

– Ничего, Ваше Величество, – развел руками наместник. – Я не особенно силен в богословии...

– Ну, вот и не лезь, куда не просят, – назидательно молвил Джейк, чье настроение, как видно, немного улучшилось в результате этого разговора. – Ступай, управляй государством. Пока я тебе это позволяю.

Вибий холодно поклонился королю и покинул кабинет. Лицо его было бледно. Ничтожество, думал Вибий, меряя шагами светлые коридоры дворца. «Пока я тебе это позволяю!» Оставить бы его один на один со всеми заботами и уехать обратно в Офир, в свое поместье. Жаль, не удалось бы тогда поглядеть, как эту тушу через день-другой насадят на копья!

Нет, нельзя. Никак нельзя. Нельзя отдавать Аквилонию на растерзание этим зверюгам. Пусть будет что будет, но я не убегу, не сдамся, думал Вибий Латро. И милостью Пресветлого справедливость всё-таки восторжествует!

С этой мыслью герцог Тарантийский снова обрел уверенность в себе и углубился в государственные дела. С годным ли, с негодным королем, великая Аквилония должна жить, и жить достойно.

7. Падение Эрука

Город горел. Рваные языки пламени взвивались к багровеющему небу. Рушились купола величественных храмов. Алебастровые минареты, точно спички, заваливались набок, чтобы спустя несколько мгновений навсегда исчезнуть в водоворотах черно-алого огня. Жгучий ветер разносил запахи дыма, гари, паленой плоти, благовоний и еще множество иных неведомых ароматов. Казалось, он дует не с какой-то определенной стороны света, а из самого сердца величественного Эрука. Словно это сама жизнь со стоном покидает крупнейший город Центрального Шема.

В некотором отдалении от города, на вершине древней усыпальницы забытого царя, много столетий назад занесенной песками, картину гибели Эрука наблюдали трое всадников.

Королева Стигии Тхутмертари восседала на своем новом адском скакуне, и непроглядно-угольный цвет коня, цвет Первозданной Тьмы, зловеще гармонировал с просторным черным одеянием всадницы. Плавающие алые буркалы демона дополняли багровые огни, плотные облачка кровавого тумана, странно, равно живые души, метавшиеся по хитону королевы.

По правую сторону от Тхутмертари на вороном коне сидел ее брат, могучий принц Джосер, а по левую гарцевал тщедушный кусанский князь Ца Ю. Нужно заметить, обоим мужчинам было непросто сдерживать своих коней, которые брыкались и ржали, норовили ускакать как можно дальше от своего страшного соседа.

Впрочем, ни Тхутмертари, ни ее спутники не обращали внимания на поведение скакунов; зрелище гибнущего города завораживало их. Жгучий ветер хлестал по лицам и доносил не только запахи, но и звуки: крики, стоны, вопли умирающих защитников и утробный рев нападавших. И если нашествие на Тайю еще чем-то напоминало честную битву, особенно в самом начале, то уничтожение Эрука нельзя было назвать иначе как безжалостной расправой сильного над слабым и черного колдовства над человеческим духом.

Шемиты выставили против наступавшей стигийской орды все силы, какие только смогли собрать. Многочисленные города-государства, разбросанные по оазисам бескрайней шемитской степи, объединились перед лицом общего врага – наверное, впервые за сотни, если не за тысячи, лет. Перепуганные царьки не пожалели золота, чтобы призвать на защиту Эрука каждого, кто мог держать в руках оружие. Отряды бесстрашных наемников приходили в Эрук из Кофа, Хорайи, Турана и даже из далекой Заморы. Шемитские послы обивали пороги королевского дворца в Хоршемише, слезно моля могущественных кофийских владык прислать армии им на подмогу. Ради этого шемиты готовы были поступиться не только богатством, но и своей свободой. Кофийские же владыки, в свою очередь, направляли послов в Луксур, дабы те выяснили, сколь далеко простираются амбиции стигийской королевы и стоит ли из-за несчастных шемитов омрачать отношения с агрессивной и могущественной империей змеепоклонников. Ни один из этих послов не вернулся обратно: по своему обыкновению, Тхутмертари не вела переговоров с будущими жертвами...

Так или иначе, но Эруку удалось выставить на свою защиту ни много, ни мало – полмиллиона воинов. Эта была неслыханная по тем временам сила. Кроме ратников, крупнейший город Центрального Шема защищали своими заклятиями лучшие маги, специально приглашенные из Турана, Кофа, Вендии и Заморы. Откликнулись даже отшельники Черного Квадрата, никогда прежде не покидавшие своих цитаделей в Карпашских горах. Мудрецы и поэты, а также самые красивые девушки для развлечений поддерживали боевой дух огромного воинства. К тому моменту, как на южном горизонте показалась наступающая орда, шемитские царьки успели уверить себя и других, что город удастся отстоять – и даже

нанести решающее поражение проклятым змеепоклонникам. Менестрели уже слагали баллады во славу грядущей великой победы. Огромный город воспрял духом, и все с трепетным нетерпением ждали начала сражения.

Великая надежда была раздавлена уже в первые минуты битвы. Нет, Тхутмертари не послала против полумиллиона защитников Эрука миллион своих воинов. Столько и не было у нее. Она поступила гениальнее и проще, имея цель продемонстрировать всему миру, сколь велика и неодолима сила ее некромантического мастерства. Она пустила против живых людей людей мертвых. Легионы оживших мертвецов, не ведающих ни жалости, ни страха, ни боли, вступили в битву. Со стороны нападавших не было ни людей, ни змеядов, ни боевых демонов – только мертвецы. Внушающие ужас грязно-черные фигуры, с ошметками полусгнившей плоти, ввалившимися пустыми глазницами и лязгающими в глумливых оскалах челюстями сжимали настоящее оружие цепкими крючковатыми пальцами с черными отросшими ногтями; некоторые принесли эти древние мечи, пики и секиры непосредственно из собственных склепов. Мертвеца нельзя было убить снова, его можно было лишь разрушить, растоптать или сжечь – но особые заклęcia Тхутмертари предохраняли Легионы Минувшего от первого, второго и третьего. Иначе говоря, они были неуязвимы.

Но даже и это не было самым страшным! Защитники Эрука, убитые наступающими мертвецами, тотчас после своей смерти поднимались с окровавленной земли, вновь брали в руки оружие и обращали его против тех, на чьей стороне только что сражались. Таким образом, каждая смерть уменьшала на единицу число защитников города и увеличивала на единицу число наступавших на него. А поскольку битва кипела на всей огромной территории фронта, соотношение сил менялось в геометрической прогрессии. Колдуны и маги, засевшие в городе, оказались бессильны. Резня нарастала, как океанский вал, реки крови текли по знойной степи, и это была подлинная катастрофа, какой не знал мир со времен погружения Атлантиды...

Несколько часов продолжалась она. За это время мертвая армия Тхутмертари выросла почти на миллион – поскольку к вооруженным защитникам Эрука вскоре добавились и те, кто надеялся отсидеться за высокими стенами города. Цари, князья, чародеи, поэты, торговцы, ремесленники, стражники, просто матери и дети... Все. Заклęcia Тхутмертари помогали мертвым отыскивать живых. Спасения не было ни за стенами дворцов, ни на вершинах башен, ни в глубоких погребках, ни под руинами зданий. Нигде. Мертвые уничтожали живых с упорством и тщанием, с каким пауки уничтожают попавших к ним в сети мошек. Отцы убивали матерей, матери – своих детей, сестры – братьев, и даже погибшие кошки стремились загрызть немногих пока еще живых собак. Мертвые уничтожали живых – всех, до последнего. А на всё на это с вершины древнего кургана взирали Тхутмертари, Джосер и Ца Ю; оба – не по своей воле...

– Ну, вот и всё, – сказала Тхутмертари, когда шум бойни стал стихать. – С Эруком покончено. Мощью Минувшего я покоряю Настоящее и Будущее! Теперь мои Легионы Мертвых разбредутся по Шему и довершат остальное. Через несколько дней падет Пелиштия, и море у берегов Асгалуна окрасится алым. А затем – на север, в Коф и Офир! Не сегодня-завтра рати змеядов Танатоса возьмут Замбулу; откроется дорога на Самарру, Хоарезм, Шангару и стольный Аграпур. Не далее как через половину луны весь Туран будет мой! На юге воинство Таниты приближается к Мероэ, кушитской столице. Две луны потребуются ему, чтобы покорить все Черные Королевства до реки Зархебы и истоков Стикса. Тем временем флот Камии покончит со свободой западных держав. Уже через полгода мне будет принадлежать вся Хайбория – от Пиктлэнда до Камбуи. А далее – весь мир!

Она расхохоталась, глядя на пылающий город, и от слов ее, и от этого жестокого смеха торжествующей демоницы кровь застывала в жилах ее подневольных спутников.

– Почему ты не позволила мне штурмовать Эрук, сестра? – мрачно спросил принц Джосер. – Я собирался взять его, имея под началом войско живых людей, не трупов! И где мое место в твоих планах?

– Ты очень провинился предо мною, Джосер, – ответила та. – Не думай, что я всё забыла. Ты собирался свергнуть и убить меня. Но это я еще могу простить. Однако ты рассчитывал *переиграть* меня, используя как козырь в собственной рискованной игре! Вот так хитрец, перехитривший сам себя! – и вновь она расхохоталась страшным смехом демоницы.

– Будь ты проклята, сестра, – пробормотал могучий принц. – Если бы я той ночью во дворце не спас тебя от верной смерти...

– Превосходный урок для тебя, братец, – кивнула Тхутмертари. – Ни одно благое дело не остается безнаказанным! Даже когда оно совершается из корыстных побуждений, как в твоём случае.

– Есть ли сила, способная остановить Ваше Величество? – спросил Ца Ю. Он привык, что Тхутмертари иногда балует его откровенными ответами.

– Да, есть такая сила, князь. И я намерена подчинить ее себе.

– Что это значит, Ваше Величество?

– Скоро, скоро всё узнаете, – улыбнулась та. – Я не стану ничего от вас скрывать. Вы мой биограф, вы должны знать всё!

Маг из Кусана поклонился ей и сказал:

– Простите мою назойливость, Ваше Величество...

– Что-то еще?

– В подвале царского дворца в Эруке собрана уникальная библиотека, – волнуясь, вымолвил Ца Ю. – Тысячи и тысячи бесценных манускриптов...

Тхутмертари, понимавшая такие вещи с полуслова, перебила его и приказала:

– Конечно, поезжайте туда, князь, ну, и возьмите всё, что сочтете нужным сами взять. Да, и не бойтесь мертвых: они не тронут вас, живого. Я клянусь!

Ца Ю замер, ожидая продолжения, но его не последовало. Видя замешательство кусанца, Тхутмертари повторила:

– Езжайте же, спасите манускрипты. Вы этим мне окажете неоценимую услугу!

Потрясенный услышанным не менее, чем всем прочим, и в душе гадая, что это может означать, кусанский князь прищипорил коня и поскакал к городу. Она проводила его долгим задумчивым взглядом, затем не без иронии проговорила:

– Хотела бы я знать, где ты пропал, могучий и бесстрашный Конан? Почему не спешишь спасти от меня этот гибнущий мир? Ты заставляешь ждать мать своего сына!

Джосер встрепнулся:

– Во имя Сета! Ты сказала – сына?!

Не оборачиваясь к брату, Тхутмертари усмехнулась:

– Зря беспокоишься, единокровный брат. Я не нарушу наши древние законы – хотя могла бы, я отныне могу всё! Но не нарушу, это слишком мелко для меня. Согласно им, вы с Камией наследуете Стигию... – а он, мой сын, наследует весь мир! И в этом новом моем мире не будет более ни аквилонца, ни стигийца! Ни киммерийца, ни кушита и ни пикта. Также не будет никого из прежних человеческих богов! Ушло время яцтаков, глаханов и ферзелей, на наших глазах истекает время змеядов, проходит и время людей! Наступает эра *тху*! Моей новой расы, ради которой очищаю и творю мой новый мир...

Джосер молчал, переваривая сказанное. Тхутмертари добавила:

– Возможно, я позволю тебе возглавить последний поход на Хорайю. Но сперва мы вернемся в Луксур. В Луксуре ты окажешь мне одну услугу, а затем я, очень может быть, верну тебя к твоим войскам. Пусть это человеческое мясо мне последний раз послужит!

От этих слов, звучавших, как всегда, двусмысленно-зловеще; от этой атмосферы и от этих перспектив, тут принцу стало дурно, и мужество, которое всегда было неистощимым, наконец, оставило его. Однако прежде Тхутмертари отдала мысленный приказ своему незримому рабу. Всадники и кони исчезли с кургана Шема, чтобы спустя мгновение возникнуть на королевской площади перед дворцом в Луксуре. Там Джосер и упал с коня.

– И он еще рассчитывал переиграть меня! Эй, кто-нибудь, приведите в чувство моего маленького братца!

Тотчас со всех сторон побежали люди и змеяды, чтобы исполнить волю королевы, которая для них уже была гораздо больше, чем просто королева.

Кусанский князь Ца Ю вынужден был оставить своего скакуна у врат Эрука. Несчастное животное наотрез отказывалось следовать в разрушенный город, где правили бал мертвые люди и мертвые звери. Ца Ю пешком пробирался к цели своей последней экспедиции, и ни разу прежде князь-путешественник столь страстно не желал достичь ее. Вокруг продолжалось буйство разбушевавшейся смерти, бесчисленные орды мертвых, точно стаи голодных шакалов, рыскали по городу в поисках пока еще живых.

Кусанец старался не обращать на них внимания и все усилия свои направлял на то, чтобы скорее отыскать дорогу к царскому дворцу. Это казалось чудовищным ему самому, но никогда еще он не был так уверен в собственной безопасности, как здесь и теперь. За время общения с королевой Ца Ю успел убедиться: та всегда держит слово. Если уж она обещала, что мертвецы его не тронут, они действительно его не тронут.

Так оно и было: Ца Ю старался не замечать мертвецов, а те игнорировали его. Ободрав в клочья свои дорогие шелковые одежды, князь в конце концов добрался до ворот царского дворца. Огонь, пожирающий город, еще не успел добраться сюда, но был уже на подходе. Как и следовало ожидать, здесь не было ни живых, ни мертвых, и никто не преградил человеку дорогу. Лишь в дальнем углу террасы павлин с перегрызенной глоткой терзал клетку, в которой бился живой волнистый попугайчик. Но у Ца Ю не было времени сочувствовать им.

Он миновал несколько пустых залов. Повсюду видны были следы недолгой, но яростной и бессмысленной схватки. Вот человеческая рука с пальцами, намертво сжавшими рукоять кривой сабли. И рука, и пальцы – больше похожие на когти – почернели от старости; Ца Ю понял, что безвестным защитникам этого зала удалось-таки отхватить конечность одному из напавших. А вот рядом, на мозаичном мраморном полу – пузырчатая масса кроваво-серого вещества. Кому-то разmozжили голову... Может быть, это пал тот самый защитник, кто оторвал руку у мертвеца? Пал – и тотчас встал подле своего убийцы, чтобы вместе с ним убивать неубитых...

Князя стошнило. Он с трудом оторвал взгляд от страшной картины. Рядом на столике стояла недопитая чаша с вином. Ца Ю допил вино. Судя по вкусу, это было сладкое хауранское. Для кого-то глоток из этой чаши стал последним глотком в его жизни... Изгоняя прочь такие мысли, кусанец налил себе еще. От вина стало чуть легче, и он продолжил путь.

Несколько пролетов вниз по винтовой лестнице, подвал дворца, снова череда пустых палат. Мастерская по чеканке монет, сокровищница, и вот наконец – библиотека. Когда-то он уже был здесь. Местный визирь – Ца Ю не мог припомнить, как того звали – сам человек образованный и мудрый, показывал ему старинные манускрипты. А вот и они: лежат на полках сандалового дерева, никем не тронутые. Но разве это удивительно? Мертвым, в отличие от живых, не нужны знания... Какое всё-таки невероятное богатство!

Некоторые из этих манускриптов хранили опасную мудрость давно канувших в забвение цивилизаций. Вот рукописи древней Валузии. Вот хроники царей Атлантиды. Вот пергамент из Пифона, павшей ахеронской столицы, с чёрной печатью самого Ксальтотуна.

А вот загадочный кхарийский манускрипт, что двадцать лет тому назад едва не сделал Камию и Джосера властителями мира...¹ Было бы лучше теперь, если бы он, Ца Ю, вместе с двумя своими странными, невольными союзниками, тогда не помешал им? «Вам следует собой гордиться, князь, – с неподражаемым своим сарказмом сказала ему Камия в тот раз. – Вы поступили точно истинный мудрец, ответственный ученый и как светлый, совестливый маг: из страха перед варварством призвали варвара, отняли у цивилизации надежду». Как жаль, что нет возможности спросить сейчас об этом Конана и Паксимена. Так или иначе, прошедшее не возвратишь, не переменишь...

Всё здесь! И даже... Одна толстая книга показалась Ца Ю знакомой, он взял ее и прочитал надпись на переплете, сделанную по-кусански: «Нравы и обычаи стигийцев, ихние боги, короли и чародеи, а также прочее, имеющее быть к югу от Стикса».

Его книга! На глазах выступили слезы. И он еще мнил себя знатоком этих нравов! Невольно он почувствовал свою вину за весь происходящий нынче ужас. Ведь это именно его книгу изучали другие мудрецы, находя классической. «Лучшее, что написано о Стигии во все времена», – как выразилась сама главная злодейка, одна из его почитателей. Кто же я, подумал Ца Ю: ученый, потерпевший самое страшное творческое поражение в жизни, или невольный сообщник злодейки? Или её жертва, как все прочие?!

Князь положил свою книгу обратно на полку и с тоской оглядел хранилище. Древней мудрости суждено погибнуть: запах гари усиливался. Он не сможет вытащить всё. Да я и не за этим пришел, напомнил себя кусанец. И это было правдой: Ца Ю явился в царскую библиотеку совсем не для того, чтобы спасти бесценные раритеты Эрука. Настоящая жизнь была для него важнее жизни прошлой, и эту-то жизнь он еще надеялся спасти в меру своих скромных сил.

Князь прошел к большому сундуку, стоявшему в самом дальнем и самом темном углу залы. Поискав глазами ключ, Ца Ю скоро уверился, что таким способом ему не открыть сундук. Тогда он вернулся в чеканную мастерскую и нашел там молот. Тяжесть оказалась слишком велика для его старческих плеч, но кусанец заставил себя дотащить молот до сундука. Собрав силы, он размахнулся и ударил по замку. Тяжелый молот вырвался из его рук и чуть не отдалил ногу. Замок отвалился. Князь потянулся, чтобы открыть сундук. Его насквозь пронзила боль. Только этого еще не хватало! Сундук оказался заговоренным.

Ца Ю призвал на подмогу все свои нехитрые познания в бытовой магии. Прошли еще полчаса, прежде чем он понял, что безымянный чародей, заклявший этот сундук, был куда сильнее его. Запах гари становился невыносим. Князю показалось, что он уже слышит где-то вдалеке треск подступающего пламени. Ему хотелось плакать. Хотелось бросить всё и принять смерть среди этих прекрасных манускриптов и вместе с ними – существует ли более почетная смерть для ученого? Но тут он вспомнил о своем долге, о стране, где родился, о мудром и справедливом владыке этой страны, которому был предан, и передумал умирать.

– О, Всемогущее Небо, сделай так, чтобы этот сундук раскрылся!

И то ли Небо вняло его мольбам, то ли очередное заклинание попало в точку – но крышка сундука приподнялась, пропуская человека к тайнам содержимого. Чуть не рыдая от радости, Ца Ю извлек из сундука ковер. Ковер не был очень уж красивым: как обычно, павлины, танцующие девушки и узоры по краям. Он был совсем небольшим, этот ковер, таившийся в сундуке, – два роста князя в длину и один рост в ширину. Маг аккуратно расстелил ковер на полу библиотеки и взобрался на него.

¹ См. рассказ «Проклятие кхарийского манускрипта» из цикла «Изгой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.